

62-3/2) 622 кр

623/1
/кд

В. БОЛЬШАКОВ

42-я
ОТДЕЛЬНАЯ

**БОЕВОЙ ПУТЬ 42-й ОТДЕЛЬНОЙ
КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ
БРИГАДЫ — 226-й ОРДЕНОВ
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
СУВОРОВА I ст.
ГЛУХОВСКО-КИЕВСКОЙ
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ**

Путь пройден с боями
Перемещение
Районы длительной обороны

63.3(2)622кр

Б79/чб

2

В. БОЛЬШАКОВ

42-я ОТДЕЛЬНАЯ

Центральной Городской
библиотеке.

В знак признательности
за оказываемую мне помощь
в поисковой работе.

Автор В.В. Большаков

22 октября 1985г. 209097

Централизованная
библиотечная система
г. Рубцовск

ББК 63.3(2)722
Б 79

Рецензент Ю. В. Плотников,
полковник, кандидат исторических наук

За добрые советы, консультации, за большую помощь в поисковой работе и представление разного рода материалов автор глубоко признателен М. С. Батракову, М. Т. Карначеву, М. И. Каштану, Н. М. Юрову, Н. С. Попову, Д. Т. Горбунцову, В. А. Софронову, Ю. А. Майорову, А. С. Алексинной, М. Л. Щепочкину.

Большаков В. Ф.

Б 79 42-я отдельная /Предисловие М. С. Батракова —
Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985. — 184 с., ил.

Автор, бывший инструктор по информации политотдела 42-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады, сформированной в 1941 году в Барнауле, рассказывает о боевом пути бригады, о подвигах товарищей по оружию.

Рассчитана на массового читателя.

0505030202—38
Б М 138(03)—85 4—85

ББК 63.3(2)722

ОБ АВТОРЕ КНИГИ

Василий Федорович Большаков в 42-й отдельной стрелковой бригаде с начала ее формирования и до его тяжелого ранения в октябре 1942 года занимал должности комиссара роты ПТР (противотанковых ружей) и инструктора по информации политотдела бригады. В Сталинграде, в тяжелой фронтальной обстановке, Большаков энергично и своевременно умел мобилизовать воинов на выполнение заданий командования. Он настойчиво проводил политическую работу среди воинов.

На большом собранном материале Василий Федорович правдиво показал героический путь 42-й отдельной Крас-

нознаменной стрелковой бригады, ратные дела ее воинов. Он хорошо знал солдат, командиров, политработников, вел летопись их подвигов. Многие имена и боевые эпизоды нашли место на страницах его книги.

Еще в тридцатые годы Василий Федорович Большаков активно участвовал в подготовке молодежи к защите Советской Родины. А когда грянула Великая Отечественная война, он и сам был призван в ряды Советской Армии и честно, доблестно исполнял свой долг воина-коммуниста.

Благодаря повседневной и целеустремленной партийно-политической работе командиров и политработников, в которой участвовал и Большаков, части и подразделения бригады были боеспособны, спаяны высокой дисциплиной и успешно выполняли боевые задачи.

Во многом благодаря настойчивой инициативе Василия Федоровича Большакова, ветерана войны из Барнаула учителя Михаила Лукьяновича Щепочкина, а также большой помощи руководства городских организаций Барнаула были организованы девять встреч бывших воинов бригады и походы с учащимися школ городов Барнаула и Рубцовска по местам боевого пути бригады.

Ныне Василий Федорович, являясь членом совета ветеранов города Рубцовска, председателем городской комиссии содействия Советскому фонду мира, активно участвует в патриотическом воспитании молодежи. И написанная им книга о боевом пути и воинах 42-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады станет для многих поколений молодежи хорошей школой воспитания любви к Родине, умения защищать ее от врага.

*Матвей Степанович Батраков,
Герой Советского Союза,
генерал-майор в отставке*

КОМСОМОЛЬЦЫ ТРИДЦАТЫХ

В конце тридцатых годов на Западе запылала вторая мировая война. Она все ближе, все грознее, все ощутимее подступала к границам СССР. На востоке разбойничал японский империализм.

Наша страна переживала трудные годы. К началу первой пятилетки (1929 год) она едва залечила раны, нанесенные первой мировой и гражданской войнами, и взялась строить социализм. Всего лишь двенадцать лет мирной жизни предоставила нам история, чтобы провести индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства, ликвидировать эксплуататорские классы.

С огромным энтузиазмом возводил наш народ под руководством партии стройки первых пятилеток — Магнитку, Кузнецкий металлургический комбинат, тракторные и автомобильные заводы, создавал колхозы. Впервые в истории человечества в те годы зародился массовый трудовой героизм, движение ударников и стахановцев. Когда началась вторая мировая война, наша страна, ведя мирное строительство, стала активно готовиться к обороне.

Партия, правительство, комсомол сумели заложить глубоко в сознание, души, воспитать у каждого советского человека неиссякаемый патриотизм, глубокую веру в правоту нашего дела, в построение коммунистического общества.

Поколение наших отцов завоевало и отстояло Советскую власть. Нам, комсомольцам 30—40-х годов, предстояло сбересть завоевания Великого Октября, приумножить их, отстоять страну от посягательств врагов. Нас воспитывали на славных революционных, боевых и трудовых традициях старшего поколения. И мы хорошо осознавали свой патриотический долг перед Родиной. Учились, труди-

лись, но и готовились к предстоящим боям. Совершенствуя воинскую выучку, любили ходить строем, совершать длительные походы и переходы, заниматься лыжным спортом, играть в военные игры, футбол. Мы учились метко стрелять, быстро собираться по тревоге, уходить в глубокую ночь на ликвидацию «противника».

Комсомольская юность тридцатых годов, готовившая себя к грядущим боям с фашизмом, вписала во всенародную летопись три памятных знака — ГТО, ПВХО и ГСО, три главных по тому времени мерил готовности к защите Родины. Эти сокращенные названия означали соответственно: Готов к труду и обороне; Готов к противовоздушной и химической обороне; Готов к санитарной обороне. С этими боевыми знаками мы и уходили на фронт.

В конце 1940 года ЦК ВЛКСМ провел перестройку в комсомольских организациях, резко сократил их штаты. Меня в то время избрали секретарем Залесовского райкома ВЛКСМ. В аппарате райкома вместо прежних семи человек оставили трех — секретаря, заведующего учетом и управляющего делами. Надо было широко вовлечь в работу на общественных началах комсомольский актив. Нам передали бывшее здание райкома партии. В нем разместились райком комсомола, райсовет Осоавиахима, комитет физкультуры — организации, вместе занимавшиеся воспитанием молодежи. Они были укреплены боевыми, активными комсомольцами. Многие из них стали членами бюро РК ВЛКСМ и его внештатными инструкторами.

Сработались мы быстро. Вместе планировали всю массовую работу организаций, где заправлял комсомол. Главным мы считали налаживание военно-спортивной работы и сумели вовлечь в нее всю молодежь района.

Зимой 1940—1941 годов проходил всесоюзный лыжный кросс, посвященный 23-й годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Как вовлечь в него молодежь? Совместно с райвоенкоматом мы создали пять лыжных команд, одели их в лыжные костюмы, разработали маршруты и боевое задание для каждой. Они-то и должны были личным примером привлечь молодежь к лыжным соревнованиям. Прежде, чем дать старт, провели митинг лыжников. С него и стартовали команды в десятидневный поход.

Через десять дней, в воскресенье, по гудку льнозавода, со всех сторон на площадь райцентра Залесово въехали десятки команд лыжников из всего района. На площади

состоялся митинг. Командиры рапортовали о количестве созданных в период похода лыжных команд. Участников лыжного кросса поздравил секретарь райкома партии В. Ф. Баяндин. Клич «Молодежь, на лыжи!» стал законом для всех.

Передо мной газета «Сталинская смена» (предшественница нынешней краевой газеты «Молодежь Алтая») за 19 января 1941 года. В ней опубликована статья секретаря крайкома комсомола М. Ярунцева. Он отмечает, что Залесовский райком ВЛКСМ по-серьезному готовится к всесоюзному кроссу. И приводит факты: в районе создано 120 лыжных команд, 600 комсомольцев регулярно участвуют в тренировочных занятиях, свыше ста комсомольцев сдали нормы на значок ГТО, пять команд совершили 200-километровый лыжный переход. И заключает: к кроссу район готов.

Участвуя в том лыжном кроссе, район занял одно из первых мест по краю.

Должен заметить, что хотя район и был расположен в притаежной глухомани, залесовская молодежь была безмерно влюблена в спорт. Здесь была сильнейшая среди районных футбольная команда, которую организовал врач Е. И. Дугин. А на замечательных Крутых увалах за райбольницей, излюбленном месте отдыха спортсменов, зимой каждый день звенели голоса лыжников. Залесовские комсомольцы, как и вся молодежь Алтая, активно готовили себя к защите Родины. А что лучше, чем спорт, способствует физическому развитию человека, укрепляет здоровье, создает жизнерадостное настроение!

Ожидаемая, но грянувшая внезапно, война застала меня под Севастополем, в санатории «Меллас», где я проводил отпуск. С первых часов разбойного нападения фашистов пришлось испытать бомбежку в Севастополе, увидеть воздушный бой. Я ясно понял: наступил и мой черед встать с оружием в руках на защиту Родины.

Семнадцать пересадок потребовалось в пути, чтобы вернуться из Крыма на Алтай. Многие члены райкома комсомола уже ушли в армию добровольцами.

РОЖДЕНИЕ 42-й БРИГАДЫ

В тревожные дни осени 1941 года в Барнауле формировалась 42-я бригада. Я прибыл в нее одним из первых и стал комсоргом отдельного батальона связи.

На всех фронтах шли смертельные бои. Враг стоял у стен Москвы. Весь мир, затаив дыхание, следил за Советским Союзом, за нашей Советской Армией, которая в ожесточенной схватке перемалывала отборные гитлеровские дивизии, срывая планы и расчеты Гитлера и его сторонников на молниеносную победу над СССР. Всего лишь три месяца отвел Гитлер в своих планах для полного разгрома Советской Армии. Он был настолько уверен в победе, что даже не считал нужным обеспечить свою армию зимним обмундированием.

Очень хорошо помню, как советские люди поднялись на борьбу против смертельно опасного врага — единодушно, сплоченно, с верой в победу. «Все для фронта!», «Все для победы!», «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» — этим жил каждый: и воин, и труженик тыла. Мы знали: либо жить, либо умереть — другого выбора не было.

И как же мы ликовали, узнав о победе под Ельней! Там отличились и алтайские полки, в числе первых получившие звание гвардейских. Первыми Героями Советского Союза в этой операции стали командиры полков, сформированных на Алтае, Батраков и Некрасов. В Барнауле были вывешены их портреты. Мы зачитывались сообщениями об этом сражении. Алтайский крайком ВКП(б) и крайисполком 18 сентября 1941 года направили письмо И. М. Некрасову и М. С. Батракову. В нем говорилось:

«Мы, трудящиеся Алтайского края, горячо поздравляем вас от всего сердца, от всей души с высокой правительственной наградой. Ваши подвиги на фронте Отечественной войны против фашистских варваров вселяют в нас гордость за наш край, рождающий героев. Вы своим мужеством, храбростью и отвагой в борьбе с фашистскими мерзавцами прославили себя на всю страну.

Золотыми буквами будут вписаны ваши имена в историю нашей Родины. С такими людьми, как вы, наша страна непобедима. Гордимся вами, алтайские богатыри — воспитанники партии.

Верим, во славу любимой Родины, во имя освобождения всего передового и прогрессивного человечества вы и впредь покажете мужество, беззаветную отвагу, будете бить фашистских стервятников до полного их уничтожения.

Мы хорошо знаем, что фронт и тыл — это одно целое, что чем выше наши производительность труда, дисципли-

на, революционная бдительность, трудовая доблесть и самоотверженность, тем быстрее будет разбит и уничтожен фашизм.

Партийные и непартийные большевики Алтайского края напрягают все усилия к тому, чтобы дать стране, нашей могучей Красной Армии больше хлеба, продовольствия и все необходимое для разгрома кровавого гитлеризма.

Ваши героические дела, Иван Михайлович и Матвей Степанович, — это пример для всех нас. Мы берем на себя обязательство — работать так же отлично, как отлично выполняете боевые задания вы, наши дорогие земляки.

...Несите гордо красное знамя вперед. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Слава героям Отечественной войны!

Крепко жмем ваши руки, ждем с победой!»

Значение той первой победы над гитлеровцами под Ельней было велико. Думается, уместно напомнить о ней хотя бы вкратце.

Восемь отборных гитлеровских дивизий рвались через Ельню на Москву. Им была отведена особая роль — возглавить парад гитлеровских войск на Красной площади в Москве. Но дорогу захватчикам преградила 24-я армия. В ее составе была 107-я дивизия с Алтая. 765-й стрелковый полк М. С. Батракова, развивая наступление, оказался перед сильно укрепленной гитлеровцами высотой 251,1. Наступление приостановилось. Ранним сентябрьским утром к М. С. Батракову прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал Г. К. Жуков. Доложив ему об обстановке, Матвей Степанович сказал:

— Полк готовится к штурму высоты 251,1.

Жуков спросил:

— Сколько вам потребуется времени для овладения высотой?

— Сутки.

— Даю двое. Какая нужна помощь?

— Артиллерийская поддержка, хотя бы силами одного полка, — попросил Батраков.

Жуков дал указание поддержать полк Батракова силами двух артиллерийских полков и придать ему минометный батальон.

7 сентября 1941 года был блестяще осуществлен штурм высоты 251,1. Это позволило нашим войскам успешно раз-

Слева направо стоят: инструкторы политотдела И. В. Коган, Александров, комиссар штаба Каган, комиссар 1-го сб Мартынов, инструктор политотдела Подскочин; сидят: секретарь парткомиссии М. И. Каштан, начполитотдела Ф. М. Лукин, комиссар бригады Фишман, начштаба Г. Е. Сазонов; в центре помначполитотдела по комсомолу В. Ф. Пилипенко.

вивать наступление по разгрому ельнинской группировки врага.

Топографическая высота с отметкой 251,1 издавна называлась Ушаковской горой. Неоглядные дали открываются с нее. Сегодня на легендарной высоте установлен памятник. На нем из металла отлиты строки: «Здесь зародилась Советская гвардия».

Дивизиям и полкам Алтая были присвоены гвардейские звания, Матвею Степановичу Батракову — звание Героя Советского Союза. Он, будучи дважды ранен — в руку и голову, в течение пятнадцати суток не уходил с поля боя, пока полк не выполнил до конца поставленную перед ним задачу. По примеру командира полка не покидали окопы и раненые бойцы...

К 1 ноября 1941 года, как и было предусмотрено Военным советом СибВО, было завершено создание 42-й бригады. Во главе многотысячного коллектива стоял штаб бригады со всеми службами управления и обеспечения и политотдел. Уже в период формирования развернулась боевая и политическая подготовка. Нужно было в кратчайшие сроки научить солдат и командиров воевать с коварным и сильным противником, сплотить коллектив. Артиллеристы, минометчики, саперы, разведчики, связисты, автомобилисты должны были изучить боевую технику, отработать действия расчетов и научиться бить врага метко и наверняка. И надо прямо сказать, боевая подготовка проходила с хорошими и отличными результатами.

Успехи в боях под Ельней создавали высокий патриотический настрой на политзанятиях. Затеяники уже распевали «Яблочко» с новыми словами:

Эх, яблочко, да из Сибири,
Бей фашистов злей, да крепче гири!
Сброд коричневый бей таковский,
Как гвардейцы бьют, по-батраковски!
Всех эсэсов-псов и всех асов
Эх, громи-кроши, да как Некрасов!
Пусть Гитлер-шут
В злобе мечется, —
Белый свет никогда
Не онемечится.

Формирование бригады заканчивалось, а командира все еще не было. Однажды комиссар бригады Фишман и политотдел собрали весь командно-политический состав. В президиуме совещания появился незнакомый военачальник с четырьмя шпалами, высокого роста, с перевязанной рукой. В зале зашептались: «Кто это?». Фишман представил незнакомца:

— Наш командир бригады Матвей Степанович Батраков.

Все сидящие в зале поднялись в едином порыве и стоя зааплодировали. Прогремело дружное «Ура!». Наш восторг был понятен. Имя Батракова часто упоминалось в наших разговорах: Им гордились весь Алтай, вся Сибирь. И вдруг такая честь, гордость, радость — служить под его началом!

Слово берет Матвей Степанович. Весь зал замер. Батраков подробно рассказал, как трудно нашей армии вести бои с превосходящими силами врага. Особенно трудно тем, кто плохо владеет военным делом, слабо бьет по це-

М. С. Батраков.

П. М. Шумило, нач. оперотдела.

лям, не умеет быстро окапываться и маскироваться, у кого слабая физическая закалка. Он заявил, что отныне все внимание будет уделено боевой подготовке и взаимной поддержке в бою. Но сумел комбриг убедить личный состав и в том, что не так страшен черт, как его малюют, что умеючи врага можно здорово бить и полностью изгнать с нашей родной земли. И закончил выступление словами: «Будем учиться, тренироваться, закаляться!»

С этого времени начались усиленные учения, смотры во всех подразделениях, длительные марши и переходы. Шло овладение смежными профессиями, развернулось движение за сверхметкую стрельбу. Усилилась и политическая подготовка. Создавалась сеть агитаторов и наставников, формировались и сплачивались коллективы, партийные и комсомольские организации. Развертывалась партийно-политическая работа.

42-ю бригаду формировала вся Алтайская краевая партийная организация, посылая в нее лучших своих сынов и дочерей, коммунистов и комсомольцев. Больше трети ее первоначального состава были коммунисты и комсомолы.

Большую заботу о бригаде проявляли барнаульские горком партии и горисполком. Подразделения бригады

размещались в клубах, кинотеатрах, на ряде предприятий, в школах, училищах. Надо было одеть, обуть, прокормить тысячи человек, снабдить их теплым зимним обмундированием. Все это бригада получила сполна.

7 ноября 1941 года 42-я бригада возглавила колонну войск Барнаульского гарнизона. Ожидая отправки на фронт, она продолжала совершенствовать боевое мастерство.

22 ноября 1941 года Барнаульский горком ВКП(б) и горисполком решили взять шефство над 42-й отдельной стрелковой бригадой.

В конце ноября состоялась бригадная партийная конференция. Она заявила о готовности бригады отбыть на фронт.

5 декабря 1941 года, в День Конституции, на площади Свободы, в то время главной площади краевого центра, состоялся многолюдный городской митинг, посвященный проходам бригады на фронт. В своей речи секретарь горкома партии призвал воинов бригады внести свой достойный вклад в дело разгрома врага и пожелал с победой вернуться домой. Огласив решение горкома партии и горисполкома, он вручил бригаде Красное шефское знамя. Получая его, комбриг М. С. Батраков поблагодарил за высокую честь и от имени всего личного состава дал клятву родному Алтаю, что 42-я бригада до конца выполнит свой священный долг перед матерью-Родиной и оправдает доверие своих земляков. А от батальона к батальону неслось дружное: «Клянемся, клянемся, клянемся!»

С напутствиями и наказаниями выступили матери и жены. А потом состоялся прощальный марш воинов бригады. Ее колонны с шефским городским знаменем впереди прошли по главным улицам Барнаула. Их тепло и сердечно приветствовали и провожали горожане и приехавшие ради этого торжественного случая жители сельских районов.

К утру шесть эшелонов с бойцами, командирами, снаряжением бригады отбыли, как нам позже стало известно, в Москву. Дорогой мы пели:

Москва моя, страна моя,
Ты — самая любимая...
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.

Новые части вводились в Москву скрытно. Поэтому нас впустили в нее только поздним вечером.

В Люберцах был получен приказ встать на защиту Москвы. В нем говорилось: «...город подготовлен к круговой обороне. 24-я армия занимает для обороны заблаговременно подготовленный рубеж на фронте Ново-Брехово, Давыдково, Акиньшино, Борисовка, Быль, Подосинники, Луковня, Подольск, Домодедово и далее по реке Пахра.

Задача армии: жесткой обороной не допустить прорыва противника на Москву, уничтожить его перед передним краем и быть готовой к наступательным действиям.

42-й стрелковой бригаде сосредоточиться в районе Томилино, Котельники, Гремяче, Лыткорено, Болятино, Пехорка. По получении недостающего обмундирования и вооружения выступить по маршруту Томилино, Болятино, Чулково и занять для обороны район Зеленое, Жуково, Запрудное, Дурниха, Чулково. Обратит внимание на организацию опорных пунктов на перекрестке дорог в районе Дурниха». Итак, мы вошли в состав 24-й армии.

Участвуя в обороне Москвы, в составе резервного фронта, бригада занялась укреплением обороны своих рубежей. Стоял суровый декабрь. Создавая опорные пункты на перекрестке дорог в районе Дурниха, пришлось провести немало земляных работ. Давались они в замороженной земле трудно. Комбриг М. С. Батраков поставил на этот участок 3-й стрелковый батальон во главе со своим боевым соратником по Ельне гвардии майором Прокопием Прохоровичем Тарабаевым. Это был мой земляк залесовец.

Как вспоминает Матвей Степанович Батраков, наша бригада в этот период находилась в резерве Ставки Верховного главнокомандования. И период пребывания в Москве и Подмосковье был использован для сплочения и боевой выучки всех подразделений бригады. Это сыграло положительную роль в последующих боях на Северо-Западном фронте.

С волнением прощались мы с Москвой, которая была рядом, но которую мы так и не увидели. Наш путь лежал на север. Проехали Рыбинск, Бологое, остановились на станции Фирово — недалеко от озера Селигер.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Еще будучи в Москве, Матвей Степанович Батраков получил приказ 42-й стрелковой бригаде после выгрузки на станции Горовастица-Фирово сосредоточиться в районе

Савелово, Сухая нива, Кузино, где и поступить в распоряжение командующего 3-й ударной армией.

В ночь на 8 января 1942 года на небольшой станции Фирово, находившейся в сосновом бору, началась разгрузка наших эшелонов. Ехали мы до нее от Москвы семь суток (теперь это расстояние поезд проходит за 6—7 часов).

Во время выгрузки представитель штаба 3-й ударной армии вручил приказ командующего: оставаясь в резерве армии, в ночь с 8 на 9 января сосредоточиться в районе Подолище—Голенок. В дальнейшем, следуя за наступающей впереди 33-й стрелковой дивизией, быть в готовности оказать содействие ей и наступающей севернее 23-й стрелковой дивизии. Маршрут движения бригады: Роги, Кра-суха, Глебово, Подолище.

Уже через день бригаде было приказано из района Ореховка, Подолище, Голенок к исходу 11 января перейти в район Баталовщина—Дорица. Трое суток мы находились на марше.

До озера Селигер двигались днем лесом, а в открытой местности — только ночью. Но никто из нас не знал тогда о том, что мы углублялись в тыл врага.

Вдоль озера Селигер немцы линии фронта не создавали, гарнизоны не оставляли: водный рубеж они считали неприступным для Советской Армии. Села и деревни в этом районе немцы навещали наездом, грабя мирное население.

Именно в эту брешь, по ту сторону озера, саперы 3-й ударной армии в прибрежном тальнике и кустарнике прорубили в тыл врага «окно» длиной до 15 километров. На всей этой трассе торчали пни. Через это «окно» прошли вначале 33-я и 23-я стрелковые дивизии. За ними двинулись части 42-й бригады. Стоял сильный мороз, лежал глубокий снег. Лед на Селигере выдерживал даже танки, трактора, тяжелую артиллерию, людскую лавину. Зеркальная поверхность льда отражала всю картину марша. А стоило войти в прорубленную просеку, как наваливались полумрак, темнота. Люди, кони шли, спотыкаясь о пни, падая и вновь поднимаясь. Шли долго, медленно, постепенно приспособившись к бездорожью, к ходьбе на ощупь, падая и запинаясь все меньше, все реже.

«Окно» осталось позади. Мы вышли на полевые и проселочные дороги. В морозном воздухе далеко разносился страшный скрип колес — весь обоз состоял только из бричек, душу раздирали этот тележный скрип. Далеко —

на 25—30 километров растянулись обозы и строевые подразделения, соблюдая уставные дистанции на марше. Шли больше ночью. Темп движения не превышал трех километров в час. Порою шли в обнимку по трое, создавая среднему возможность поспать на ходу. Время от времени место в середине занимал другой, третий. Так и спали по очереди.

На привалах лишь немногие попадали в деревенские помещения и бани. Большим счастьем было поспать вместе с коровами, овцами, лошадьми, подстелив под бок seno или солому.

Так мы шли без соприкосновения с врагом, без единого выстрела пять суток, не подозревая, что зашли далеко в тыл врага.

Еще на станции Фирово я получил новое назначение — комиссаром в роту противотанковых ружей. Ее бывший комиссар заболел и был оставлен в госпитале. Когда разыскал роту, она заканчивала выгрузку материальной части из вагонов. Командиром роты оказался москвич старший лейтенант Иван Иванович Крючков. В роте я встретил своих земляков залесовцев, бывших знатных бригадиров тракторных бригад Шукина, Недосекова, Плющева. Последний был еще и депутатом Залесовского районного Совета. Здесь же оказались еще четверо знакомых — бывшие курсанты бригадной школы младших командиров: Торшин, Буздалин, Поднебеснов, Забурский. С остальными знакомился в пути.

Срочно погрузили на 16 пароконных бричек материальную часть, боепитание, вещевое оборудование роты, а вот продовольствия не оказалось. На санях был установлен большой котел, в нем даже на ходу можно было готовить пищу. Но еще в Москве рота не получила никаких продуктов. Обходились в пути пять суток за счет скудных запасов продовольствия, оставлявшихся «на черный день».

Иду к интенданту. Им оказался также мой земляк из Залесова, бывший районный уполномоченный Министерства заготовок Леонид Моисеев. От него узнал, что в Москве на батальон было выдано продуктов всего на двое суток, и теперь совершенно нечем кормить людей. Из своего «НЗ» интендант выдал роте два ящика тушенки, немного селедки и пять мешков сухарей. Сухарей пришлось всего по три штуки на человека. Отдали строгий приказ — съедать в день по одному сухарю. Люди были изнурены — и трудным переходом, и морозом, и голодом. Нужно было с едой что-то придумывать.

Двое суток прошли на скудном запасе: суп из тушенки и один сухарь в день. Ночевали на улице голодными, в холоде. Настроение у всех упало. На третьи сутки нам посчастливилось разместить всех бойцов по квартирам. Как только люди входили в теплое помещение, так буквально замертво валились спать, и спали крепко, беспробудно.

Мы со старшиной роты рубцовчанином Баженовым решили забить одну лошадь — их у нас было 35, чтобы за ночь сварить хороший суп и утром досыта накормить солдат. Выручили нас местные жители, дав три мешка картошки. Повар и старшина ликовали. Солидную часть мяса заложили в котел. Сумели поднять еще двух человек, чтобы начистить картошки. Суп получился на славу. Утром поднялись бойцы, получили суп с мясом и картофелем и не поверили своим глазам. Мяса наелись вдоволь. Сразу у всех поднялось настроение, как рукой сняло усталость. Раздались шутки.

По нашему примеру во всех подразделениях стали варить суп с кониной, закупать у местного населения продукты и фураж. Без этого мы не смогли бы продолжить марш. Мы все глубже вклинивались в тыл врага.

12—13 января разведка обнаружила противника. Стало ясно, что недалек тот час, когда встреча с врагом станет неизбежной. Все подразделения получили боевое распоряжение комбрига М. С. Батракова, были точно определены маршруты движения. Задача была поставлена так: в бои с противником не вступать, обходить его узлы сопротивления и, следуя за 33-й и 23-й стрелковыми дивизиями, проникать как можно глубже в тыл врага.

БОИ ЗА МОЛВОТИЦЫ

Почему их так назвали — Молвотицы, я не знаю и по сию пору, но в душу они запали на всю жизнь. Стоят Молвотицы на высоком холме, простирающемся на несколько километров вдаль и вширь. Этот холм покрыт густым березовым лесом. Со всех сторон Молвотицы опоясаны реками и речушками. Не налюбишься этой красотой. Одно печалит: в этом красивейшем селе торчит фашистский завоёватель. Он все вокруг превратил в огневые точки, занял круговую оборону. Вокруг Молвотиц в долинах рек, в лугах расположены окрестные деревни Конищево, Пупово, Гусево, Кокшино и другие. Они также укреплены

немецкими гарнизонами. Им не страшно наступление русских.

Командование 3-й ударной армии и не ставило целью штурмовать Молвотицы в лоб. 33-я дивизия, пройдя мимо них, устремилась на запад, на город Холм. 23-я дивизия тоже обошла Молвотицы и повела бои в направлении Новой Руссы. Замыкающая боевые порядки 42-я бригада обложила село с юга, запада и севера. Перед нею стояла задача: не штурмовать Молвотицы, а обезвредить и блокировать вражеский гарнизон, чтобы дать возможность всей 3-й ударной армии развивать успех.

Вплоть до 23 января, восемь дней, бригада вела успешные бои за деревни вокруг Молвотиц, взламывала вражеские узлы сопротивления, перерезала дороги, соединявшие вражеские гарнизоны, блокировала целые группы деревень, уничтожала противника, освобождала населенные пункты. Так, 15 января 1-й и 2-й стрелковые батальоны достигли деревни Перхово, 3-й батальон — деревни Елькино. 16 января рота младшего лейтенанта Селиванова из 3-го батальона без потерь, перебив вражеский гарнизон, заняла деревню Шинково. Ночью 17-го минометный батальон штурмом овладел сильно укрепленным опорным пунктом врага — деревней Гусево, всего лишь в одном километре от Молвотиц, уничтожив при этом свыше 70 гитлеровцев.

— Немецкая разведка работала плохо и трусливо, — анализируя обстановку в те дни, говорил комбриг. — Пример: деревня Гусево. Стоит 40-градусный мороз, немцы патрулируют по улице, а остальные забрались в тепло, пьют, горланят песни. С наступлением темноты минометный батальон, а позднее 3-й стрелковый батальон охватили деревню полукольцом. Заняли исходные рубежи, блокируя Гусево. Готовы для атаки. В этот суровый с ветром мороз занявшие исходные рубежи бойцы видят, как из труб валит дым, слышат разгул врага и негодуют: «Что, мы пришли сюда, чтобы охранять врага, его покой?» Комбат капитан Зиновьев и комиссар старший политрук Савчинский держат совет с командирами и политработниками, высылают разведку в деревню, уточняют расположение противника, его огневых точек, порядок смены постов. Через два часа, ночью, решено штурмовать деревню. Немцы не ожидали такой дерзости. Фашистские патрули в шинелях и пилотках, головы закутаны платками, а плечи — одеялами. Они больше выпясывают на морозе, чем следят за обстановкой.

И вот две минометные роты — А. И. Струлева и М. Амельченкова — врываются в село, бесшумно снимают часовых, расставляют своих бойцов, обрушивают шквальный минометный и ружейно-пулеметный огонь по штабу и домам, где квартируют немцы, и с русским «Ура!» очищают деревню от гитлеровцев. Сюда же подоспели воины 3-го стрелкового батальона. Теперь в тепло перекочевали батраковцы. Сильно укрепленный узел обороны противника, построенный по всем правилам немецкого военного искусства, ночным штурмом, без поддержки пехоты был захвачен минометчиками. Победила батраковская тактика: скрытность, внезапность, дерзость.

Командование было убеждено, что фашисты не смирятся с потерей такого важного узла обороны, как Гусево, и постараются вернуть его. Поэтому Н. И. Зиновьев, В. М. Савчинский решили до рассвета накормить бойцов захваченными трофейными продуктами, занять круговую оборону и встретить врага во всеоружии.

Ровно в 8 часов немцы из села Молвотицы и деревни Кокшино повели наступление на Гусево. Началась яростная атака гитлеровцев при массивной поддержке артиллерийским и минометным огнем. Наши минометчики стойко отражали натиск врага, метко разили своим огнем наступающих гитлеровцев. Особенно слаженно действовал, метко стрелял расчет барнаульца Блинова. Наблюдатели противника из Молвотиц засекли огневую точку Блинова и открыли по ней прицельный ураганный огонь. Боевой расчет Блинова замолчал. Вновь поднялись в атаку гитлеровцы. Обстановка становилась угрожающей. Капитан Зиновьев то ползком, то вперебежку устремился к миномету Блинова. Там он увидел: весь расчет погиб, а миномет цел, около него еще много мин. С капитаном был связной. Осмотрелись. Зиновьев увидел большое скопление пехоты врага, двигавшейся по дороге из Молвотиц. Раздумывать было некогда. Капитан встал к миномету и вместе со связным, установив прицел, открыл беглый сокрушительный огонь по гитлеровцам. Каждая мина комбата ложилась в самую гущу вражеских солдат. Их атака захлебнулась, гитлеровцы повернули назад. Сам капитан Н. И. Зиновьев, сорвав контратаку врага, совершив бесмертный подвиг, навсегда остался лежать в этой земле. Его похоронили в конце деревни. Этот могильный холмик можно и сейчас отыскать, если въезжать в Гусево со стороны деревни Моисеево, на правой стороне, на пригорочке, в десяти—пятнадцати метрах от дороги.

Еще два дня непрерывно контратаковали гитлеровцы деревню Гусево. Но каждый раз, захлебываясь в собственной крови, они отступали. Батраковцы стойко держали оборону.

Подвиг отважного батальона был по достоинству оценен Родиной. Его командир капитан Н. И. Зиновьев был посмертно награжден орденом Ленина, а комиссар В. М. Савчинский — орденом Красного Знамени. Это была первая боевая награда в бригаде.

Более месяца комиссару Владимиру Макаровичу Савчинскому пришлось быть и командиром батальона.

О подвиге своего комбата Зиновьева бойцы написали его жене и дали клятву отомстить врагу за смерть любимого командира. Вот что ответила его жена Елена Чайковская: «Дорогие друзья, боевые товарищи моего погибшего мужа! Я получила тяжелое известие: мой муж погиб в бою за Родину. Он всегда был смелым и настойчивым и погиб он как герой, не отступил назад. Я потеряла с его смертью лучшего друга. Напишите мне о последних минутах его жизни. Это будет лучшей памятью о нем для меня на всю жизнь, потому что фашисты уничтожили наш дом, сожгли все имущество. Я лишилась двух братьев и мужа, но у меня есть еще два брата, сражающихся на фронтах Отечественной войны. Они будут мстить Гитлеру за горе, причиненное нашей семье. Я вас прошу, товарищи, крепче бейте немцев, мстите за смерть своего командира!»

Удержав Гусево, наши части повели наступление на деревни Кокшино, Быково, Наумово. Немцы в свою очередь из этих сел предпринимали контратаки. И зачастую боевые действия превращались во встречный бой. Немецкие войска, не выдерживая нашего натиска, обычно откатывались назад, неся большие потери. Наши части блокировали эти деревни, перерезали между ними дороги и лишили вражеские гарнизоны возможности общаться между собой. Это принудило противника покинуть ряд населенных пунктов.

В этих боях бригада сковала крупную группировку врага, заняв деревни Конищево, Пупово, Гусево, Шинково, Заборовье, разгромив его основные узлы сопротивления, зажав в клещи райцентр Молвотицы. Все это создало невыносимые условия для врага, а последующие наши атаки вынудили противника оставить Молвотицы. Таков итог боев на этом участке.

Озверевшие от неудач, гитлеровцы пытались отыграть-ся на мирном населении. Их карательные отряды свиреп-

ствовали в деревнях и селах Моисеево, Марево и других. Они грабили и уничтожали жителей, сжигали дома. Об этом доносили наши разведчики, ухидившие глубоко в тыл врага.

Комбриг М. С. Батраков принимал меры для борьбы с карательными отрядами, для защиты мирного населения: он создал отряды из самых отважных бойцов и отправил их в длительные рейды по тылам врага на ликвидацию карателей. Например, для защиты от карателей 3-й стрелковый батальон П. П. Тарабаева направил одну стрелковую роту в села Моисеево и Марево. Устраивая засады, маскируясь, бойцы скрытно вели борьбу с гитлеровцами. А о воинах роты автоматчиков под руководством командира взвода младшего лейтенанта Федора Копосова в те дни рассказала на своих страницах газета «Красный гвардеец» под рубрикой «Автоматчик, действуй в тылу врага дерзко, внезапно». В этом номере об успешном рейде мелких групп по вражескому тылу опубликовано три статьи. Привожу их дословно.

«В тылу врага»

Окольными путями, лесными тропками наша группа автоматчиков пробиралась в тыл противника. Здесь мы более десяти дней «вправляли фрицам мозги». Не давали им покоя ни днем, ни ночью.

Обнаружить нашу группу или застать ее врасплох враг был не в силах. Мы не задерживались на одном месте. Сделав свое дело, быстро исчезали. Командный пункт сержанта Полянова находился то в лесу, то в населенном пункте Р. (деревня Рассвет — В. Б.). В один из боевых дней, когда мы здорово насолили гитлеровцам, в группу прискакал верхом мальчик лет пятнадцати. Он сообщил, что в деревню П. (Павлово — В. Б.) прибыл немецкий карательный отряд. Разведка подтвердила это сообщение. Сержант Полянов принял решение: одной группе в составе двенадцати человек нанести лобовой удар, а нашему отделению обойти деревню и устроить засаду. Мы еще не успели обойти селение, как наши товарищи уже завязали бой. Оказалось, что в деревне было всего тридцать немцев. И наша группа решила сама расправиться с карателями. Внезапный удар фашисты не выдержали. Оставляя убитых, они бросились бежать по дороге. Вот здесь-то им и поддала жару наша засада. Как только солдаты приблизились к дороге, мы кинулись им напере-

рез. Затрещали сухие выстрелы советских автоматчиков.

Случилось так, что в разгар боя автоматчик Разин оказался один против пяти фрицев. Разин не растерялся. Он выхватил гранату и бросил ее под ноги бандитам. Все пять немцев были уничтожены. Но вот неожиданно из крайнего дома застрочил пулемет. Он заставил нас залечь. Вместе с красноармейцем Садчиковым я подполз к пулемету и забросал его расчет гранатами.

Растрепав карательный отряд, мы возвратились из тыла противника в свое подразделение.

Старший сержант Н. Отц.

Автоматчик Боровиков обманул фрица

Сержант Боровиков лежал за раскидистым кустиком и одиночными выстрелами из автомата косил одного за другим немецких солдат. Гитлеровцы заметили меткого стрелка и усилили обстрел кустика. Сержант пошел на хитрость — он повесил свою каску на сучок, а сам переполз в другое место. Отсюда он истребил еще трех немцев. Фрицы бестолково били по каске, а Боровиков спокойно продолжал увеличивать свой боевой счет.

Сержант К. Кононов.

Расстреливали бандитов в упор

В населенный пункт Н. (Наумово — В. Б.), где шел бой, двигалось вражеское подразделение. Нам было приказано: не подпускать гитлеровцев в село. У самой дороги устроили засаду автоматчики. А вторая группа из семи человек во главе с младшим лейтенантом Копосовым находилась на опушке леса и ждала сигнала засады.

Когда землю окутали сумерки, во вторую группу прибежал связной. Он сообщил, что по дороге движется до сорока фашистов, они прямо шли на нашу засаду и, обнаружив ее, открыли огонь из станкового пулемета.

По приказанию Копосова наша группа сделала стремительный бросок вперед и залегла. Враг оказался между двух огней. Два автоматчика, по приказанию командира — «унять» вражеский пулемет, распоряжение выполнили точно.

Ощувив наше присутствие, ожила и засада. С двух сторон — с фронта и тыла — мы атаковали фрицев и ста-

ли расстреливать их в упор, вдоволь накормили немчуру свинцом. Лишь единицы ушли от смерти. Так и не дождалась гитлеровцы своего подкрепления.

Сержант Н. Есин».

Прошел почти месяц, как воины не мылись в бане, не меняли белье. Полмесяца находились на марше и в боях, в условиях суровых морозов, при скудном полуголодном питании. Силы бойцов иссякали. Появились желудочные заболевания, обмороженные. По приказу 3-й ударной армии 23 января 42-я отдельная ударная стрелковая бригада, оставив прикрытие в деревне Гусево, была отведена на отдых в уцелевшие села Чащевец, Владыч, Луг. Все они находились вдали от противника.

В течение четырех суток было предоставлено право спать в теплых помещениях. В первый же день бойцы вымылись в бане. За ними любовно ухаживали наши советские люди, испытавшие «вкус» неметчины. Они делились пищей, помогали поварам готовить вкусную еду. А солдаты, попав в такую обстановку, отсыпались, отдыхали, приводили в порядок оружие, обмундирование, обоз, хозяйственную и конную утварь, заготавливали корм для лошадей. В боевое охранение направлялись местные партизаны — молодежь. Многие из них попросились добровольцами в состав бригады. Именно здесь была принята во второй батальон Майя Андреева, которой суждено было стать отличным снайпером.

В эти дни мы похоронили интенданта 3-го стрелкового батальона депутата Залесовского райсовета Леонида Моисеева. А погиб он при поездке в поисках продуктов и фуража, наскочив на мину.

Особую находчивость, которую можно сравнить с подвигом, проявил старшина транспортного взвода минометного батальона, кавалер трех медалей ВДНХ СССР, знатный комбайнер Алтая, доброволец коммунист Иван Владимирович Катунцев. Человек запасливый, он выехал со своим взводом по селам заготавливать корм для лошадей. В пути встретился с немецким обозом, наполненным продуктами и фуражом. Немцев было семеро, они изрядно замерзли. Не успели они разобраться, кто перед ними — свои или русские, как Катунцев со взводом обрушился на них. Ездовых перебили, а обоз вместе с лошадьми и всем содержимым повернули и доставили в свой батальон. Забегая вперед, расскажу о судьбе Ивана Владимировича

Заседание парткомиссии по приему в партию.

Катунцева. Он получил тяжелое ранение в сталинградских боях, вернулся после госпиталя в свою родную Титовку и продолжал работать комбайнером. Он шеф-наставник молодых механизаторов, ведет большую военно-патриотическую работу, не раз возил школьников в походы по местам боев бригады.

В дни отдыха было проведено совещание командиров и политработников, на котором командование бригады

Вручение партбилетов, январь 1942 г.

подвело итоги боевых действий под Молвотицами. Были вскрыты недостатки при проведении боевых операций. М. С. Батраков, сделав глубокий анализ первого периода боев бригады, поставил перед нами новые задачи: «Враг навязал нам истребительную войну, пусть теперь сам испытывает ее на собственной шкуре, никакой ему пощады, — внушал комбриг. — Мы находимся в глубоком тылу у врага, но мы на своей родной земле. Мы не приглашали гитлеровцев на нашу советскую землю. Мы отведем им только ту часть земли, которая потребуется для их могил».

Одной из задач Батраков считал не дать врагу возможности узнать наш путь движения. Поэтому надлежало по открытой местности двигаться только ночью. Нацеливал он нас и на внезапность удара. Подходить к противнику, окружать, уничтожать его ночью или перед рассветом, как это блестяще делали минометчики Зиновьева.

В заключение Матвей Степанович сказал: «Не за тем мы сюда прошли долгий и трудный путь, чтобы сидеть у Молвотиц. Здесь мы научились воевать, бить врага. В результате наших боевых действий мы обезвредили Молвотицы. Нам предстоит оправдать большое доверие Родины — развить успех наступления».

Политотдел провел совещание с комиссарами, секретарями партийных и комсомольских организаций. Во всех подразделениях состоялись партийные и комсомольские собрания. На них впервые проводился прием в партию и комсомол отличившихся в боях. Очень оперативно работала партийная комиссия во главе с М. И. Каштаном. Политотдел тут же обеспечил оформление и вручение партийных и комсомольских билетов, хотя очень трудно было в тех условиях изготовить фотографии. Во всех подразделениях была проведена большая работа с агитаторами, по расстановке партийных сил.

Так закончились наши фронтовые дни под Молвотичами.

БРИГАДА ИДЕТ НА СЕВЕР

26 января части бригады, оставив в районе Гусево заслон из одной роты, выступили по маршруту: Луковец, Поганово, Рассвет. Из Рассвета, получив новое распоряжение, двинулись на Сухую Ниву, Липье, Моисеево, Предстояло овладеть деревнями Большие Жабны, Новой, Шубино.

Бригаде предписывалось вести тщательную разведку, по возможности не вступая в бои, как можно дальше вклиниться в глубину расположения противника, своей стремительностью, внезапностью и скрытностью парализовать эшелонированную оборону противника и выйти на соединение с наступающей с северо-востока 1-й ударной армией, с ее авангардом — 1-м гвардейским стрелковым корпусом. Цель — завершить окружение 16-го немецкого армейского корпуса. Естественно, об этом задании знали только комбриг и его ближайшие помощники — комиссар и начальник штаба бригады.

Наше соединение не имело и не искало локтевой связи с соседними частями — их попросту не было. Соседями бригады справа, слева и впереди были только немецкие гарнизоны, позади — тылы бригады и ее заслоны.

Весь район был изучен бригадной разведкой. Командование хорошо знало обстановку на пути к Залучью, начиная от Молвотич. Предстояло свыше ста километров нелегкого пути — по глубокому снегу, бездорожью, непроходимым лесам и болотам, при суровом морозе. Но все эти факторы являлись и нашими союзниками, так как не были страшны мужественным сибирякам, немцам же силь-

но усложняли жизнь и боевые действия. Важно было и то, что Матвей Степанович верил в своих командиров и солдат, а те, в свою очередь, безгранично доверяли ему. Он блестяще разрабатывал дерзкие и смелые операции по уничтожению вражеских узлов сопротивления, умел зажечь сердца исполнителей, внушить им веру в успех, обеспечить этот успех.

Давайте проследим путь движения бригады от Молвиц до Залучья, прочтем странички из журнала боевых действий.

«27 января 1942 г. С утра бригада в полном составе выступила по прежнему маршруту. Дороги от Моисеева на Жабны нет совершенно. По глубокому снегу прокладывали ее все, помогало и мирное население. Не встретив противника в Больших Жабнах, бригада к 16 часам достигла: 3-й стрелковый батальон — деревни Нагривье, 2-й стрелковый батальон — деревни Вонякино, 1-й стрелковый батальон — Б. Жабны. Ведется разведка Новой.

28 января. В ночь с 27 на 28 января 3-й стрелковый батальон с частями усиления повел наступление на Новую. К 8 часам один стрелковый взвод занял юго-восточную окраину Новой, 2-я рота захватила отдельные сараи с юго-западной стороны. 1-й стрелковый батальон получил задачу занять Шубино и выполняет поставленную задачу. 2-й стрелковый батальон, прикрыв фланг бригады, повел наступление на Красный бор, Волчицк, Выдомир. Не дать противнику подбросить резерв со стороны Новой Руссы. Перерезав все коммуникации, 2-й стрелковый батальон овладел всеми тремя населенными пунктами. Противник в панике отступил, оставив на поле боя убитых и раненых. Убито 70 гитлеровцев, 12 взято в плен. Захвачено трофеев: винтовок — 35, пистолетов — 9, пулеметов — 6, минометов — 1, автоматов — 6, две радиостанции. При засаде в районе деревни Борки убито 13 фашистов.

29 января. В течение дня 3-й стрелковый батальон продолжал очищать деревню Новую от врага. К концу дня противник был выбит из нее окончательно, оставив 134 трупа и 35 раненых. Захвачено много трофеев.

30 января. 3-я рота 1-го стрелкового батальона заняла деревню Шубино. 2-я рота 1-го стрелкового батальона освободила деревню Громково, организовала там круговую оборону. Штаб батальона в деревне Холмы.

31 января. К 20 часам минометный дивизион достиг Шубино.

1 февраля. В Шубино установлена связь с партизанами.

2 февраля. 3-й стрелковый батальон совместно с 23-й стрелковой дивизией переходят в атаку на Новую Руссу (здесь 3-й стрелковый батальон пробудет до 14 февраля).

3 февраля. 1-й и 2-й стрелковые батальоны начали наступление на Шубино, Месцы, Рыто, Жирки, Гарь с задачей овладеть ими и соединиться с передовыми частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса.

Противник из Месцы (в полутора километрах от Шубино) открыл минометный огонь по Шубино, а из леса северо-западнее Шубино — ружейно-пулеметный огонь. В село ворвалась группа лыжников из 120—130 гитлеровцев. 3-я рота первого батальона приняла бой и в ожесточенной уличной схватке истребила весь отряд, захватив одного пленного, 30 винтовок, 10 автоматов, 8 ручных пулеметов, 2 миномета, 6 биноклей, 1 радиостанцию».

Но многое осталось за лаконичными строками документа.

Овладев деревней Новая, бригада разгромила важный узел сопротивления немцев. Здесь размещались крупное вражеское подразделение и штаб полка, склады боепитания и продовольствия. В отличие от других сел, круговая оборона тут была построена с расчетом на длительное ведение боя. Службу гарнизон нес бдительно. Штаб размещался в небольшом деревянном здании школы. Немцы организовали яростное сопротивление. Бои приняли затяжной, ожесточенный характер.

Будучи лишенными связи с вышестоящим штабом и соседними гарнизонами, окруженные и обреченные, гитлеровцы верили, что спасение к ним придет из Новой Руссы. М. С. Батраков выставил между деревней Новой и селом Новая Русса 2-й стрелковый батальон со средствами усиления. Разгром гарнизонов и захват 2-м батальоном деревень Красный бор, Волчицк и Выдомир лишили немцев в Новой надежды на спасение. Двое суток продолжали сопротивляться гитлеровцы. Разрядил обстановку командир батареи 120-миллиметровых минометов Юрий Григорьевич Акименко. Он открыл огонь по штабу противника и разгромил его. При этом было уничтожено 22 гитлеровца, в том числе 7 штабных офицеров, несколько пулеметных точек, установленных на чердаках зданий, минометная батарея.

Сопротивление противника было сломлено. Оставшиеся в живых пытались спастись бегством по логу. Там

Ю. Г. Акименко.

их ожидала засада. Свыше ста пятидесяти гитлеровцев нашли свою смерть в этом логу, ни один не ушел от возмездия. До самого вечера вытаскивали спрятавшихся фашистов. Помогали нам в этом местные жители.

Стремительное и успешное наступление трех стрелковых батальонов вновь привело в движение все подразделения бригады. Со штабом бригады двигалась и наша рота противотанковых ружей. Мы вошли в только что отбитую деревню Новую. Здесь был разрешен привал. И сразу же бойцов обступили местные жители. Для торжеств был построен 3-й стрелковый батальон.

К нему присоединились воины и из остальных подразделений. Строй стоял строгий и необычно торжественный. Заросшие бородами лица бойцов и командиров, несмотря на следы усталости, недоедания, светились радостью и гордостью.

Митинг открыл начальник политотдела Ф. М. Лукин. Он доложил о замечательных боевых успехах всех трех стрелковых батальонов и сообщил, что решением командования и политотдела бригады особо отличившемуся в боях 3-му стрелковому батальону вручается переходящее шефское Красное знамя Барнаульского горкома ВКП(б) и горисполкома. Отныне батальон считается Краснознаменным. Дорогую награду приняли комиссар батальона С. Н. Козырев, начальник штаба капитан Унжаков. Козырев от имени воинов батальона дал клятву оправдать высокую награду и доверие и внести новый вклад в дело разгрома врага.

Выступавшие бойцы и командиры, выражая чувства беззаветной любви к Родине, к партии, лютой ненависти к врагу, клялись переходящее знамя не выпустить из своих рук. Попросил слово партизан из деревни Новой. Он рассказал, как народные мстители вели неравную борьбу с гитлеровцами, поздравил воинов бригады с победой и

Ф. М. Лукин (в центре справа) вручает шефское Красное знамя С. Н. Козыреву.

призвал к суровой расплате с фашистами за все их злодеяния, причиненные советскому народу страдания.

Командира батальона Прокопия Прохоровича Тарабаева на этом митинге не было. После разгрома гитлеровцев в Новой сюда прибыл командующий 3-й ударной армией генерал П. А. Курочкин. Он вручил Тарабаеву орден Красного Знамени и увез того из бригады. Наш земляк залесовец майор Тарабаев воевал под Ельней комбатом у М. С. Батракова, сражался в 42-й бригаде, затем ему суждено было стать первым командиром матросовского полка 56-й гвардейской Смоленской стрелковой дивизии, а после ранения — командиром полка в 315-й стрелковой дивизии.

В четырех воинских частях с Алтая суждено было пройти боевую службу славному сыну Алтая Прокопию Прохоровичу Тарабаеву.

Не надо быть военным, чтобы мысленно представить, какой огромный поток людей, конных повозок, орудий движется по зимнему бездорожью по одной проложенной трассе. Идут люди целыми батальонами, ротами, дивизионами. С ними движутся обоз, артиллерия на конной тяге, везут боеприпасы, продовольствие, фураж, материальную часть... Колонны бригады растянулись на десятки кило-

метров. Но враг об этом не знает, удастся в секрете сохранить маршрут движения.

23-я стрелковая дивизия и наш 3-й стрелковый батальон начали штурмовать Новую Руссу. Ошеломленный противник вынужден был перебросить потрепанные гарнизоны из других деревень для спасения Новой Руссы. Поэтому бои за нее приняли ожесточенный и затяжной характер. Не желая нести бессмысленные потери, командование армии временно отказалось от штурма.

Между деревнями Шубино и Новая простирается топкое болото шириною более двадцати километров. Здесь никогда — ни зимою, ни летом — не было никаких дорог, никакого сообщения, никакой связи. Шубино входило в состав Залучского района и находилось в двадцати километрах от райцентра. Между Шубино и Залучьем по-над речкой расположен десяток деревень: Холмы, Громково, Месцы, Рыто, Жирки, Гарь, Хмели, Избытово, Верхсосновка... Во всех, за исключением Холмов, были расквартированы немецкие гарнизоны. В каждом была построена круговая оборона от партизан. В появление Советской Армии в этих местах немцы не верили. В то время, когда 2-й и 3-й батальоны штурмовали деревню Новую, 1-й стрелковый батальон поставил на лыжи значительную часть бойцов и устремился через болото к деревням Шубино, Громково и Холмы. И в 11 часов 50 минут 30 января 3-я рота молниеносно ворвалась и заняла Шубино, а 2-я рота — Громково, организовав в них круговую оборону. Другие подразделения батальона со штабом вошли в деревню Холмы. Вслед за 1-м батальоном в Шубино устремились все подразделения бригады. Еще в один главный и последний опорный узел врага врезалась бригада. Всего лишь за четыре дня с начала стремительного рейда были пройдены почти сто километров пути от Молвотиц до Шубино, освобождены от врага семь населенных пунктов. Полоса действий бригады достигла 50 километров.

С севера, навстречу нам, двигался с боями 1-й гвардейский корпус и вся 1-я ударная армия. В деревнях Избытово и Хмели должна была произойти встреча двух ударных армий — 1-й и 3-й. Бригада обеспечивала эту встречу. Нам оставалось пройти 15 километров, уничтожить по дороге семь вражеских гарнизонов.

Потеряв два главных узла сопротивления — деревни Новая и Шубино, ошеломленный поначалу противник опомнился и принял меры для защиты оставшихся населенных пунктов, укрепив их. Сопротивление врага резко

возросло. Он не только оборонялся, но и контратаковал.

Наши попытки взять деревню Месцы в лоб успеха не имели. И тогда комбриг М. С. Батраков установил тесную связь с партизанами. Хорошо изучив условия местности, он решил для движения вперед использовать просеку, идущую по дремучему хвойному лесу от Шубино до Залучья. Просека была прорублена при лесоустройстве параллельно деревням, в полутора-двух километрах от них. На этой просеке немцы боялись появляться, ее называли партизанской дорогой.

Путь в пятнадцать километров, разделивших две ударные армии, оказался для бригады очень трудным по двум причинам: полоса действий бригады достигла 60 километров, одна треть активных штыков бригады — 3-й стрелковый батальон — до 15 февраля помогала 23-й дивизии вести бои за Новую Руссу. Это ослабило наступательную мощь бригады и на некоторое время отодвинуло разгром этого узла сопротивления. Однако инициатива оставалась на стороне бригады. Наступательный порыв ее воинов нарастал с каждым днем. Этот период изобиловал массовыми подвигами и героизмом каждого подразделения. Этот завершающий путь батраковцев начался 8 февраля и окончился 22 февраля разгромом и уничтожением всех вражеских гарнизонов перед Залучьем.

Обратимся вновь к журналу боевых действий.

«8 февраля 1942 года. Блокируя противника в Месцах, части бригады в трех километрах восточнее населенных пунктов, прокладывая дороги по просеке в глубоком снегу, повели наступление на Хмели.

10 февраля. В 10 часов разведка 1-го стрелкового батальона (под командованием барнаульца Петра Кирилловича Данилина) заняла деревню Гарь. Противник из Жирков атаковал нашу разведку, атака отбита. В 10 часов 30 минут 1-й стрелковый батальон полностью втянулся в Гарь, организовал круговую оборону села. Противник контратакует из Жирков и Хмелей. Атаки противника отбиты, убито до ста гитлеровцев. Три дня батальон удерживал Гарь, отражая яростные атаки противника, нанося ему большой урон.

12 февраля. На рассвете пехота 2-го стрелкового батальона ворвалась в Хмели и до обеда вела ожесточенный бой с гитлеровцами, нанеся ему большие потери. Однако, подвергшись массированному артиллерийскому и минометному обстрелу, не желая нести ненужные потери, батальон отошел на опушку леса.

13 февраля. После ожесточенных атак фашистов комбриг приказал, в целях сохранения людей, отвести 1-й батальон также на опушку леса, держать под огнем дорогу из Жирков через Гарь на Хмели. На этом участке обороны противника были сосредоточены крупные силы вражеской пехоты. Сюда он бросил 6 артиллерийских и 6 минометных батарей».

Из всех боев, которые вела бригада на подступах к Залучью, самыми драматичными были бои за деревню Гарь. Здесь у противника были сосредоточены базы снабжения, штаб полка. С потерей деревень Гарь или Хмели группировка врага разрубалась надвое. У нас хватало сил, сноровки, мужества, наступательного порыва, чтобы ворваться внезапно, растрепать гарнизон и захватить селение. Но у нас явно не хватало сил, чтобы удержать захваченное. Так произошло с деревней Гарь. Три дня 1-й батальон отражал атаки гитлеровцев, наносил им большие потери. А противник, не считаясь ни с чем, наращивал и усиливал натиск. 13 февраля 1-й батальон был подвергнут массированному артиллерийскому обстрелу и, зажатый со всех сторон, оказался в окружении. Свыше двухсот гитлеровцев уничтожил в этот день батальон. Отважно сражалась батарея 45-миллиметровых пушек лейтенанта Сидорова. Прямой наводкой в упор расстреливали фашистов славные артиллеристы. Лейтенант Сидоров лично вел огонь поседающим врагам, отправляя их на тот свет. Но вот и он попал под губительный огонь автоматчиков, склонился и обнял ствол пушки. Перестало биться сердце патриота Родины, воина с Алтая, перестала стрелять батарея. За славный и бессмертный подвиг лейтенант-артиллерист Сидоров был награжден орденом Ленина посмертно.

Мало кто уцелел в тех боях. Оставляя деревню Гарь, артиллеристы не смогли вывезти с собою четыре пушки. Их некому было вывозить — так поредели расчеты.

Во время боев за Гарь находившийся недалеко от селения на опушке леса штаб и НП командира минометного дивизиона Н. М. Юрова и комиссара В. Ф. Келехсаева подверглись нападению немецких автоматчиков. Их было пятьдесят человек. В штабе же оставалось всего тринадцать офицеров и солдат. Немцы пытались пленить штаб дивизиона. Завязался смертельный бой. В этом бою погибли и получили ранения девять наших товарищей. Был убит начальник штаба дивизиона коммунист лейтенант Виктор Петрович Кожевников — инженер-геолог из Крас-

Н. М. Юров и В. Ф. Келехсаев.

ноярска. Он был сражен автоматной очередью. Так и упал с последней гранатой, зажатой в приподнятой руке.

Тяжелую обстановку разрядил командир батареи лейтенант Семенченко. Пробравшись к ротному 50-миллиметровому миномету, рядом с которым находились десять ящиков с минами, Семенченко быстро установил его и открыл огонь по гитлеровцам. Значительную часть их уничтожил, а остальные отступили.

Северо-восточную окраину деревни Гарь прикрывал расчет 120-миллиметрового миномета во главе со старшиной комсоргом Владимиром Ротаевым. Отряд немецких автоматчиков пытался обойти деревню со стороны леса. Фашисты попали под губительный огонь миномета Ротаева. Было уничтожено более 50 гитлеровцев, остальные обратились в бегство.

Отличился в боях за Гарь и связной комбата Савчинского Федор Иванович Шевелев. Прервалась связь с окруженным гарнизоном в деревне Гарь, посылаемые связные не возвращались. Тогда В. М. Савчинский отправил своего связного выяснить обстановку и получить заявку на минометный огонь от пехотного командира. Под покровом темноты Шевелев пробрался в Гарь, разыскал командира, получил пакет и через полтора часа доставил его Сав-

чинскому. Минометный батальон открыл ураганный огонь по противнику. Под прикрытием этого огня пехотинцы были отведены на новый рубеж.

18 февраля в Шубино прибыла 154-я бригада морской пехоты. Батраковцы, собравшись с силами, перестроив свои боевые порядки, используя знаменитую просеку, в ночное время окружали деревни и уничтожали в них гарнизоны противника. Еще 13 февраля немцы оставили Месцы, 17 февраля с боями была взята деревня Рыто, 18 февраля — Жирки. 19 февраля противник оставил Гарь. Наши пушки были целы и вернулись к артиллеристам бригады.

В руках у немцев оставались деревни Хмели, Избытово и Верхсосновка. Командование армии поставило задачу: 42-й бригаде захватить Хмели, 154-й бригаде — Избытово. 21 февраля эта задача была выполнена. А 22 февраля моряки вошли в Верхсосновку.

— 22 февраля в Избытово приземлился самолет У-2. На нем прибыл представитель командования 1-й ударной армии. Его встречал комбриг полковник Батраков. Он доложил обстановку, рассказал о большом пройденном пути, о состоянии бригады. Представитель командования горячо поздравил батраковцев с успешным выполнением поставленной перед бригадой боевой задачи — завершением окружения немецко-фашистских захватчиков в Демянском котле. В него вошли три райцентра: город Демянск, Залучье и станция Лычково. Бригада соединилась с 7-й гвардейской стрелковой дивизией. Была установлена локтевая связь. Отныне бригада вливалась в состав 1-й ударной армии — в 1-й гвардейский стрелковый корпус. Прибывший представитель командования поздравил с наступающим праздником — Днем Советской Армии.

Накануне 24-й годовщины Советской Армии войска Северо-Западного фронта, его авангардные 1-я и 3-я ударные армии завершили окружение 96-тысячного 16-го армейского корпуса немцев под командованием генерала Брокдорфа. Операцию завершала наша 42-я отдельная ударная стрелковая бригада.

Выполняя задание Родины, бригада совершила 44-дневный героический рейд по тылам врага на новгородской земле в Моревском и Старо-Русском районах. Начался он 9 января, закончился 22 февраля 1942 года.

В те дни, когда бригада доколачивала немецкие гарнизоны и находилась у финиша — деревень Хмели и Избытово, немцы были уже в кольце и оставалось только «за-

щелкнуть замочек». Для сообщения с окруженными у немцев осталась только воздушная трасса. И они бросили на помощь окруженным свой северный воздушный флот.

Воздушный мост Псков—Демянск пролегал через Шубино, где в то время размещались штаб и тылы 42-й бригады. Наша рота находилась в Шубино, в резерве комбрига. Каждый взвод выставлял на танкоопасных местах по два расчета, всего их было восемь. Транспортные самолеты типа Ю-52 и другие шли на малых высотах в 200—300 метрах от земли. Смотришь, летит такая машина, и кажется, что она сейчас зацепится за вершины деревьев. Пролетая над Шубино, самолеты обязательно сбрасывали бомбы и обстреливали из пулеметов находившихся на улицах бойцов.

У моста за речкой стоял на поляне одинокий добротный домик. В нем разместился взвод подвижных средств связи лейтенанта Путинцева. Сюда собирались связные из всех подразделений бригады, в свободное время они отсыпались в тепле, в уюте.

Однажды мы повстречались с Женей Машкевичем. Время у нас обоих было свободное и мы договорились махнуть к Путинцеву — ведь тут совсем рядом. Перед мостом мы услышали гул низко идущего самолета — он был еще где-то далеко, над лесом. Мы остановились. Этот, уже который по счету фашистский стервятник, по деревне выпустил короткую очередь, а на домик Путинцева сбросил три бомбы. Мы видели, как первая летела с недолетом, вторая попала прямо на дом, третья разорвалась дальше. Дом Путинцева как ветром сдуло. Мы ужаснулись: ведь там почти взвод людей! Быстро бежим к месту катастрофы. И перед нами предстало необычное зрелище: вылезают из подполья, встают с пола ошеломленные бойцы. Видим и Путинцева: у него на бровях ссадина, сочится кровь, все лицо запорошено пылью. Не понимая, что произошло, он твердит одни и те же слова: «Где моя шапка? Где моя шапка?» Оказывается, бомба не задела сам дом. Она пролетела низко над ним и разорвалась поблизости — в 40—50 метрах. Воздушной волной огромной силы снесло крышу и стены дома до пола. Судя по всему, плахи пола не были прибиты гвоздями и легко вывернулись. В образовавшиеся щели и попадали бойцы, а некоторые так и остались лежать на полу невредимыми. Подоспевшие к месту события бойцы и медработники развернули спасательные работы: выворачивали плахи и доставали пострадавших. К счастью, большинство из них смогли вылезти

сами и не понимали, что произошло. Как ни удивительно, но ни один боец не пострадал, лишь у одного — у самого Путинцева оказалась царапина. Ну, а его шапка? При всех попытках ее так и не нашли.

Возвращаясь в роту вместе с ее командиром Иваном Ивановичем Крючковым, мы вновь увидели пролетающий низко над лесом тяжелый самолет, опять обстрелявший идущих бойцов. Фашист даже голову высунул из кабины и кулаком погрозил. Вот в этот момент у нас с командиром и созрело решение бить по немецким самолетам групповым огнем из противотанковых ружей.

В роте собрали всех командиров, посоветовались и условились: каждый взвод выставляет по одному расчету ПТР и по два карабина с бронебойно-зажигательными патронами. Самолеты летали строго по одной заданной линии, без отклонений. Вот по ней и нужно расставить расчеты. Шум самолета слышался за несколько минут до его появления в поле зрения, так что можно успеть занять свое место. Здесь же мы объявили соревнование, кто первым откроет счет сбитым самолетам.

Первое дежурство на трассе самолетов состоялось уже 16 февраля, но пролетел в этот день только один. Он опять обстрелял батраковцев, а наши выстрелы результатов не дали: трудно было установить ружья. Тогда сержанты Ф. С. Шукин, С. И. Буздалин, А. М. Забурский, Д. Г. Торшин и другие начали их подвешивать к деревьям, столбам, кольям на солдатском ремне. Ружья становились подвижными, двигались и в горизонтальном, и в вертикальном направлении. Убедились, что подвеска должна быть прочной и устойчивой при наведении на цель и выстреле.

Вечером мы пошли в штаб к капитану Шумило, рассказали ему о нашем замысле. Он внимательно выслушал нас и дал немало советов. А узнав, что сегодня произвели первые выстрелы и израсходовали восемь дорогих противотанковых патронов, которые находились на строгом учете в штабе бригады и ценились на вес золота, помрачнел: «А если завтра поползут танки, чем стрелять будете? Нет, стреляйте только из винтовок и автоматов». Но подумав, разрешил попробовать еще раз.

17 февраля с утра начали готовиться к стрельбе. Особенно много потрудились командиры взводов Волков, Козлов, Душкин, заместитель командира П. А. Юрьев, замполит П. И. Поднебеснов. И опять первый залп получился с опозданием. Какая досада! И тогда решили бить про-

тивника в лоб, пускать пули навстречу летящему самолету.

Этот метод принес нам успех с первого же раза. Били из шести ружей. Подбитый самолет пролетел два километра, распутив хвост дыма, и приземлился за опушкой леса на небольшое снежное поле.

Вот как зафиксировано это событие в боевом донесении штаба бригады: «17. 02. 42 в 14.30 группой наводчиков роты ПТР в районе Шубино сбит проходящий двухмоторный транспортный самолет типа Ю-52, который перевозил грузы из Пскова в Демянск. Захвачено 8 членов экипажа, из них 1 майор; 4 авиапулемета, рация, 1 пистолет, 1 автомат, 1 винтовка, 30 центнеров овса и мешок почты. Самолет сбили огнем из противотанковых ружей красноармейцы Лозовой В. И., Давыдов В. И., Бутков Д. М., Кайгородов И. И., Недосеков Н. Т., Федоровский Г. С.

В задержании экипажа непосредственно участвовали капитан Шумило и бойцы Ткачев М. Ф., Старцев А. И., Рассказов М. И., Светланов А. И., Лучинский К., Воронков И. М., Забурский А. М. Особо отличились Ткачев и Старцев».

Экипаж быстро выгрузился из горящего самолета и пытался уйти к своим. По глубокому снегу немцы не могли убежать от наших бойцов и были задержаны. Какой же жалкий вид оказался у этих «непобедимых», когда они предстали перед нашими командирами. Мне довелось присутствовать на допросе. Очень трусливо и подавленно вел себя майор. Очень жалел, что не доживет до победы, что его обделят наградами и славой победителя. Эти мысли он выразил вслух.

Допрос вели комбриг Батраков, капитан Шумило, подполковник Сазонов. Переводчиком был молодой инструктор политотдела по работе среди войск противника лейтенант Давид Фердинанд.

Летный состав держался наглее, каждый бравировал друг перед другом, на вопросы отвечали грубо, высмеивали русских, нахально заявляли: «Все равно рус капут, Гитлер победит». А когда привели и показали им парней, которые их сбили, да еще пояснили, что это сибиряки, в основном охотники, те были крайне удивлены.

Скупой на похвалу, на сей раз Матвей Степанович сказал в адрес роты ПТР: «Молодцы, ребята!»

Вдохновленные первым успехом, назавтра, 18 февраля, сразу же после рассвета командиры взводов развели на-

ряды, расставили посты, усовершенствовали крепления, выбрали места прицела, рассчитали момент выстрела. В тот день с самого утра началось активное движение немецкой транспортной авиации. В обратный рейс самолеты шли другой трассой. В наряд встали Семен Буздалин, Филимон Щукин, Антон Забурский, Дмитрий Торшин, Иван Яковлев, Николай Недосеков, Иван Кайгородов, Иван Лозовой, Семен Новичков, Петр Поднебеснов.

Пока шла расстановка бойцов, первый самолет пролетел безнаказанно. Вскоре вдалеке послышался нарастающий гул моторов — шел тяжело нагруженный стервятник. Тут уж у нас все было приготовлено, расставлено. Ощетинились противотанковые ружья, защелкали затворы винтовок. Это бойцы и из других подразделений рвались принять участие в групповом огне. Самолет все ближе. Уже видны те же наглые лица. Четверо из экипажа держат руки на гашетках и готовы ударить из пулеметов по нашим бойцам. И вдруг раздались, почти одновременно, выстрелы из ПТР, затрещали винтовочные и автоматные залпы. Самолет закачался, как пьяный, выпустил струю дыма и быстро пошел на снижение. К месту его предполагаемого приземления устремилась группа лыжников* — отряд для задержания экипажа.

Если вчерашняя сбитая команда пыталась уйти к своим, то эта решила оказать сопротивление. При снижении один из гитлеровцев получил тяжелое ранение, другой был убит. Остальные шестеро заняли круговую оборону.

Пока шла возня с этими обреченными вояками, появился второй самолет. Он тоже был сбит метким огнем из противотанковых ружей. Многие члены экипажа были ранены, старшим среди них оказался капитан. Разобравшись в обстановке, поняв бессмысленность сопротивления, капитан приказал экипажу сдаться в плен.

Вскоре были захвачены и гитлеровцы с первого сбитого самолета.

Итак, сегодня на счету уже два сбитых вражеских самолета. Это наша победа в поединке воздуха с землей.

В момент ликования вновь послышался шум моторов чужого самолета. Все разбежались по своим местам. Затрещали дружные выстрелы. Загорелся и пошел на посадку еще один самолет противника. И вновь к нему устремился отряд лыжников. Понуро идут под конвоем быстро утратившие наглость и высокомерие завоеватели, стремившиеся к мировому господству, представители высшей расы.

В этот день был подбит и четвертый самолет. На сей раз на бреющем полете шел бомбардировщик, пытавшийся разбомбить Шубино, но он ничего не успел сделать — его накрыл меткий групповой огонь стрелков противотанковых ружей. Летчик пытался дотянуть горевший самолет до своих, но ушел лишь на один километр дальше других и, накренившись набок, рухнул, острием крыла пробив лед на болоте, и был поглощен топью.

Попад в 1968 году в Шубино в составе краевой комсомольской экспедиции «Подвиг», я рассказал местным жителям, как мы сбивали у их села фашистских стервятников, и поинтересовался судьбой этих самолетов. «Мы их все разобрали, — вспомнили они. — А вот один так и торчит в болоте, видна лишь одна лопасть. Летом к нему не подойдешь, а зимой болото так замерзает, что нашим рукам до самолета не под силу докопаться, да и опасно: он с бомбами».

Еще три дня подряд мы продолжали сбивать по два—три самолета врага. Наконец, немцы спохватились, изменили маршрут, стали летать на большой высоте. Там за них взялись наши истребители.

А вот как оценило подвиг бойцов-пэтээровцев командование 3-й ударной армии: «Распоряжение 3-й ударной армии от 21. 02. 42 № 068. В последнее время противником часто применяются на фронте транспортные самолеты, выполняющие боевые задания по снабжению войск противника на малых высотах. Опыт борьбы с такими самолетами показывает, что для отражения с успехом можно применять стрельбу из винтовок, пулеметов и ПТР; особенно бронебойно-зажигательными пулями. Так, например, за последние дни стрельбой из ПТР, винтовок и пулеметов 42-й осбр. сбито несколько самолетов. Только за 18. 02. 42 бойцами 42-й сбр. сбито три Ю-52 и подбит один самолет. Опыт 42-й сбр. необходимо немедленно перенести во все части и соединения, как заслуживающий особого внимания».

Командующий армией приказал: «С получением сего немедленно организовать в каждом батальоне отделение ПВО из отличных ружейных, пулеметных и ПТР стрелков 10—12 человек для отражения ВВС противника, действующих на высотах до 300 метров. Командарм Пуркаев».

Тринадцать транспортных самолетов врага за шесть дней сбита наша 42-я бригада. В масштабах фронта — это успех, в масштабах армии — это заслуживающий внимания опыт. Ну, а в масштабах бригады, и тем более ро-

ты — это уже подвиг. Тогда мы, правда, так не думали. Считалось это обыденной фронтовой работой по истреблению врага. И, конечно, никто за это не получил никаких наград. И хотя мало кто из нас уцелел, все же мне удалось отыскать на нашей алтайской земле тех, кто собственными руками нажимал на спусковой крючок противотанкового ружья, целясь в самолет. Вот их имена, живых истребителей вражеской авиации из роты ПТР: Иван Никитович Яковлев — кавалер ордена Октябрьской Революции, электросварщик вагонного депо станции Рубцовка; живут и здравствуют ветераны роты Семен Буздалин — в райцентре Косиха, Филимон Шукин — в селе Видоновь Залесовского района, Дмитрий Торшин — в райцентре Курья.

В заключение невозможно не привести еще два очень важных документа об этом событии в истории роты ПТР. Газета «Комсомольская правда» 29 мая 1942 года отвела этому подвигу пэтээровцев целую страницу под названием «Земля дает отпор». О нашей роте сказано: «...Успешная борьба пехоты с авиацией противника с каждым днем все больше сокращает авиационный парк северного воздушного флота Германии. В течение непродолжительного времени одна лишь рота лейтенанта Крючкова сбила огнем противотанковых ружей семь транспортных самолетов типа Ю-52 и три бомбардировщика. Отдельные сверхметкие стрелки добиваются поистине блестящих результатов. Так, сержант Антон Забурский сбил немецкий транспортный самолет, красноармеец этой же роты Семен Буздалин сбил огнем из противотанкового ружья два «юнкерса». На этих самолетах, сбитых сверхметкими стрелками, немцы перебрасывали своим окруженным частям важные грузы.

— Мы оборудовали себе огневые точки вдали от населенных пунктов, — говорит сержант Забурский. — Из засад мы охотимся за немецкими самолетами. К суку дерева привязали пояс. Он прикреплен к ручке противотанкового ружья. Это дает возможность крепко и свободно держать ружье, поворачивая его в нужную сторону. Как только над засадой появляются немецкие самолеты, мы открываем дружный перекрестный огонь.

Энергичная и смелая борьба пехотинцев с немецкой авиацией наводит страх на фашистский летный состав. Когда красноармеец Буздалин сбил юнкерс, наши бойцы взяли в плен немецкого капитана. На допросе он заявил: «Я старый военный человек, участвовал во многих воен-

ных кампаниях. Но мне никогда не приходилось наблюдать, чтобы самолеты сбивали огнем из винтовок. Это может случиться только в России». Да, Россия, русская земля негостеприимно встречает залетных фашистских захватчиков. Земля дает отпор фашистам. Снарядом, пулеметной очередью, пульей противотанкового ружья, острой винтовочной пульей она разит без всякой пощады крылатых немецких хищников».

Немцы так и не узнали истинной причины приземления их самолетов. Вот как об этом вспоминал бывший немецкий майор Бруно Винцер, переживший Демянский котел, в своей книге «Солдат трех армий» (издательство «Прогресс», 1971 год): «У самого края «котла» противник построил ложный аэродром, настолько похожий на аэродром в Демянске, что с воздуха было трудно отличить один от другого. Немало наших машин при плохой видимости там приземлялись и их принимали красноармейцы».

Бывший майор Бруно Винцер в одном прав: все подбитые машины приземлялись в одном месте, недалеко от немецких гарнизонов, и их действительно принимали красноармейцы-батраковцы. Но приземлялись они не по ошибке экипажей самолетов и не из-за плохой видимости. Их приземляли по принуждению батраковцы противотанковыми ружьями и другим групповым огнем.

Ну, а за расход патронов к противотанковым ружьям «не по назначению» нас больше не ругали.

Вся Советская Армия с ликованием встретила весть о том, что Демянский котел крепко заперт. Это был хороший подарок к ее 24-й годовщине. Вдвойне радовались воины Северо-Западного фронта и, конечно же, мы, батраковцы. Праздник отметили скромно, в ротах, взводах. Командиры поздравили бойцов, а повара угостили хорошим обедом и двойной порцией боевых гвардейских 150 граммов. Шла подготовка к дальнейшему наступлению, к штурму районного центра Залучье.

26 февраля 1942 года меня назначили на должность инструктора политотдела по информации. Началась новая, интересная, многогранная работа по описанию и увековечению подвигов моих однополчан. Этим я занимаюсь и поныне, собирая по крупицам боевые эпизоды моих товарищей — живых и павших.

Мы у стен Залучья. Соседом слева от нас стала прославленная 7-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Бедина. Ее штаб располагался в деревне Пиенеевы Горки. Попытки всех трех частей овладеть Залучьем с ходу успеха не имели. Тогда командование корпуса решило охватить Залучье с флангов. Наш сосед справа — 154-я бригада морской пехоты — освободила деревни Большое и Малое Старо и продолжала вести наступательные бои. 42-я бригада атаквала деревню Извоз — сильно укрепленный залучский фланг противника, но безуспешно. На левом фланге 7-я гвардейская вела бои за деревню Шумилкино вблизи Залучья.

Для противника Залучье представляло особо важный узел обороны. От него в сторону Рамушево шла шоссейная дорога с твердым покрытием. Именно из Залучья, по лесам легче всего было вырваться из котла. Ему противник отводил роль ударного форпоста на случай прорыва. Поэтому сюда были стянуты отборные гитлеровские войска, усиленные артиллерией, минометами и другими огневыми средствами.

Мы же, стремительно наступая от Молвотиц до Залучья, далеко, на сотни километров, оторвались от своих баз снабжения. Из-за этого случалось, что в период наступления бригада оказывалась без снарядов, мин, других боеприпасов, не говоря уже о продовольствии и фураже. В этих условиях штурм противника, превосходящего нас в живой силе, вооружении, снаряжении, был невозможен. Потребовалось время, чтобы подтянуть тылы и обеспечить бойцов всем необходимым. На это ушли остатки короткого февраля и первая пятидневка марта.

Тем временем противник стремился во что бы то ни стало прорвать кольцо окружения, пробить дорогу из «котла». В начале марта большая группировка вражеских войск перешла в наступление по трассе Рамушево—Демянск. Сосредоточив до десятка пехотных дивизий под командованием генерала Зейдлица, немцы смогли «прорубить» дорогу шириной в пять километров и длиной в двадцать километров. «Но эта узкая артерия (по признанию Бруно Винцера) постоянно находилась под обстрелом, часто на многие дни прерывалась, и ее нужно было снова отвоевывать».

Именно в эти дни залучская группировка войск противника развернула самые активные наступательные бое-

вые действия против нас и наших соседей. Нам была поставлена задача сорвать этот замысел врага. Бригада перешла к активной обороне.

Чтобы выполнить данную нам задачу, надо было досконально изучить местность, разведать передний край обороны противника, закрепить завоеванное. Перейдя к активной обороне, все подразделения готовились к новому наступлению. Вслед за стрелковыми в район Избытова стекались другие подразделения бригады: артиллеристы, минометчики, саперы. Сюда приблизились штаб и политотдел бригады.

Что такое оборона лицом к лицу с противником, на практике никто из нас еще не испытал. Поэтому мы не создали сплошной линии обороны. И это дало возможность немецкой разведке ночью проникнуть в расположение бригады.

Многим пришлось держать ответ. Срочно была пересмотрена вся система обороны, проведена большая партийно-политическая работа, прошли партийные, комсомольские, ротные собрания. Беспечности был дан решительный бой. Все стрелковые батальоны в суточный срок, согласно боевому приказу комбрига, заняли оборонительные позиции, блокируя Залучье. Была отлажена локтевая связь с соседними частями, закрыт доступ лазутчикам.

В районе деревни Верх-Сосновка занял позиции шириною по фронту в два километра 3-й стрелковый батальон П. А. Унжакова. Локтевую связь слева он держал с 7-й гвардейской дивизией, справа — с 1-м стрелковым батальоном П. Е. Белозерова, расположившимся в центре, на правом берегу речки, огибая село Залучье, шириною по фронту в два километра. Соседом справа у него был 2-й стрелковый батальон Хацавы, тоже державший оборону на протяжении двух километров. На правом фланге, продолжая огибать Залучье, находилась 154-я бригада морской пехоты. Все стрелковые подразделения были поддержаны артиллерией и минометами, расставленными на определенной дистанции от переднего края. Штаб бригады разместился в деревне Избытово, тылы бригады — в Шубино.

Итак, бригада начала совершенно новую жизнь. До сих пор батраковцы наступали — стремительно, азартно, вступая в единоборство с врагом. И вдруг — на тебе! — посадили в снег и приказали караулить гитлеровцев. Надо было научиться в условиях перехода от зимы к весне, в болотистой местности, в глубоком снегу, в суровые моро-

зы создавать неприступную оборону, закапываться в землю, стать невидимыми, несокрушимыми. Приходилось по-иному решать вопросы быта, предохранять бойцов от простуды и обморожения.

Наступил март. Сквозь распластанные по небу облака нет-нет да и пробьется ясное солнышко, да так и задержится иногда на целый день. То подует теплый южный ветерок, принесет запахи весны. Размяк снег, слетели пушистые белые шапки с ветвистых сосен и елей. Дни становились все теплее. Несмотря на снег, в деревьях началось первое движение сока, появился чудодейственный аромат хвойного леса. Нам, сибирякам, это пробуждение природы было особенно близким и дорогим, напоминало родные места. Иногда на короткий миг даже забывалось, что идет война, и чудилось, что ты где-то на лесозаготовках или на охоте.

Снег из рыхлого становился мокрым. Это несло нам немалые беды. Промокали валенки, надо было часто сушить портянки, сырость не позволяла присесть или прилечь на снег. Появилась сырость в наспех построенных блиндажах, в стрелковых ячейках. Резче обозначились различия в условиях обороны у каждого батальона. Так, 3-й стрелковый мог хорошо использовать берег извилистой реки. На нем была сооружена целая цепь окопов, блиндажей. Почва здесь была песчаная, сухая. А вот 1-му батальону выпала равнинная, полуболотистая, сырая местность со смешанным лесом. И здесь задачу обороны решали по-своему, изобретательно. Комбат Белозеров, комиссар Мартынов, парторг Козырев, командиры и политработники рот, командиры взводов, бойцы проявили настоящую находчивость. Целыми ночами работал весь батальон. По всему фронту своей обороны он сооружал сплошной заслон из лесной полосы. А делали его так: рубили деревья, затем садили их в заранее подготовленные отверстия в мерзлой земле. Получался частокол. Между деревьями были сооружены и замаскированы дзоты. Место для них выбиралось на пригорках и иных возвышенностях, вниз вкапываться было невозможно. Сооружались трех-, четырехрядные срубы в три, четыре наката на потолке, настилались полы, создавались амбразуры. Между накатами, вместо земли, накладывались щепки, хвоя, хворост. Такие сооружения хорошо маскировали, обставляли частоколом, который в любую минуту мог быть убран. И тогда открывался обзор из амбразур пулеметчикам, автоматчикам, стрелкам. Число таких огневых точек

росло с каждым днем. Наблюдение за противником вели бойцы, выдвигаемые на 100—150 метров в сторону врага. Туда выходили по два—три человека от взвода. Они подтверждали: наши дзоты со стороны противника были совершенно незаметны.

В обороне бригада пробыла пять месяцев. И каждый день продолжалось укрепление наших позиций. Причем комбриг упорно и настойчиво учил личный состав, командиров, политработников вести активную оборону, то есть продолжать истреблять врага. Каждое подразделение, каждый взвод, каждый воин в отдельности вели свой счет уничтоженных гитлеровцев. Прожитый день оценивался количеством истребленных фашистов. Комбриг часто и в шутку, и всерьез говорил: «А заработали ли мы сегодня на хлеб? Чем будем отчитываться перед Родиной?»

В смертельной схватке с фашизмом были восприняты как приказ Родины суровые слова «Смерть немецко-фашистским захватчикам!». Ими заканчивались любой приказ или выступление Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Они венчали и все приказы командующих и командиров частей и соединений. Для нас, воинов, эти слова были железным законом, подлежащим исполнению. Это была генеральная линия всего советского народа, всей Советской Армии, фронта и тыла.

Советский тыл ковал победу над врагом. В каждый самолет и танк, пушку и миномет, в бомбу и снаряд, в гранату и патрон было вложено страстное напутствие: «Смерть немецко-фашистским захватчикам!» Это был священный приговор советского народа гитлеровским оккупантам. И весь боевой сплоченный коллектив бригады усиленно работал над тем, как лучше и быстрее привести его в исполнение.

Широко разветвленной была сеть разведки, систематически совершались вылазки в тыл врага. Отдельную разведроту возглавлял отважный командир старший лейтенант Д. В. Хлыбов, награжденный орденом Красного Знамени, комиссаром был политрук Швец. Много ценных сведений добыли разведчики, много привели с собою «языков». Было проведено несколько разведок боем в масштабах бригады, а в конце мая 1942 года — в масштабах 1-й ударной армии, ею руководил лично командующий генерал Романенко.

Каждый батальон и дивизионы артиллеристов и минометчиков имели свои взводы разведки. Они также изучали передний край обороны, позиции врага, засекали его огне-

вые точки, расположение батарей, складов, пунктов питания, окопов. Результаты наносились на оперативные карты, использовались для ударов по врагу.

Сведения, добытые разведчиками, вновь и вновь убеждали, что Залучье очень сильно укреплено и практически неприступно. Его обороняют отборные части СС, артиллерия, минометы, пулеметы. Вся нейтральная полоса покрыта густой сетью мин. Построена глубоко эшелонированная оборонительная линия. Ее соорудили советские люди, оказавшиеся в немецкой неволе, под дулами автоматов.

— Да, обстановка для нас не из легких, — сокрушался комбриг. — Такую оборону надо долбить большим молотом, а у нас снарядов в обрез, подвоз их затруднен.

Глубоко анализируя обстановку, М. С. Батраков подробно знакомил с нею комиссара бригады Сергея Николаевича Щапина, только что вступившего на этот пост взамен отозванного из бригады комиссара Фишмана. Комбриг и новый комиссар хорошо понимали друг друга, быстро сблизились, подружились. Они отлично дополняли друг друга. Зная весь личный состав бригады, имея большой командирский опыт, в деталях представляя боевую обстановку, М. С. Батраков, разрабатывая планы, посвящал в них комиссара, начальника политотдела, секретаря парткомиссии. Любую задачу, большую или малую, решал, лишь посоветовавшись с коммунистами.

В начале марта было решено провести бригадное собрание партийного актива с участием, помимо командиров и политработников, широкого круга рядовых коммунистов. К этому времени во всех батальонах, дивизионах, во всех ротах прошли открытые партийно-комсомольские собрания. На них обсуждались вопросы развертывания предмайского социалистического соревнования. Было очевидно, что командование и партийные организации каждого подразделения разрабатывали свои конкретные мероприятия, брали свои индивидуальные обязательства, но у всех была одна цель — мощный, сокрушающий удар по врагу. На собрании партийного актива комбриг М. С. Батраков доложил о положении на фронте, об обстановке на нашем участке, рассказал о Демянском котле, о состоянии нашей бригады, перечислил трудности с обеспечением боеприпасами и продовольствием (свыше двухсот километров отделяли армейские склады от расположения бригады), поставил боевые задачи, призвал к активной деятельности по истреблению врага, по расширению числа сверхметких стрелков.

Сразу же разгорелись жаркие прения. Выступающие докладывали о своих социалистических обязательствах и о первых итогах их выполнения. Так, в 3-м стрелковом батальоне широко развернулось движение за подготовку отличных пулеметчиков, за овладение этой воинской профессией большинством бойцов. Здесь была создана школа отличных пулеметчиков, ее возглавил пулеметчик Алексейченко. Во 2-м стрелковом батальоне по инициативе комиссара старшего политрука В. Ф. Рылова действовала снайперская школа снайпера Р. И. Ковалева. Ей суждено было прославить себя на всю 1-ю ударную армию. В дивизионе 120-миллиметровых минометов под руководством комиссара старшего политрука Владимира Федоровича Келехсаева открылась школа по подготовке отличных минометчиков. В ней преподавали старшина Горлин и заместитель политрука комсорг дивизиона Владимир Ротаев. Такая же учеба была организована по инициативе комиссара В. М. Савчинского в минометном батальоне. Ее возглавили лейтенанты Андреев и М. Амельченков. Практические занятия в этой школе проходили на переднем крае. Именно здесь широкое распространение получили кочующие минометы. Молодые минометчики батальона стремились стать снайперами. Владимир Макарович упросил комиссара Рылова зачислить в школу Р. И. Ковалева бойцов Корзинникова и Федорищева. Пройдя практическую учебу в этой школе, Алексей Федорищев сам стал обучать снайперскому делу молодых минометчиков.

На собрании партийного актива впервые выступила художественная самодеятельность бригады, созданная политотделом. Ею руководил механик-водитель броневика младший лейтенант Тумин. Первыми ее участниками были Валентина Васильевна Литвинова (Кузьмина), Нина Толченицина, Мария Шадрина, Вера Каплан, Саша Мальштейн, Федя Копасов, Александр Сергеевич Пушкин (был у нас в бригаде такой однофамилец и тезка великого поэта).

Наутро в политотдел пришел комиссар бригады С. Н. Щапин. Он прочитал нам лекцию, дал глубокий анализ международных событий, положения на фронтах и в тылу нашей Родины. Говоря о бригаде, он заострил внимание на недостатках в постановке партийно-политической работы, прежде всего в самом аппарате политотдела, а также в партийных организациях подразделений бригады, и потребовал осуществлять живую, повседневную связь с партийными организациями в подразделениях.

С. Н. Шапин.

В. В. Литвинова.

Знать жизнь бойцов — значит быть рядом с ними. С тех пор установился такой порядок: каждый день работники политотдела уходили в подразделения и оказывали там практическую помощь в проводимых мероприятиях. Инструктаж давал начальник политотдела. Он же заслушивал информацию, разбирал действия своих работников после их возвращения из подразделений. Ежедневно в политотдел поступали политдонесения от комиссаров подразделений. Так что политотдел хорошо знал обстановку в частях, настроение бойцов.

По итогам бригадного партийного актива во всех частях состоялись открытые партийно-комсомольские собрания. На них проверялись ранее взятые социалистические обязательства, определялись конкретные боевые задачи.

Одной из главных задач активной обороны комбриг считал постепенное перемещение нашей линии окопов к позициям противника. Когда он близко, его легче брать на мушку, не давать ему спокойно спать. Враг же не может обстреливать нашу оборону из артиллерии без риска для себя, не говоря уже о бомбежке с воздуха. Он начинает волноваться, увеличивает свою численность. Значит, в его стане появляется больше движущихся целей для

сверхметких стрелков. Противник не выдерживает, переносит свою линию обороны в глубь своего тыла, а это уже наш успех. По такому плану — сближение с противником — и действовала бригада.

3-й стрелковый батальон, находившийся в полутора километрах от Залучья, постепенно к концу мая передвинул свои позиции вплотную к стенам Залучья. Но от этого райцентра в сторону Сосновки и Избытово простиралось чистое, равнинное поле. И находилось оно в центре обороны батальона. Чтобы попасть с одного фланга на другой, надо было сделать круг в полтора километра: эту зону немцы держали под непрерывным обстрелом.

Побывал однажды комбриг в 3-м батальоне, собрал все командование и спросил: «Вам не надоело обходить так далеко центр своей позиции? — И тут же приказал:— Даю вам сутки на подготовку и одну ночь, чтобы прокопать двухметровой глубины ход сообщения длиной в триста метров. Даю вам в помощь саперную роту, роту ПТР. Землю выкидывайте в сторону противника, бруствер постарайтесь сделать как можно выше, обставьте его сплошным лесом. Тогда немцы не будут видеть, что делаем мы в Сосновке, что происходит в тылу батальона».

А в тылу батальона размещались штаб бригады, подразделения обслуживания, стояли батареи дивизиона 76-миллиметровых пушек.

О том, как выполнялось это приказание комбрига, расскажу словами газеты «Красный гвардеец» от 3 июля 1942 года. В ней напечатана статья «Оперативность боевого листка»:

«Заслуженный авторитет снискал себе «Боевой листок», редактируемый тов. Башмаковым. Редактор отдает все силы и умение делу выпуска хорошей стенной газеты. В небольших заметках лучшие люди подразделения делятся боевым опытом, рассказывают о практическом выполнении приказа тов. Сталина. Большую помощь газете оказывает политрук подразделения Позолотин. «Боевой листок» добивается действенности своих материалов. Командование приказало срочно вырыть траншею для связи с соседом. Местность сильно обстреливалась противником. Быстрота — вот что решало успех боевого задания. Немедленно, по получении приказа, вышел «Боевой листок». Он целиком был посвящен выполнению приказания. В нем подчеркивалась важность его быстрого выполнения. В коротких заметках бойцы вызывали друг друга на социалистическое соревнование.

В следующем номере были помещены имена бойцов, отличившихся при выполнении задания. Заметка под заглавием «Работайте так, как товарищ Лямкин» призывала весь коллектив досрочно выполнить боевое задание. Траншея была вырыта значительно раньше, чем было указано в приказе.

Это только один из примеров оперативности и действенности «Боевого листка» и его редактора товарища Башмакова.

Заместитель политрука И. Яровой».

Эта статья свидетельствует не только о значимости сооружаемого объекта, но и о том, какое значение придавали воины, коммунисты выполнению любого боевого задания, используя свое самое главное партийное преимущество — право быть первым.

Так скромно рассказала корпусная газета о сооружении рва. Утром немцы под самым носом увидели огромный земляной вал. Он вызвал переполох в стане врага. Да и как было не волноваться. На бруствер были выставлены макеты пулеметов, по всей линии вала, поверху, лежали солдатские каски. На рассвете из рва было сделано до десятка минометных выстрелов из кочующих минометов, дана не одна очередь из пулеметов и автоматов. Затем все, кто стрелял из нового рва, быстро ушли, оставив макеты и каски.

Приняв за чистую монету эту декорацию, каски за бойцов, немцы подвергли новый ров яростному обстрелу из пушек, минометов, пулеметов. Весь день они долбили пустой ров. Только прекратит противник огонь, как из траншеи вновь бьют кочующие минометы. И вновь — яростный огонь по рву. Противник не жалел снарядов, мин, патронов. А их как раз у немцев было не густо.

Командование бригады было довольно провокацией массированного вражеского огня. Пусть побольше бьют, транжирят боеприпасы. Завтра придумаем еще что-нибудь поинтереснее. И придумали. Навязали противнику новый обстрел. Батальон П. Е. Белозерова выдвинули за передний край на сотню метров. Сделали несколько ложных блиндажей, огневых точек, макеты пулеметов. Перед этим дали хороший огневой налет артиллеристы, минометчики и пулеметчики. На кочки были надеты каски, немцы приняли их за цепь солдат и опять весь день долбили эти ложные позиции.

Следует сказать, что весной и летом целыми ночами

работали наши саперы. Вся нейтральная зона перед вторым и первым батальонами была покрыта густой сетью мин. Вражеские же мины саперы ухитрялись обезвреживать.

Летом 1968 года мы с краевой комсомольской экспедицией побывали на том месте, где когда-то был вырыт боевой ров. Направляясь в Шубино из Залучья, переехав речку, мы оказались на бывшем переднем крае обороны 3-го стрелкового батальона. Верхосновку не было видно, исчезла и памятная открытая поляна. Перед нами предстала стена густого, высокого леса. Ничего понять не могу, чуток растерялся. А когда подъехали к лесу и остановились, увидели глубокий ров, густо поросший деревьями. Во рву обнаружили массу разнообразных следов войны.

Оказалось, искусственная лесополоса по рву — это наши военные посадки, которыми мы маскировали во время обороны траншею. Разросшись, они образовали красивый лес. Он стал замечательным памятником павшим в боях нашим боевым однополчанам.

МИНОМЕТНЫЙ БАТАЛЬОН

Чтобы больше узнать о подвиге сынов Алтая, о наших фронтовых буднях в годы Великой Отечественной войны, давайте мысленно вернемся на сорок с лишним лет назад и совершим экскурсию в хозяйство комбата Веселова и комиссара Савчинского. Секретарем партбюро там был политрук Печенко, комсоргом — Берестенников. В этом отдельном батальоне было три минометных роты.

Свой путь мы начнем от штаба бригады — деревни Избытово. Когда развернулись ожесточенные бои от Шубино до Залучья, немцы из всех деревень угнали мирное население в Залучье, обрекли его на голодное и холодное существование. Опустели деревни. В Избытово сохранилось полтора—два десятка домов. В них и разместились службы штаба бригады. Развесистые плакучие ивы и вековые липы украшали улицы, закрывали собою строения, придавали деревне вид мирного, уютного уголка, хотя по ней немцы регулярно выпускали порцию в несколько снарядов. Во все стороны из Избытово пролегали снеговые дороги, тянулись линии связи. Все они уходили в подразделения бригады, как было принято их называть, — в хозяйства Веселова, М. А. Хацавы, П. Е. Белозерова,

В. М. Савчинский.

Ф. Ф. Бондаренко.

П. А. Унжакова, Ф. Ф. Бондаренко, Розовика, И. И. Крючкова...

Хозяйство Веселова располагалось на пути в первый и второй батальоны. Дорога, осевшая в снегу, пролегла по узкой поляне, зажатой высоким сосновым лесом. Пройдешь от нее полтора километра, свернешь направо — и в 50—100 метрах, в густом сосновом лесу, обнаружишь хозяйство Веселова. От переднего края оно располагалось всего в одном километре. В центре стояла большая брезентовая палатка. Из нее вверх выведена труба, валит густой дым. Она неплохо утеплена. Внутри же стоят столы — ящики из-под мин, они же служат сиденьями. Посредине железная бочка — это печка, от нее исходит уютное тепло. В одной стороне, поодаль, оборудовано что-то вроде нар, устланных толстым слоем веток, прикрытых покрывалом. Это спальня. Четыре стола — служебные: писаря и начальника штаба, командира с комиссаром, парторга с комсоргом. На стенах висят плакаты, и в центре — неизменный спутник всех походов «Родина-мать зовет!». На одном столике лежат газеты, брошюры и даже книги, шашки, шахматы. Таково штабное помещение минометного батальона.

Хозяев, Веселова и Савчинского, застали на месте.

Они показали нам все расположение батальона. Секретарь партбюро зуммерил по телефону, созывая парторгов рот, замполитруков, агитаторов. Им предстояло подвести итоги социалистического соревнования. Приглашены и командиры рот и взводов, политруки, члены партбюро. По всему видно, предстоит большой разговор, а затем состоится прием в партию.

Комиссара Владимира Макаровича Савчинского я впервые увидел в Барнауле на первом заседании парткомиссии, членами которой мы оба были избраны. Немного ближе узнал его на фронте — но тоже по заседаниям парткомиссии и совещаниям политсостава. И только когда я стал инструктором политотдела по информации, в нашем повседневном общении постепенно раскрывались для меня его человеческие качества. О его дисциплинированности свидетельствовали донесения в политотдел. В них он подробно докладывал, или как он обычно писал: «Доложу вам...», о политико-моральном состоянии в батальоне, о боевых делах, о проведенной политработе, подробно описывал подвиги личного состава. Он был дисциплинирован в большом и малом, того же требовал от всех подчиненных и учил их этому. Он никогда не давал невыполнимых обещаний, а обещанное всегда выполнял. Бывая в тяжелейших переплетках, Савчинский никогда не допустил ни малейшей грубости. От него никто не слышал нецензурной брани или оскорбительных для человеческого достоинства слов и выражений. К любому он обращался только на «вы». Владимир Макарович был добр ко всем, очень близко воспринимал людские печаль и горе. Он и помогал любому. Словом, концентрировал в себе многие человеческие добродетели. И командиры, и бойцы батальона за все эти качества, за честность, отеческую заботу о людях, душевность любили его, называли отцом. Большинство бойцов приходило к нему с письмами из дому, делилось радостями и горестями, и если нуждались в этом — получали мудрые советы. Человечность, участие в судьбах людских создали Савчинскому непререкаемый авторитет в батальоне, все его указания принимались к безусловному исполнению.

Не каждый командир считает возможным для себя есть из одного котелка с солдатом. Владимир Макарович не чурался такого общения, зачастую и сам приглашал солдат к своему котелку. Несмотря на суровые морозы, бессонные ночи в снегу, жесточайшие бои, что в совокупности требовало от человека чрезмерного нервного на-

пряжения, несмотря на длительное отсутствие сведений о семье, детях — где они? Остались на оккупированной территории или эвакуировались в тыл (а ведь это самая тягчайшая неизвестность) — он выстоял, остался самим собой...

Из уютной палатки гостеприимный хозяин повел нас посмотреть необычную новинку. На опушке леса, между двумя елями аккуратно натянута палатка. У входа по обе стороны стоят скамейки, на них сидят несколько раскрасневшихся бойцов. «С легким паром!» — приветствует сидящих Владимир Макарович. Оказывается, бойцы только что помылись в бане. Перед нами распахнулась дверь во фронтную парикмахерскую. Бойцы заходят сюда постричься, побриться, привести себя в порядок. В палатке на небольшом столе установлено зеркало, лежат бритвенные инструменты, обыкновенный стул превращен в кресло с откидной спинкой. Все это сделал сам парикмахер Базаров. Он работает по-фронтному — быстро, добросовестно, с шуткой. Клиенты довольны своим мастером. «Отлично!» — оценивают они его работу.

— А теперь, — говорит наш гид Владимир Макарович, — я приглашаю вас посетить нашу батальонную баню. Чтобы ее соорудить, нам всем пришлось много похлопотать.

Мы прошли несколько метров в глубь густого леса. Перед нами предстало необычное сооружение: между сосен из бревен, поставленных вертикально, и веток возведено круглое, похожее на юрту, помещение. Вверху — большое отверстие. Посредине горел костер, в нем стояли на подставках две железные бочки. В них кипятилась вода для мытья, вокруг костра стояли сиденья. Был настлан деревянный пол. Близость костра, горячая вода создавали тепло. Мыться могли сразу десяток человек, а некоторые даже умудрялись париться веником. Минометчики восхищались этой баней и любезно предоставляли ее другим подразделениям...

В каждой роте были созданы расчеты кочующих минометов, их возглавляли лейтенанты Андреев, Амельченков. Эти минометчики вставали рано, ложились поздно. Днем на наблюдательных пунктах они высматривали, где что у противника находится, а затем внезапно обстреливали и удалялись в укрытие. На каждые четыре выстрела из минометов немцы выпускали по пустым местам до 15—20 снарядов.

Перед нашим уходом из хозяйства Веселова в штаб

Снаряжение плота с листовками для немецких солдат. Сидит слева Д. Фердинанд.

пришел немного усталый старший лейтенант М. Амельченков. Настроение у него было приподнятое. Комиссар и командир засыпали его вопросами:

— Ну, получилось что или нет?

— Да как же не получиться! Ведь не зря же мы испытывали все у себя на полигоне.

Оказывается, вечером Амельченков со старшим сержантом Корнеевым выдвинулись на опушку леса и установили миномет. Стреляли минами, наполненными листовками для немецких солдат. Мины для этой цели соорудили сами. Шесть агитмин были посланы точно в расположение противника в разные концы Залучья. В листовках немецким солдатам рассказывалась правда о войне.

ВТОРОЙ СРЕЛКОВЫЙ БАТАЛЬОН

От штаба минометного батальона до штаба 2-го стрелкового — всего пятьсот метров. В отличие от 1-го и 3-го батальонов, все хозяйство второго расположено в густом, высоком сосновом бору, рельеф местности здесь равнинный, почвы полупесчаные. Весь бор — шириною в два ки-

лометра и длиною до трех — как бы врезался в оборону противника, а стройные красавицы сосны стоят как солдаты на смотре. По восточной опушке бора проходит передний край нашей обороны. Перед ним простирается болотистая низменность с мелким кустарником, большими кочками. Это ничейная земля. По ту сторону низменности, в редколесье, чуть на возвышенности, — передний край обороны противника. Он хорошо просматривается с нашей стороны. Видны окопы, блиндажи и другие сооружения. Правее деревня Извоз, там тоже немцы. От их же взглядов хозяйство 2-го батальона хорошо замаскировано густым сосновым лесом. В этом было большое преимущество наших позиций.

Командовал вторым батальоном старший лейтенант М. А. Хацава, грузин по национальности, интернационалист по духу, волевой, тактически грамотный комбат. Он умел расположить к себе любого человека.

Хацава глубоко прорабатывал любую ставившуюся перед батальоном задачу, умел разумно разработать план боя и достигал хороших результатов. В период, когда бригада вела активные наступательные бои, батальон всегда справлялся с боевыми задачами. Например, разгром немецкого узла обороны в деревне Новой был бы невысказан без стремительного наступления 2-го батальона, захватившего три населенных пункта, лишившего помощи осажденного и обреченного на гибель гарнизона с его штабом. Теперь этот батальон удачно врезался в оборону врага, занял наивыгоднейшие позиции, развернул всю свою боевую мощь, создал блестящую сеть оборонительных сооружений, обеспечил условия быта для бойцов и развернул активную работу по выполнению боевых задач и предмайских социалистических обязательств.

Душой батальона были его комиссар старший политрук Василий Филиппович Рылов, секретарь партбюро политрук И. М. Соцкий, начальник штаба старший лейтенант Иван Федорович Медведев. Они все очень хорошо подходили друг к другу, дружили.

Мне, в качестве представителя политотдела, приходилось очень часто бывать в этом батальоне, видеть полные взаимопонимания отношения его командиров. А складывались эти отношения на здоровой товарищеской основе. Батальон по всем показателям стал заметно отличаться, выходить в число передовых. Особенно умело была поставлена в нем боевая и политическая подготовка. Комбат и начальник штаба в совершенстве владели своими обязан-

ностями, комиссар и парторг отлично ладили с людьми. После бригадного партийного актива они глубоко продумали свои задачи, подготовили большие мероприятия и провели свой батальонный партийно-комсомольский актив. Поставив перед собой задачи, они их не меняли и боролись за осуществление в упорной повседневной работе.

Например, много внимания уделялось обучению меткой стрельбе. В батальоне прошли соревнования между стрелковыми отделениями за первое место по стрельбе. Подобрали удобное место для полевого тира. Соревнованиями руководил начальник штаба И. Ф. Медведев. Командование было довольно результатами: большинство стреляло хорошо и отлично. Победителем стало отделение младшего сержанта Ковалева. Здесь все бойцы поражали только десятки. Однажды парни в азарте поспорили между собой, кто попадет вороне или сороке в глаз. Посудили, порядили и пошли всем отделением пробовать.

В этом пари выиграли Иванов, Сафонов и сам Ковалев — сибирский охотник. Промышляя до войны белку, они старались попасть ей только в глаз, чтобы не портить мех. И здесь они показали класс стрельбы всему батальону.

Отделение Р. И. Ковалева в любых боях было самым активным, напористым. Здесь умели беречь людей, умели перехитрить врага, быть всегда и во всем первыми. Эти качества бойцов отделения давно заметил комиссар Рылов. Он задумал из бывалых охотников, мастеров сверхметкой стрельбы создать снайперскую школу и упросил штаб бригады передать батальону снайперские винтовки. Его просьбу уважили, дали двенадцать таких винтовок.

Еще в период формирования бригады отделение Ковалева считалось комсомольско-молодежным. Вскоре все парни здесь стали комсомольцами. За время февральских боев трое были приняты кандидатами в члены партии. Так в отделении сложилась партийно-комсомольская группа.

Казалось бы, чего проще: есть отличные стрелки, есть снайперские винтовки с оптическим прицелом, выбирай огневые точки и стреляй по немцам. А командование батальона смотрело на это дело иначе. Оно решило создать настоящую снайперскую школу и отобрать в нее людей, обладающих не только мастерством сверхметкой стрельбы — это само собой, но и имеющих железные нервы, отличающихся стойкостью, мужеством, исключительной смелостью и находчивостью при выборе засады, умеющих маскироваться.

Прошедшие в батальоне соревнования помогли выявить отличных, сверхметких стрелков. Теперь командованию батальона было легко отобрать людей в снайперскую школу. Выбор пал на отделение младшего сержанта Ковалева. К нему добавили из других батальонов еще восемь человек, так что их всех стало двадцать. Развернулась боевая учеба. Изучали винтовку с оптическим прицелом. В тылу батальона, на опушке леса, подобрали место для полигона, на котором имитировался передний край нашей обороны и позиции противника. Вся боевую и тактическую подготовку умело проводил И. Ф. Медведев. Он учил стрелять по мелким целям из винтовок с оптическим прицелом, мастерству выбора места и маскировки. Он и здесь сумел зажечь искру соревнования. Разделил слушателей на две группы — одни маскировались, другие со стороны условного противника обнаруживали снайпера.

В конце марта 1942 года прошел заключительный урок в снайперской школе Ковалева. Здесь же, у штаба батальона, были построены бойцы, свободные от несения боевой службы. Комбат Хацава скомандовал:

— Отделение Ковалева, три шага вперед! — и обратился к бойцам: — Сегодня мы торжественно вручаем отделению Ковалева грозное оружие — снайперские винтовки. Вы, сверхметкие стрелки, получили такое почетное право. Командование уверено, что вы оправдаете это доверие. Смерть немецко-фашистским захватчикам!

Первому снайперская винтовка торжественно вручается младшему сержанту Р. И. Ковалеву. Он принимает ее от комбата на ладони вытянутых рук, сжимает, подносит к губам, целует в ложе, приставляет к правой ноге и произносит клятвенные слова: «Родина, ты вся поднялась на священную войну против нашествия коричневой фашистской чумы, ты в опасности. Мы, сибиряки-алтайцы, молодые воины, клянемся тебе, Родина! С честью оправдаем твое доверие и этим замечательным оружием истребим по сто гитлеровцев на каждую винтовку. Отделение, клянемся?!»

— Клянемся! — раздалось в ответ десять голосов воинов-снайперов. — Клянемся! Клянемся!

Вслед за Ковалевым винтовки получают В. Г. Иванов, Д. И. Сафонов, С. М. Фролов, П. Н. Потапов и другие.

Свою боевую деятельность снайперы начали с изучения переднего края противника, с глубокой разведки. Засекали, где, в какое время происходит смена караулов, прием пищи и другие перемещения. Надо было создать широкую

сеть огневых снайперских точек применительно ко времени суток. Позиции снайперы выбрали с южной, солнечной стороны. Это создавало выгодное положение для маскировки. Стрелки были разделены на три группы. Три человека до рассвета занимали огневые позиции на ничейной полосе, маскировались и ждали объекты для «охоты». Два—три человека составляли группу прикрытия на флангах. Двое—трое с автоматами отвлекали противника, иногда вызывая огонь на себя. Располагалась группа отвлечения на флангах, часто маневрируя, при необходимости подключая к перестрелке пулеметчиков, стрелков, минометчиков. Она начинала активно действовать обычно тогда, когда для снайперов возникала непосредственная угроза или когда у противника прекращалось всякое движение. В таких случаях провоцировалась перестрелка основных сил обороны, включая артиллерийский и минометный обстрел. На немецкой стороне оживлялось движение, выстрелы снайперов были менее заметны противнику. Так в батальоне зародился новый термин «поддержать снайпера». Благодаря такой поддержке снайперы были неуловимы.

Первыми открыли счет Р. И. Ковалев, В. Г. Иванов, С. М. Фролов. Они уничтожили семь немцев. На второй день в засаде находились П. Н. Потапов и Д. И. Сафонов. Они начали свой счет, уничтожив каждый по два немца. И так каждый день: вставать до петухов, маскироваться, караулить, брать на мушку, стрелять. А когда батальон усиливал поддержку снайперов, их боевой счет увеличивался иногда от двух до пяти человек на каждого. К 1 мая группа Р. И. Ковалева имела на своем общем боевом счету свыше ста истребленных гитлеровцев. Это был внушительный первомайский подарок.

Наступили погожие весенние дни. Ожила природа. Земля покрылась зеленым травяным ковром, зацвели цветы, лес облачился в свое зеленое убранство. Не смолкали трели соловьев, звонко распевали птицы. К этому гомону приобщился писк комариных роев. Их было много, круглые сутки они давали о себе знать. Наступила пора активной деятельности и мастеров сверхметкого огня.

Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина определил главные боевые задачи и вдохновил воинов-фронтовиков на разгром врага, на беспощадное истребление фашистских убийц и грабителей — до полного очищения родной земли от этой нечисти. Уже на 12 июня 1942 года, как писала газета «Красный гвардеец» 18 июня, снайперская группа Р. И. Ковалева дове-

ла свой счет до 300 истребленных гитлеровцев. Сам Ковалев уничтожил 82 фашиста, Иванов — 86, Сафонов — 52, Фролов — 45, Потапов — 35.

Во всех подразделениях росло и ширилось снайперское движение. В майские дни в бригаде насчитывалось более двадцати сверхметких стрелков. В 3-м стрелковом батальоне под руководством старшего лейтенанта Румянцева развернула работу школа отличных пулеметчиков. Комсомольцы Колбин, Шепилов, Черных, Алексейченко за короткое время подготовили по три метких стрелка. Обучение велось прямо на переднем крае. Однажды, выйдя на местность, скрытно установив пулемет, Колбин указал своим ученикам на дзот противника. Когда гитлеровцы вылезли из дзота и направились к населенному пункту, заговорил наш «учебный» станковый пулемет. Экзамен был сдан на отлично: ни один из вражеских солдат этой группы не остался в живых.

Матвей Степанович пристально следил за делами мастеров сверхметкого огня. Ежедневно бывая в подразделениях, он обязательно встречался с ними, знал каждого не только в лицо, но и по фамилии и имени. Это по его инициативе создавались одна за другой школы сверхметких стрелков. А когда это движение набрало силу, Батраков предложил созвать слет мастеров сверхметкого огня. И такой слет состоялся 23 июня 1942 года. Газета «Красный гвардеец» 25 июня 1942 года писала об этом слете: «Сюда собрались лучшие бойцы, командиры и политработники — прославленные снайперы, отличные пулеметчики, минометчики, артиллеристы и стрелки из ПТР. Слет открыл комиссар бригады Сергей Николаевич Щапин. Он рассказал присутствующим о замечательных успехах снайперов сержанта Р. И. Ковалева, истребивших уже 530 фашистов. С исключительным интересом и вниманием слушали выступление комбрига Матвея Степановича Батракова. Прежде, чем начать выступление, комбриг продемонстрировал класс сверхметкого стрелка. Он взял винтовку в правую руку как маузер или пистолет, прицелившись, выстрелил в висевшую на стене мишень и попал прямо в ее центр. Это была для всех поучительная демонстрация сверхмастерства. Затем он пожелал всем присутствующим научиться так же владеть винтовкой.

— Сегодня мы с гордостью произносим имена лучших наших снайперов — Ковалева, Иванова, Сафонова, Сидельникова, Потапова и других воинов, ставших грозой для немецких солдат и офицеров, — продолжал ком-

бриг. — Они уже уложили не одну сотню фашистских бандитов. Наши снайперы — это краса и гордость бригады, это люди, полностью овладевшие своим оружием. Они любят, берегут его. Это они, простые советские люди, с помощью вверенного им оружия сумели излить весь кипучий гнев нашего народа на головы гитлеровских захватчиков.

М. С. Батраков поблагодарил снайперскую группу Ковалева и за то, что она обучила снайперскому делу 13 бойцов из других подразделений бригады. Он отметил как отрядный факт, что от снайперов не отстают сверхметкие стрелки — минометчики, артиллеристы, пулеметчики, пэтэровцы, что число бывалых воинов, передающих свой опыт молодым бойцам, растет с каждым днем.

Мастера меткого огня Ковалев, Сидельников, Федоричев, наводчик Юркин, пулеметчик Алексейченко поделились своим опытом, рассказали о том, что каждый из них сделал по выполнению первомайского приказа И. В. Сталина».

Участникам слета был показан концерт художественной самодеятельности бригады, которой руководил младший лейтенант Тумин. Это был одаренный организатор. Он сам являлся и композитором, и сочинителем, и музыкантом, и рассказчиком. И не расставался с аккордеоном. Тумин аккомпанировал тещу-декламатору врачу Саше Мальштейну, лирическому пению Вали Кузьминой (В. В. Литвиновой), хору, сопровождал азартную пляску Феди Копасова, сам выступал в качестве тещи, показывал скетчи, пел шуточные песни и частушки. Бригадная самодеятельность пользовалась большой популярностью у бойцов. В весенне-летний период концерты бывали каждый день, причем их программа постоянно обновлялась, дополнялась. На слете снайперов впервые прозвучала песня о Батракове, текст и музыку которой написали сами участники художественной самодеятельности под руководством Тумина. Эта песня полюбилась бойцам, политотдел ее размножил и разослал в подразделения. И она зазвучала, как самая близкая и дорогая, во всех соединениях бригады. Вот ее текст:

ПЕСНЯ О БАТРАКОВЕ

По полям, по лесам, по долинам
Наша песня сильнее звени.
О герое своем командире
Эту песню в боях пронесли.

От широких просторов Сибири
Грозной поступью смело идем.
Наше знамя победы и славы
Гордо в жарких боях пронесем.

На пути все преграды ломая,
Истребили немало врагов.
И ведет от победы к победе
Нас полковник Герой Батраков.

Злобный враг нашу силу изведаль
И отвагу сибирских стрелков.
И везде, и всегда впереди нас
Шел Герой командир Батраков.

В битвах, жарких от света пожарищ,
Шла бригада сибирских стрелков.
Впереди командир и товарищ
Шел полковник Герой Батраков.

Гордо реет победное знамя
Над бригадой сибирских стрелков.
И овеянный славой Героя
Наш комбриг и отец Батраков.

Прошедший слет мастеров сверхметкого огня вызвал новый подъем истребительной борьбы против фашистских захватчиков. Снайперы продолжали увеличивать боевой счет. Большим событием в их жизни стало награждение Иванова медалью «За отвагу». Это была большая награда. Комбат Хацава от имени бойцов и командиров подразделения послал на родину Иванова, в колхоз «Красный колхозник» Казалинско-Ленинского района Иркутской области письмо: «Дорогие товарищи, в нашем подразделении служит воспитанник вашего колхоза, мужественный воин, прославленный снайпер Василий Гаврилович Иванов. Весь личный состав подразделения гордится вашим посланцем, с честью защищающим нашу великую Родину. Бывший конюх, ныне красноармеец Василий Иванов, овладев в совершенстве снайперской винтовкой, за два с лишним месяца истребил 86 немецких солдат и офицеров. Советское правительство отметило заслуги отважного снайпера, наградив его медалью «За отвагу». Боевой счет Иванова продолжает расти с каждым днем. Каждая пуля, выпущенная из снайперской винтовки Иванова, разит врага прямо в сердце. Мы гордимся снайпером и благодарим вас за воспитание такого стойкого патриота любимой Родины. Мы желаем всем колхозникам работать на полях так, как сражается на поле брани Василий Иванов».

М. Андреева.

был охотником. С детства целыми днями бродил с отцом по дремучей тайге. Охота приучила его долго и терпеливо выжидать, но не медлить при появлении зверя. Опыт охотника, соколиный взгляд, хладнокровие меткого стрелка, твердую руку вместе со жгучей ненавистью к врагу Фролов принес сюда, на линию фронта из далекой Сибири.

Ранним апрельским утром Фролов вместе с сержантом Ковалевым впервые вышел на «охоту». Лежали молча, напряженно осматривая вражеские позиции. Вот из блиндажа вышли двое. Потягиваясь, один из них обернулся лицом к Фролову, и Степан увидел лицо врага. «Справа по одному», — сказал Ковалев. Грянули два выстрела, оба фашиста упали. «Однако белка хитрее врага, она сама на мушку не лезет», — засмеялся Степан Фролов. С той поры началась его боевая страда. Каждый день, в любую погоду — шел ли дождь, сияло ли солнце — Фролов уходил на передний край. «Охота» на фашистов обогащала снайпера опытом. И он щедро делился им с товарищами, обучая их искусству сверхметкой стрельбы. Глубоко запали в душу Степана слова: «Чем сильнее будешь ненавидеть врагов, тем больше их истребишь». «И пусть не дрогнет твоя рука, когда ты будешь брать их на мушку», — говорил своим ученикам Фролов.

В эти дни в снайперскую школу Ковалева вступила 17-летняя девушка Майя Андреева, санинструктор 2-го батальона. Горе рано настигло ее. Отец, брат, дядя погибли на фронте. Эвакуировавшись из Белоруссии, она попала в село Моисеево. Но и сюда пришли оккупанты. Насмотревшись на их зверства, девушка люто возненавидела гитлеровцев. Мстя за смерть своих близких, она истребила 13 гитлеровцев. Только отъезд бригады с Северо-Западного фронта приостановил ее боевой снайперский счет.

Хочется рассказать и еще об одном снайпере — Степане Фролове. До войны он

Вместе со своими товарищами С. М. Фролов подписал обращение к железнодорожникам Пермского узла, в котором снайперы, призывая гвардейцев тыла работать по фронтовому, взяли на себя обязательство без промаха бить врага. Слово снайпер держал твердо. В начале июля боевой счет истребленных гитлеровцев у Степана Фролова достиг 53.

7 июля, переночевав в блиндаже недалеко от переднего края, снайперы вышли на свои рубежи. Рядом с Фроловым была его ученица Майя Андреева. Долго ждать не пришлось. В окуляре оптического прицела показался фашист. Фролов нажал на спуск — осечка!

— Стреляй, Майя!

И тотчас раздался выстрел. Немец упал. К убитому подбежал второй. Его уложил Фролов. Это был 54-й уничтоженный им фашист. Противник открыл огонь из пулемета по укрытию, где находились снайперы. Разрывная пуля поразила Степана Фролова.

Склонившись над могилой погибшего героя, Ковалев обратился к товарищам:

— Поклянемся до конца мстить гитлеровцам за смерть Степана Фролова. Пусть лучшим памятником ему будет каждый новый десяток истребленных фашистов.

Комиссар Рылов, возложив на могилу венок из полевых цветов, добавил:

— Мы потеряли лучшего друга, воина и коммуниста. Мы потеряли человека, горячо любившего свою Родину и страстно ненавидевшего ее врагов. Но боевая винтовка № 257, выпавшая из рук Фролова, находится в надежных руках его ученицы Андреевой. Смерть Степана Фролова будет отомщена!

Раздался троекратный залп салюта. Снайперы простились с боевым другом.

Движение сверхметких стрелков в бригаде сильно активизировало борьбу против немецко-фашистских захватчиков. В начале июля политотдел совместно со штабом бригады провели глубокую проверку хода выполнения приказа Верховного Главнокомандующего и результатов боевого соревнования в подразделениях бригады. Было установлено, что по всем пунктам соревнования 2-й стрелковый батальон имеет лучшие результаты. Командование бригады отозвало из 3-го стрелкового батальона переходящее шефское Красное знамя Барнаула и передало его 2-му стрелковому батальону.

8 июля 1942 года на переднем крае обороны состоя-

лось вручение знамени. Обставлено это событие было торжественно. Присутствовали все бойцы, свободные от несения боевой службы. Знамя вручил комбриг Герой Советского Союза полковник М. С. Батраков.

Чуть раньше в бригаде состоялось еще одно торжественное событие — вручение грамоты, ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Советского Союза Матвею Степановичу Батракову. Ранение, госпиталь, смена фронтового адреса помешали сделать это раньше. И вот 20 июня 1942 года в сосновом лесу у штаба бригады выстроились бойцы, командиры и политработники бригады. Накрыты кумачом столы. Прибыл член Военного совета Колесников. Митинг открыл комиссар бригады С. Н. Шапин. Майор Кузнецов зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Матвею Степановичу Батракову звания Героя Советского Союза. Затем представитель командования Колесников вручает комбригу грамоту Героя, прикрепляет на груди орден Ленина и медаль Золотая Звезда.

Семь месяцев героически сражались воины 42-й бригады. Суровые зимние морозы, пурга, весенняя распутица, непроходимые болотные топи, непролазная грязь были нашими союзниками.

Подводя итоги семимесячных боев бригады, назовем три важных момента:

во-первых, за 44 дня стремительного рейда по тылам врага длиной в двести с лишним километров бригада разгромила три важных узла обороны противника, освободила 45 населенных пунктов Молвотицкого и Залучского районов, разгромила и уничтожила 20 гарнизонов противника, истребила свыше 4500 немецко-фашистских захватчиков;

во-вторых, и это главное, бригада выполнила ответственное задание командования по соединению с 1-м гвардейским корпусом в период окружения 96-тысячного немецкого корпуса генерала Брокдорфа в Демянском котле;

в-третьих, своей активной обороной бригада выполнила роль стойкого заслона попытке немцев прорвать кольцо окружения из Залучья, нанесла противнику невосполнимый урон.

А вот мнение об этой операции Советской Армии тех, кто был внутри котла. Вот что писал об этом Бруно Винцер:

«Мы проникли в глубь Советской страны... сожгли не-считное количество сел и деревень, опустошили поля с со-аревшим урожаем, наконец, мы добрались до необозри-мых лесов и до истоков Волги и вот теперь увязли... В письмах от родных звучал вопрос: «Зачем все это?» Павшие в бою за короткий срок окоченевали. Трупы укладывались, как дрова, штабелями в сараях, так как их невозможно было похоронить в земле... Мертвые, как и живые, должны были ждать наступления весны...

Провидение послало нас на эту войну, когда грело солнце. Однако и старые, опытные офицеры Генерально-го штаба не позаботились о том, чтобы приготовить зим-нее обмундирование для миллионов немецких солдат. Они намерены были взять Москву осенью и покончить с ком-мунизмом, но они не приняли во внимание коммунистов...»

В начале августа 1942 года 42-я бригада передала оборону на своем участке Северо-Западного фронта дру-гим частям. Позиции 3-го стрелкового батальона, напри-мер, заняла 7-я гвардейская дивизия, а 1-го и 2-го стрел-ковых батальонов — 45-я стрелковая бригада.

42-я бригада получила задание совершить марш от де-ревни Избытово до города Осташкова, там погрузиться в железнодорожные составы и следовать к новому месту дислокации. За пять дней преодолела она двухсоткило-метровое расстояние до Осташкова. 14 августа бригада погрузилась в четыре эшелона и отправилась по маршру-ту Осташково — Москва — Пенза — Саратов — Заплавное. 27 августа 1942 года она прибыла в Сталинград.

НА ЗАЩИТУ СТАЛИНГРАДА

3 сентября 1942 года заместитель Верховного Главно-командующего генерал армии Г. К. Жуков, находясь на Сталинградском фронте, получил от И. В. Сталина теле-грамму: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Проти-вник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталин-град могут взять сегодня или завтра, если северная груп-па войск не окажет немедленную помощь...»

Текст этой тревожной телеграммы, обнародованной маршалом Г. К. Жуковым и ставшей теперь достоянием истории, раскрывает чрезвычайно опасную обстановку в Сталинграде, сложившуюся к началу сентября. В городе не было достаточного количества войск, его защищали обескровленные в боях на Дону воинские части 62-й и 64-й

армий и полки 10-й дивизии НКВД. На оборону города встало народное ополчение из сталинградцев. Фашистские войска в северной части города прорвались к Волге, перерезали все железнодорожные и автомобильные пути, связывающие город со страной, охватили его с трех сторон подковой, прижали к Волге. Последние десять дней над городом висела армада из тысячи фашистских самолетов и непрерывно бомбила его. Город фактически был превращен в руины, горел, умирал.

Именно в этот самый день 3 сентября 1942 года в оперативной сводке штаба 62-й армии значилось: «42-я стрелковая бригада находится на марше в черте города. Переправа частей к 8 часам была закончена. С 8 часов приступили к переправе боевого обоза».

Вовек не забыть нам этот марш! Переправа людского состава, материальной части осуществлялась на паромках и баржах, как правило, только ночью. На рассвете мы оказались на правом берегу Волги — в Сталинграде. Переправились все батальоны, весь личный состав бригады. Переправились благополучно, без потерь. Баржи и паромные платформы для выгрузки были рассредоточены от центральной пристани до района нефтебазы. Требовались строгая маскировка, рассредоточение мелкими группами, чтобы не допустить потерь. Немецкая авиация, висевшая над городом, только и выискивала скопления людей, сосредоточение наших войск и тотчас обрушивала на них свой смертоносный груз. Начинала она свою работу по расписанию — с 8 часов утра.

Почти весь сентябрь в Сталинграде теплый, даже жаркий, печь начинает сразу же с восходом солнца. А тут еще подбавляли жару горящие здания. Когда мы были за Волгой, то видели сплошную дымовую завесу и на ее фоне языки пламени, то затухающего, то вновь разгорающегося. И так в течение шести дней. Нам казалось, что в таком дымящемся, горящем городе совсем нет воздуха, нечем дышать, нет жизни. Но вот мы входим в Сталинград. Видны скелеты сгоревших или продолжающих гореть зданий. На улицах города, особенно центральных, много зеленых насаждений, скверов, садов. И несмотря на яростные бомбежки, пожары и обстрелы, деревья со своей зеленой, а подчас и обгоревшей кроной, сохранились лучше, чем строения. Под ними и укрываемся от воздушных пиратов, рассредоточиваясь повзводно, поротно. Всюду слышны переклички, идет проверка личного состава. Непродолжительный привал на завтрак.

Получив сведения о результатах переправы, комбриг приказал, соблюдая строжайшую маскировку и интервалы, колоннами повзводно совершить марш на отведенный нам рубеж обороны в Верх-Ельшанку. Это путь в пятнадцать километров с севера на юг Сталинграда по его центральным улицам. И тут мы воочию увидели, что Сталинград превращен в руины. Пламя пожара не утихало, находя себе все новую пищу. Его не тушили. Гибнут мирные жители. Проходим мимо группы тяжело раненных женщин, стариков, детей, многие из них сильно обожжены. Их извлекли из-под развалин горящего дома. За ними придут санитарные машины. Ведутся спасательные работы. Воздух насыщен смрадными, едкими запахами дыма, горящего дерева, красок, одежды, скарба... Кружится голова, трудно дышать, многих тошнит. Слезы на глазах у бойцов. До сих пор мы видели раненых, умирающих своих боевых товарищей — солдат, мужчин. Но чтобы были смертельно ранены, обгорели дети, женщины, старики — это не укладывается в сознании. Чудовищные преступления перед человечеством, совершаемые фашизмом, его звериная сущность впервые откровенно обнажились для нас в таких беспрецедентных масштабах в руинах Сталинграда.

Вчера, накануне переправы, во всех подразделениях прошли митинги и собрания, на которых обсуждались приказы Военного совета Сталинградского фронта. Мы поняли: падение Сталинграда для нашей Родины смертельно опасно. Тогда и родились слова сталинградской клятвы. Они были кратки по форме, глубоки по содержанию, высоко патриотичны и врезались в сердце каждого солдата, определили степень его ответственности за судьбу Родины: «Отступать некуда — за Волгой земли для нас нет! Стоять насмерть! Умрем, а Сталинград врагу не сдадим! Ни шагу назад!» Эти простые слова стали законом солдатской жизни, нормой поведения на поле боя. Они были властным и строгим приказом Родины.

Марш через весь город явился для нас впечатляющим, незабываемым, наглядным уроком политграмоты. Увиденное умножило лютую ненависть к врагу, нашу ярость, укрепило решимость стоять за этот город насмерть.

К вечеру третьего сентября все подразделения бригады сосредоточились вокруг Верх-Ельшанки, используя для маскировки овраги, лесные массивы. Но стоило М. С. Батракову установить связь со штабом армии, как последовал приказ: поднять бригаду и перед рассветом выступить в район Дубовой балки — на новый рубеж обороны.

В ночь на пятое сентября батальоны заняли оборону от восточных скатов балки Дубовая до реки Царица (через высоту 133,4). М. С. Батраков отдал строгий приказ: «Уйти в землю на два метра глубиной каждому солдату в отдельности. Твоя ячейка — твоя крепость». Грунт был очень твердый, а копать можно только ночью. В дальновидности приказа комбрига мы убедились очень быстро: яростные бомбежки с воздуха и артобстрелы, осколки бомб и снарядов, воздушная волна редко поражали одиночный глубокий окоп. А танки при всякой попытке протюжить такие окопы не достигали цели, лишь находили собственную смерть.

ДУБОВАЯ БАЛКА

Тогда мы еще не знали, что немецкая армада, подминаемая все под себя, стремительно рвется в Сталинград, что рубеж, который мы заняли, станет важным на пути врага к центру города, на подступах к Мамаеву кургану, что мы сможем здесь устоять почти полмесяца, приняв на себя ожесточенные удары многократно превосходящего нас по силам противника.

На этих позициях мы стояли насмерть с 4 по 18 сентября — 14 дней! Здесь бригада совершила свой главный подвиг. Этого мы вовек не забудем!

В расположении Сталинграда, в контурах Дубовой балки мы нашли много схожего с родным Барнаулом. Сталинград раскинулся на возвышенном правом, западном, берегу Волги. Она течет с севера на юг, ее ширина у города от 1 до 5 километров. Наш Барнаул тоже стоит на высоком западном, только левом, берегу другой великой реки — Оби, которая течет с юга на север. Между Волгой и ее дельтой в Ахтубе раскинулась низменная долина в десятки километров шириной и в сотни — длиной. Она покрыта дубовыми лесами, фруктовыми садами, изобилует рыбными озерами и старицами. В районе Красной Слободы есть затон под названием Бобровский. Это ли не сходство с Барнаулом!

Между Волгой и Доном раскинулась широкая степь. Она представляет собой высокий разлом с отметкой до 160 метров над уровнем моря, а к Волге приходит с нулевой отметкой — ведь рядом Каспий. С этого разлома идет понижение и к Волге, и к Дону. Стекающие по нему внешние и дождевые воды прорывают глубокие овраги, рвы, балки, образуют широкие долины, по которым текут реч-

ки Царица, Мокрая и Сухая Мечетки, Ельшанка и другие. Люди насадили вокруг города леса. В них преобладают дуб, липа, ясень, клен. Вершина Дубовой балки перерезает долину, по которой течет с запада на восток река Царица. Глядя на нее, мы вспоминали нашу Барнаулку. Царица прижалась к крутому берегу, изрезанному глубокими рвами и логами, так же, как наша Барнаулка, только здесь больше оврагов, а на крутом берегу сплошные лесонасаждения, вплоть до станции Садовой и Большой Ельшанки. Точно, как за Барнаулкой, лес, только у нас он хвойный, а здесь лиственный. Так же, как Барнаулка к Оби, Царица прорвалась к Волге. И еще одно сходство: широкие и необъятные степные просторы Алтая аналогичны просторам нижнего Поволжья. И такая деталь: Сталинград на западе, Алтай на востоке от Казахстана. Казахские степи и пустыни отделяли нас в Сталинграде от родного Алтая.

Каждый воин, кто хоть раз побывал на Алтае, в Барнауле, как-то быстро обнаруживал это сходство, о нем говорили вслух, часто спорили и нередко Сталинград называли Барнаулом, придумывая ему ласковые эпитеты. В самые невыносимые, тяжелейшие часы сражения это сходство помогало нам выстоять, выдержать. Казалось, здесь мы заслоняем от беды наш Алтай, Барнаул, родных людей, семью.

Сама Дубовая балка представляет собой чашу, образуемую из крутых скатов на востоке и севере, с обилием логов и рвов. На западе чаша замыкается пологим возвышением, которое завершается отметкой под названием высота 133,4. Старожилы Сталинграда называли эту высоту Тоськин пупок. На юге балка соединена множеством логов и ложков с рекой Царицей. Здесь, среди невысоких лесов, природа образовала еще одну курганообразную высотку. Кажется, она не такая уж и большая, лишь немного выше лесочка, обрамляющего ее подножие. Но когда поднимаешься на вершину, с нее обозревается кругом вся царицинская долина, все заречье, хорошо видны Гумрак, шоссейная и железная дороги. Вот эту маленькую высотку и любовал М. С. Батраков, сделав ее наблюдательным и командным пунктом бригады. Как взшел на нее в первый день, так и оставался до последнего дня сражения в Дубовой балке.

У подножия кургана был сооружен блиндаж для комбрига и комиссара. Здесь же размещались штабные работники и управляющие боем. Сюда были стянуты все

нити связи. Вокруг этой высоты в логах и оврагах обосновался штаб бригады, его многочисленные службы, отделы, подразделения: комендантский взвод, рота связи, разведка, политотдел.

Изучая теперь журнал боевых действий, вновь убеждаешься, с каким глубококомыслием, военным мастерством и предвидением комбриг и его оперативный штаб разработали систему расстановки огневых средств и ведения боя как в обороне, так и в контрнаступлении. Многие тогда удивлялись, почему комбриг на передний край выставил всего лишь два стрелковых батальона, усиленных пулеметами, минометами и противотанковыми огневыми средствами. На правом фланге, на стыке с 6-й танковой бригадой, на восточном и северном скатах Дубовой балки, до высоты 133,4, оборону занял 2-й стрелковый батальон, мы его называли Краснознаменным. На левом фланге, на правом и левом берегу реки Царицы, в направлении к высоте 133,4, расположился 3-й стрелковый батальон. За разломом Дубовой балки, в районе лесопосадочной МТС, маскируясь в лесочке и логах, занял позиции артиллерийский дивизион 76-миллиметровых пушек. Еще глубже в тыл, на окраине города, расставил свои 120-миллиметровые минометы минометный дивизион.

На стыке двух батальонов, прикрывая высоту 133,4, разместил две батареи дивизион 45-миллиметровых противотанковых пушек. Минометный батальон так выбрал свои позиции на флангах и в центре обороны бригады, что мог всю свою огневую мощь нацелить на любой участок обороняемой территории.

Батальоны 1-й и 4-й стрелковые, пулеметный, автоматчиков вошли в резерв комбрига и расквартировались в разных местах царицинской долины. Тылы бригады, а также медсанрота расположились в подвалах разрушенных зданий в центре города от пристани до его окраин. Таким образом, вся царицинская долина от Волги до Дубовой балки была под контролем частей бригады.

Здесь, применяясь к местным условиям, пришлось употребить совсем иную тактику, отличную от наших действий на Северо-Западном фронте. Наш район обороны контролирует группа немецких самолетов от 15 до 25 штук, они выискивают скопления людей, техники, гонятся даже за одиночным бойцом. А тут прошла бригада, насчитывающая свыше шести тысяч человек, пронесла с собою весьма объемную материальную часть, но так умело все замаскировала, что ни одной бомбы в этот день не

было сброшено на наши позиции. Нам помогли лесистая и овражистая местность, высокие воинская выучка и дисциплина.

Четвертого сентября и в ночь на пятое бригада заняла оборону, вгрызлась в каменистую сталинградскую землю, заняла отведенные ей рубежи, чтобы с них не сдвинуться ни на метр. Она зашла на эти позиции, не обнаруженная вражеской разведкой. В тот день противник не наступал, он сосредоточивал, наращивал свои силы для мощного удара и захвата с ходу центра Сталинграда.

Пройдет 37 лет. И мы, оставшиеся в живых, прочтем в мемуарной книге «Сталинградский рубеж» (издана Воениздатом в 1979 году) об этом первом дне бригады на сталинградской земле теплые слова Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Николая Ивановича Крылова, бывшего начальника штаба 62-й армии:

«В армию влилась также новая стрелковая бригада — 42-я отдельная под командованием Героя Советского Союза полковника Матвея Степановича Батракова. Она прибыла из резерва Ставки, а до того воевала на Северо-Западном фронте. Костяк ее составляли сибиряки, и бригада считала своей реликвией Красное знамя Барнаульского горкома партии и горисполкома, торжественно врученное ей при отправке на фронт. В самое последнее время, уже по пути к Волге, она пополнилась краснофлотцами с Беломорской флотилии. Их частично успели расписать по подразделениям. Были взводы, роты и даже батальон, состоявшие из моряков...

...Знакомство с командиром 42-й бригады было, в силу обстоятельств, кратким, но впечатление Батраков оставил отличное... Докладывая о состоянии части, комбриг упомянул, что батальоны еще не в должной степени сколочены после приема пополнения. Было, однако, ясно: никаких скидок на это Батраков не ждал.

...Бригаде Батракова сперва был назначен рубеж на левом фланге, в районе Верхней Ельшанки. Казалось, наконец-то сможем укрепить стык с 64-й армией. Но тем временем резко осложнилось положение в четырех—пяти километрах севернее, у больницы за аэродромным поселком. Там и вступили сибиряки и матросы полковника Батракова в свой первый бой под Сталинградом, имея задачей прикрыть фланги соседних частей и во что бы то ни стало удержать высоту 133,4. А это означало — не допустить прорыва в направлении Мамаева кургана и центра города.

Комбриг имел минимальное время на подготовку к бою и рекогносцировку. Едва рассвело, противник обрушил на занятые батальонами позиции массированные удары с воздуха, затем вступила в действие артиллерия, пошли в атаку танки.

Но бригада, отбив первую атаку и последующие, свои позиции удержала. Несколько часов оказалось достаточно, чтобы оценить стойкость новой части, личные ее качества».

5 сентября. Итак, в этот день состоялась наша первая встреча с врагом на сталинградской земле. Накануне вечером и в ночь на пятое командир разведроты старший лейтенант Хлыбов вел непрерывную разведку переднего края, доходил до Гумрака, обследовал все подступы к занимаемым нами позициям. Главную роль в отражении натиска гитлеровцев Матвей Степанович отводил артиллеристам и минометчикам. Из своего резерва для нанесения флангового удара он выставил пулеметную роту П. И. Поднебеснова. Проверив боеготовность, выслушав все доклады, переговорив по телефону с командирами подразделений, Батраков сказал: «Ну, что же, милости просим, незваные гости. Примем по сибирскому обычаю, хотя и без хлеба, но соли всыплем».

С рассветом комбриг уже взошел на свой КП, еще раз переговорил с командирами подразделений. Вскоре налетели гитлеровские стервятники, начался артиллерийский и минометный обстрел. Наша артиллерия молчала. Но вот по шоссе двинулась колонна вражеских танков, вслед за ними развернутым строем пошли пьяные гитлеровцы. Они горланили песни, играли на губных гармониках — им было весело. Поскольку наступление началось на территории нашего соседа справа — 6-й танковой бригады, ему и принадлежало право первым начать огненный диалог с противником.

Прозвучали первые ответные залпы. Гитлеровцы начали перестраиваться, развертывать свои боевые порядки в сторону позиций нашей бригады. Изменив направление, немецкие танки подставили себя под удар нашей бригады. И этот удар блестяще нанесли артиллеристы 76-миллиметровых пушек и минометчики 120-миллиметровых минометов. Всю свою огневую мощь обрушили они на танки. Вот загорелись одна, вторая, третья, четвертая машины... По наступающей пехоте повели огонь минометчики ба-

тальона Веселова-Савчинского и пулеметчики Поднебеснова. Атака противника захлебнулась. Он откатился назад.

Вскоре гитлеровцы повторили атаку, на сей раз рассредоточив танки, пустив их развернутым строем по фронту, под прикрытием мощного артиллерийского огня. Танки сопровождала протрезвевшая пехота. Наступление немцы повели на стыке двух бригад. Если в первой атаке участвовало до батальона фашистов, то в этот раз пехоты было вдвое больше. Немецкие автоматчики лезли напролом, рассчитывая на слабость нашей обороны. Но они просчитались. Их «гостеприимно» приняли воины 2-го стрелкового батальона и пулеметчики Поднебеснова, крепко «угостили» и навечно уложили спать на сталинградской земле. Оставив сотни трупов, гитлеровцы вновь откатились. Захлебнулась здесь и третья вражеская атака.

В этот же день немцы попытались разведать боем передний край обороны 42-й бригады и ее левый фланг. Эта разведка им стоила восьми уничтоженных танков и свыше трехсот убитых гитлеровцев. Наши потери были минимальными. 5 сентября враг в город не прошел.

После отражения атак командир 2-го стрелкового батальона Хацава и начальник штаба Медведев собрали на своем КП командиров рот и взводов, политсостав и обстоятельно обсудили ход сегодняшнего сражения, определили меры по устранению выявившихся в ходе боя недостатков, по дальнейшему укреплению и совершенствованию обороны. С наступлением темноты во всех взводах прошли открытые партийно-комсомольские собрания. На них подводились итоги прошедшего боя, брались новые повышенные обязательства, ставились новые задачи. А они были однозначно просты: увеличивать боевой счет истребленных врагов, не пропускать их в город. В Сталинград прибыла в полном составе снайперская школа Р. И. Ковалева. Сибиряки-охотники начали свой боевой счет уже в новых, сталинградских, условиях.

Состоялись ротные партсобрания и заседания партийных бюро. На них принимали в ряды ВКП(б) отличившихся воинов.

6 сентября. На направлении главного удара по Сталинграду двое суток немцы получают внушительные оплеухи и несут большие потери. Смирятся ли они с этим? Мы понимаем, что нет.

Матвей Степанович Батраков, проанализировав события прошедших двух дней, предположил, что это была

всего лишь основательная разведка боем накануне большого немецкого наступления. Бои на правом фланге 5-го и на левом сегодня показали, что никаких изменений в боевые порядки вносить не следует. Требуются лишь стойкость, мужество и отвага. Этими боевыми качествами воины бригады обладали в достаточной степени.

Нашим уязвимым местом был недостаток боеприпасов: снарядов, мин, гранат. И не только из-за трудностей по их доставке, но и из-за их ограниченного наличия на армейских складах. Почти четвертая часть личного состава бригады находилась в непрерывном движении по доставке из-за Волги на передний край боеприпасов, продовольствия и снаряжения. И все это на себе, под постоянным обстрелом.

Позиции бригады заволочли клубы пыли и дыма. Порой кажется, что вся бригада погребена под взрывами, что не осталось никого в живых. По два, по три человека отсиживаемся в укрытиях. Выполняем неотложную работу. А в минуты затишья стоит пройтись по окопам и блиндажам, и веселеет на душе: везде живые солдаты. Одни травят анекдоты, и их встречают громовым хохотом, другие поют любимые песни, третьи ведут диспуты, серьезные деловые разговоры.

К обеду Батраков получил боевое распоряжение штаба 62-й армии: «Частям бригады совместно с 272-м стрелковым полком приказано: в ночь с 6 на 7. 09. 42 овладеть домом, 1 км восточнее высоты 146,1, Бабаево и очистить от противника опытную станцию».

Штаб бригады разработал план наступления, его утвердил М. С. Батраков. Приказ довели до исполнителей. В атаку пойдут 2-й и 3-й стрелковые батальоны, 1-й стрелковый батальон будет во втором эшелоне.

По данным разведки и показаниям пленных М. С. Батраков знал, что перед фронтом бригады для нанесения мощного удара стягивает свои силы 71-я пехотная дивизия противника, которой командует генерал Гартман, а за Царицей, на левом фланге, находится 24-я танковая дивизия, ведущая бои против 244-й стрелковой дивизии. После вчерашней оплеухи, полученной от нас, Гартман сегодня не наступал, завтра же он сидеть не будет, наверняка станет атаковать.

Разведчики определили места сосредоточения войск противника, его артиллерийских и минометных батарей. Против нас стояла целая дивизия. В атаку же на нее пойдут всего лишь два батальона и один останется в резерве.

В таких условиях командование бригады и не рассчитывало на успех. Знал об этом и командующий армией Н. И. Крылов. Но конечная и главная цель наступления бригады — упредить немецкую атаку, сорвать и перепутать планы, разрушить психологический настрой завоевателей.

Расчет Батракова был прост: сорвать план вражеской атаки, с утра взять инициативу в свои руки, навязать бой противнику не там, где он хотел, а где мы наметили, заставить его контратаковать по нашему плану. А это немалый залог успеха.

Большую подготовительную работу провели командование и политработники батальонов. Тщательно разработали план проведения атаки, довели его до каждого взвода, отделения, до каждого солдата. Во всех взводах, а где позволила обстановка — и в ротах, состоялись открытые партийно-комсомольские собрания, посвященные предстоящей атаке. Каждый боец получил конкретную боевую задачу. Выступавшие брали обязательства врага в Сталинград не пропустить. Мы готовились вступить в смертельную схватку. Но никто из нас не представлял, каким колоссальным будет объем предстоящих сражений, их жестокости и драматизма.

7 сентября. Завершался день шестого сентября. В наступивших сумерках отчетливо виднелись на фоне черного дыма, окутавшего город, то темно-красные, то белые языки пламени. К панораме гигантского городского пожара прибавились степные пожары, надвинувшиеся на Сталинград с Дона. Полыхают Воропаново, Верх-Ельшанка, Садовая. В районе Верх-Ельшанки не стихает артиллерийская канонада. По приближающимся пожарам и грохоту пушек нетрудно понять: прорвалась армада немецких танков и моторизованной пехоты. Четвертая танковая армия наступает на нашего общего соседа слева за рекой Царица. С утра до ночи идут жестокие бои. Мужественно сражается 244-я стрелковая дивизия.

У нас, на левобережье Царицы, пожаров нет, не грохочет и канонада. Стягивая полки на соприкосновение с нашей бригадой, Гартман, вопреки немецкой тактике, даже не обрисовал свой передний край осветительными ракетами. Рассчитывает на скрытность и внезапность.

В черной, непроглядной тьме стоит зловещая тишина. До сих пор воздух не очистился от дневной пыли, дыма, пороховой гари. И кажется — совершенно прекращено всякое движение, все погружено в сон, нигде не блеснет

даже огонек спички или папиросы. Но так только кажется. Идет большое перемещение на исходные позиции, укрепляется оборона, доставляются продовольствие, боеприпасы, техника. Принимают пищу бойцы. Прислушайся — и услышишь команды, окрик часового: «Стой! Кто идет? Пароль!» И опять тишина. Кое-где раздается топот сапог, скрип колес, ругань.

Вот группа наших разведчиков тащит «языка». Ввели его в штабной блиндаж. Первым допрашивает пленного переводчик молодой лейтенант Давид Фердинанд. Пленный начал было бравировать, высмеивать переводчика, вел себя как победитель. В разговор грозно вмешался начальник штаба Сазонов, и горе-победитель сник, струсил. Спасая шкуру, выдал все сведения про свой полк. Он оказался поваром. От него узнали, что завтрак он уже приготовил, а обер-лейтенант выдал шнапс на каждого солдата. Завтрак начнут в 5 часов, атака назначена на 6 часов. Ему же обер-лейтенант Курт, которому он готовил еду отдельно, на ужин подарил отменный виски. Вот его и развезло.

Старший лейтенант Дмитрий Васильевич Хлыбов рассказал, как добыли «языка»: «По этому ложку мы третий раз проходим в тыл к немцам. Разделились на две группы. В моей отлично сработали казах Изгута Айтыков и сибиряк Михаил Иванович Шестаков. Мы удачно пробрались к кухне и чуть было не запнулись вот об этого спящего верзилу. Зажали рот, связали, натянули на него мешок и понесли к себе. Когда оказались на своей стороне и попытались поставить немца на ноги, чтобы шел своим ходом, оказалось, что тот мертвецки пьян и спит, как убитый. Ну, тут Шестаков и нашел ему лекарство — раза три кольнул в зад шилом. Немец сразу проснулся, протрезвел, а поняв, в чьи руки попал, смиренно шел на поводу со связанными руками».

Результаты разведки оказались очень удачными. Их использовали при огневом налете из минометов и пушек. Стрельбу открыли за 10 минут до подъема немцев, перед началом нашей атаки. И хотя артподготовка была ограниченной из-за недостатка мин и снарядов крупных калибров, но минометный батальон Веселова-Савчинского дал плотный огонь и бил по тем местам, где завтракали немцы.

«Представьте себя на месте Гартмана, — улыбался Матвей Степанович. — Все подготовлено к большой атаке и вдруг, к началу наступления, — огневой налет, русские

И. Айтыков.

казал старшему лейтенанту Хацаве прекратить атаку и быстро отвести батальон на его прежние рубежи. Возвращен был и 3-й стрелковый батальон. Им было приказано развернуть боевые порядки для отражения возможной и внезапной контратаки противника. Минометчики продолжали вести обстрел вражеских позиций.

Итак, наша атака состоялась, немецкая же была сорвана. Мы вырвали у этого утра в пользу обороны Сталинграда целых четыре часа.

Утро было безоблачное. Солнце, как бы выйдя посмотреть на сражение, осветило обширное поле боя. На траве еще лежала роса. И резким, неправдоподобным, противоестественным контрастом этому были лежавшие на земле, на росистой траве убитые и раненые. Казалось, плачет сама сталинградская земля.

Начала активно действовать вражеская авиация. Поле боя быстро освободилось. Раненых эвакуируют, убитых уносят для захоронения. Напряженно работает командный пункт бригады. М. С. Батраков не сходит со своего наблюдательного пункта. Несколько поодаль разместился подвижной пункт связи взвода Путинцева. Начальник связи бригады майор С. Ф. Волков, командир роты В. И. Тройко, его заместитель Коваль сумели быстро и

идут в атаку первыми. Нарушен план боя, понесены непредвиденные и чувствительные потери. Надо перестраиваться, менять план, контратаковать. А это значит выяснять обстановку, звонить, терять время. Не завидую Гартману, — заключил комбриг. — Сегодня мы его в город опять не пустим».

Тем временем 2-й стрелковый батальон, используя внезапность, при поддержке артиллерийско-минометного огня, ворвался в расположение противника, нанес ему чувствительный удар. А когда паника в стане врага улеглась и он, защищаясь, открыл минометно-заградительный огонь, комбриг при-

оперативно наладить бесперебойную связь комбрига и штаба буквально со всеми командирами батальонов, дивизионов и подразделений тыла, а также со штабом армии. Однако из-за ожесточенных бомбежек с воздуха и интенсивного артиллерийско-минометного огня противника связь все время рвалась. Мужество и стойкость связистов нередко решали судьбу боя.

Воспользовавшись замешательством противника, 2-й и 3-й батальоны успели отойти и занять свои прежние позиции. Исходом боя Батраков доволен. Одно его тревожит: 120-миллиметровых мин осталось менее половины боекомплекта, такое же положение со снарядами для 76-миллиметровых пушек. Вся надежда на минометный батальон и 45-миллиметровые пушки. И он приказал все тяжелые мины и снаряды использовать только по целям и только по его приказу.

— А теперь слово за Гартманом, — многозначительно сказал Матвей Степанович.

В 9 часов немцы начали атаку. Временное затишье было нарушено страшным воем сирен, ревом моторов. Земля задрожала от разрывов бомб. Чтобы устроить наших бойцов, немцы устроили настоящий парад воздушных пиратов над всей царицинской долиной — позициями батраковцев. Они бомбили нас с утра до поздних сумерек, бомбили жестоко, яростно, нахально, безнаказанно. Фашистские летчики использовали свое превосходство в воздухе, проявляли особую изощренность, стараясь напугать нас. Вот с большой высоты летит необычная бомба — большая, продолговато-круглая, без заостренного конца. Летит, кувыркается, издает непривычный свист. Сейчас она упадет. И кажется: такая махина, взорвавшись, разнесет все вокруг, да еще сильной воздушной волной наделает бед. Бомба падает и... никакого взрыва, только хлопок. Что это? Бежим туда. А это пустая железная бочка. Вторым заходом после заправки, этот же самолет, с тем же опознавательным знаком, сбрасывает колесо от брички, которое при падении издает неистовый рев и пронзительный свист. При третьем заходе все тот же летчик посылает на землю нарезанные пластины из жести, связанные лишь в одном месте. При падении они издают не поддающийся описанию звук: треск, шум...

— Ну, что, комиссар, скажешь? — обратился М. С. Батраков к С. Н. Щапину. — Для чего такой фарс? Значит, выдыхаются немцы, если третий рейс вместо бомб игрушки берут. Вот и вчера многие самолеты летали, а бомбы

не сбрасывали, лишь только обстреливали из пулеметов да включали сирены. Это тоже о чем-то говорит.

Тем временем заработала артиллерия противника. На горизонте показались танки. Спускаясь с северных скатов Дубовой балки, они ползут на сближение с передним краем обороны 2-го батальона в сторону высоты 133,4. Местность этого рубежа открытая, лесов нет, только мелкие ложки, овраги. Танки как на ладошке. За ними вперебежку россыпью наступает пехота. Тысячи взоров устремились на это зрелище. Впереди — бой. От его исхода зависит судьба Сталинграда. Бьются тысячи горячих сердец в напряженном ожидании приказа «Огонь!»

Молчат наши пушки, минометы, пулеметы. Не ведет огонь и наступающий противник. Полукилометровая дистанция между атакующими и обороняющимися — полоса молчания. Замысел комбрига — подпустить противника поближе. Он отработан штабом бригады с комбатом Хачавой, начальником штаба Медведевым, доведен до рот и взводов. Батарее противотанковых пушек дан особый приказ: «Огонь открыть, лишь когда противник ворвется на передний край, тут его и бить прямой наводкой».

— Майор Юров, выпустить по два снаряда и две мины на каждое орудие и миномет дивизиона, бить только по целям, проверить результаты. Минбатальону Веселова быть готовым наносить удары по скоплению противника, его живой силе.

Первыми нарушили молчание наши артиллеристы батареи Перескокова и минометчики расчета Ротаева.

Командиры дивизионов Ф. Ф. Бондаренко и М. Ф. Розовик имели хорошо налаженную наблюдательную службу на переднем крае обороны. На сей раз они сами находились на своих НП, давали координаты, прицел и корректировали огонь. В результате короткий, но мощный огневой налет преградил путь танкам и пехоте, многие машины запылали, а некоторые закружились на месте. Там, где еще несколько минут назад катилась вражеская лавина, все смело мощными взрывами, заволкло столбами пыли и дыма. В ответ последовал мощный огонь противника. Обстрелу подверглись позиции 2-го и 3-го стрелковых батальонов, тылы бригады, в том числе расположения артиллерийских и минометных подразделений. Ужесточилась бомбежка с воздуха.

Все хозяйство батраковцев, от центральной пристани на Волге (у аллеи Героев) до высоты 133,4 в Дубовой балке, покрылось завесой пыли, дыма, пепла. Замолчали

наши артиллерия и минометы. Противник, интенсивно обстреляв наши боевые порядки, перенес огонь в глубь обороны.

Что творится во 2-м батальоне? Телефонная линия туда нарушена. Лишь артиллеристы держат связь по радию с наблюдательным пунктом. Там командир дивизиона Бондаренко, он изредка передает штабу бригады и комбригу самые важные сведения.

Когда среди разрывов снарядов и мин, в дымовой завесе появляются просветы, с КП штаба бригады видно, что на поле боя появляются все новые танки и катятся они к переднему краю нашей обороны. Дистанция между наступающими и обороняющимися сокращается. Именно в эти решающие минуты командир взвода связи младший лейтенант Евгений Петрович Машкевич с группой из пяти отважных связистов восстановили телефонную линию. Ее тут же оборвало снарядами. И вновь линию соединили. И так несколько раз. Двое связистов погибли, но дали возможность М. С. Батракову переговорить с комбатом Хацавой. Это был их последний разговор, так как комбата тяжело ранило. Командование 2-м батальоном принял на себя комиссар старший политрук Василий Филиппович Рылов. Управлял боем начальник штаба батальона старший лейтенант Иван Федорович Медведев. Самоотверженные действия связистов дали возможность установить боевую обстановку, принять дополнительные меры. Вновь последовал заградительный минометно-артиллерийский огонь, направленный против танков и пехоты противника. К нему добавилась стрельба из минометного батальона Веселова. На переднем крае, перебираясь от одного взвода минометчиков к другому, находился комиссар батальона Владимир Макарович Савчинский и парторг батальона Печенко. Вот когда сыграли решающую роль введенные в бой воины минометного батальона. Они внезапно для противника накрыли плотным минометным огнем его пехоту, ползущую за танками по открытой местности.

Атака противника захлебнулась. Он, оставив на поле боя сотни убитых и раненых, подбитые танки, откатился назад. Пулеметчики со своих высоток вдогонку слали ему смертоносные очереди.

Вражеская атака была сорвана, но бой продолжался, принимая все более ожесточенный характер. Вновь противник усилил обстрел наших позиций из пушек и минометов, еще свирепее и массивнее действовала его авиация.

Не делая передышки, в атаку пошли новые немецкие подразделения, нацеливаясь на участок обороны 3-го стрелкового батальона. Вновь впереди шли танки, правда, в меньшем количестве, зато поддержанные артиллерийским огнем большей плотности и пехотой.

Крутые берега реки Царицы, масса лесистых логов и холмов делали позиции 3-го батальона неприступными. Противник же наступал по открытой, ровной местности. Подпустив на близкое расстояние атакующих, заманив их на гладкое поле, воины батальона, удачно расставленные 45-миллиметровые пушки и противотанковые ружья с близкой дистанции, прямой наводкой открыли стрельбу и быстро вывели из строя четыре танка, а пулеметы, расставленные на холмах вблизи линии обороны, совместно с минометчиками и стрелками усеяли поле боя трупами, заставили немцев повернуть назад.

В этот день немцы предприняли еще две атаки на позиции 3-го батальона, пытаясь навязать бой на правом и левом флангах, но также были биты стойкостью и меткостью стрельбы батраковцев.

Развязывая бои против 3-го батальона, стараясь этим отвлечь резервные силы бригады, командование 71-й пехотной дивизии врага в это время перестраивало боевые порядки и рассчитывало достичь своей цели на главном направлении, смяв 2-й стрелковый батальон. После четвертого штурма позиций 3-го батальона немцы предприняли атаку на стыке между батальонами из поселка Опытная станция, южнее высоты 133,4. Этот стык в глубине обороны прикрывал 1-й стрелковый батальон, которым командовали П. Е. Белозеров и комиссар А. Ф. Мартынов. Противник ценой больших потерь частично продвинулся вперед и вошел в соприкосновение с 1-м батальоном, находившимся во втором эшелоне. И эта атака не достигла цели, разбившись о стойкое сопротивление батальонов Белозерова и Веселова.

В разгар боя майор Юров докладывал комбригу, что артиллеристы и минометчики доставили от Волги переправленные ночью мины и снаряды и довели их наличие до одного боекомплекта. Эти героические усилия возглавили комиссары дивизионов Келехсаев, Колупаев и Трифонов. Радостная весть тотчас была передана тому кругу людей, кто управлял боем, работникам штаба и политотдела.

Не добившись успеха в отвлекающих атаках, Гартман вновь обрушил шквальный артиллерийский огонь на по-

зиции 2-го стрелкового батальона, а затем выпустил против него до тридцати танков и свежий пехотный полк. Танки шли на быстрых скоростях, охватывая батальон с флангов и атакуя его в лоб. За ними рвалась пехота. Почти не отрываясь от бинокля, комбриг, внешне, как всегда, спокойный, ведет наблюдения, быстро принимает решения. Обращаясь к майору Н. М. Юрову, он говорит: «Распорядитесь прикрыть 2-й батальон всей мощью огня. Бить только по целям, снаряды беречь».

И вновь заработали наша артиллерия, минометы. То один, то другой танки, после точных попаданий, окутываются огнем, дымом. Плотную смертоносную завесу создают минометчики Савчинского. Правый фланг батальона, а точнее — все его позиции, прикрывает пулеметная рота старшего сержанта колыванца Петра Иосифовича Поднебеснова. В первые две атаки майор П. М. Шумило в бой ее не вводил, чтобы не демаскировать огневые точки, держал, как и пушки-сорокапятки, в резерве для критического момента боя. И этот момент настал.

Несмотря на плотный заградительный артиллерийский огонь, значительные потери, противник все яростнее атакует нашу оборонительную линию. Не выдержав отпора, вражеские цепи залегли в ста метрах от окопов 2-го батальона. Путь им преградили не умолкающие пулеметные и автоматные очереди, минометный обстрел из батальона Савчинского, огонь из противотанковых ружей.

В разгар боя на одном из холмов, поодаль от командного пункта батальона, в трехстах метрах от переднего края, на металлическом шесте, как на флагштоке, взвилось темно-красное шефское знамя Барнаула: его водрузил комиссар Василий Филиппович Рылов. Холм этот обозревался со всей линии обороны, его видно было и со всех возвышенностей Дубовой балки и реки Царицы, со всех командных и наблюдательных пунктов. Его видели и немцы.

2-й Краснознаменный батальон жив, сражается, — так с радостью отметили во всех подразделениях бригады. А вид самого знамени — дорогой реликвии, частички Алтая, Барнаула — умножил силы бойцов.

Противник же, атака которого вновь была сорвана, весь свой гнев обрушил на знамя, открыв по нему стрельбу из пулеметов, минометов, пушек. Но чтобы сбить его, требовалось прямое попадание в металлический шест. После разрыва снаряда, мины, стоит рассеяться пыли и дыму, как красное полотнище вновь проступает во всей

П. И. Денисенко.

И. М. Соцкий.

своей гордой, стойкой неприступности. Оно победно реет, оно живет, оно зовет к подвигам.

Под прикрытием дымовой завесы у переднего края 2-го батальона вновь началась концентрация свежих немецких сил. Это заметил комбриг, об этом докладывали с наблюдательных пунктов. Создался многократный перевес противника в силах. Немецкие танки прорвались к нашим окопам и принялись их утюжить. Они стремились вклиниться в глубь обороны бригады, расширить зону прорыва, посеять панику и, развив успех, ворваться в город. Вот тут-то им и преградила путь третья батарея сорокапятков, где вместе с бойцами находился комиссар дивизиона Павел Иванович Денисенко. Батарея прямой наводкой, в упор расстреливала танки врага. Шесть пылающих машин остались на поле боя, уцелевшие не посмели продолжать атаку и отошли. Вместе с сорокапятками работали и пулеметчики роты П. И. Поднебеснова. У подступов к нашим окопам они в упор расстреливали гитлеровцев, которые не подозревали о наличии пулеметной засады. Более пятидесяти немцев уничтожил только расчет пулеметчика Дмитрия Георгиевича Торшина. Жесткая рукопашная схватка шла в окопах и на подступах к

ним. В ход шло все, что было в руках, — приклад, штык, граната.

В разгар этого смертельного поединка, будучи раненым, комиссар батальона Василий Филиппович Рылов снял с шеста знамя, завернул его в чехол и отправил со связным на командный пункт в политотдел. В неоконченной записке он успел доложить: «Товарищи политотдельцы, я ранен, нас осталось 10 человек, на нас ползут танки. Знамя родного Барнаула на поругание врагу мы не отдадим. Второй батальон честно выполнил свой воинский долг перед Родиной...»

Простреленное знамя было спасено. А о последних минутах старшего политрука было сказано в политдонесении: «Смертью героя погиб военком 2 сб ст. политрук Рылов Василий Филиппович. Он лично сам руководил боем, навел железный порядок в частях в момент расстройств боевых порядков. К КП батальона прорвалась большая группа противника. Тов. Рылов собрал группу бойцов и повел их отражать натиск врага. Лично сам истребил трех немцев. После того, как отважные бойцы вышли из строя, он еще раз вернулся на КП, собрал всех связных и с горсточкой бойцов вступил в неравный бой и здесь погиб смертью героя».

В этих боях был проявлен массовый, безымянный героизм. Лишь отдельные строчки политдонесений, которые мне довелось писать в те дни, сохранили несколько имен. Сержант коммунист Комаров истребил 15 немцев, ранен в руку и голову. Снайпер коммунист Сафонов истребил 5 фашистов, довел свой снайперский боевой счет до 72 истребленных гитлеровцев, ранен в руку. Последними выходили из боя на новый рубеж секретарь партбюро старший политрук Соцкий и старший лейтенант начальник штаба коммунист Медведев. В тот день в жестоких боях погибли политрук пулеметной роты Манцов, И. М. Соцкий, комсорг батальона Ильяшевич. Всего 70 человек осталось в батальоне, включая командный состав и раненых, не ушедших с поля боя.

Противник, перешагнув рубеж 2-го батальона, продвинувшись на несколько сот метров вперед, оседлав высоту 133,4, не смог дальше развивать успех: невероятно велики были его потери. Оборону бригады прорвать он уже не смог. Было ясно: вклинившись в нашу оборону, он постарается закрепиться на захваченных позициях и станет наращивать силы для дальнейшего рывка вперед.

Вот такая обстановка сложилась 7 сентября к 16 ча-

Ф. С. Жуков.

М. А. Лебедев, помначштаба
4-го сб.

сам. Батраков хорошо понимал: оставить противника на высоте 133,4 смертельно опасно для бригады, для Сталинграда. И он решил контратаковать. Для этого ввел на поле боя свой главный резерв — 4-й стрелковый батальон под командованием старшего лейтенанта Федора Степановича Жукова. Всего неделю назад был создан этот батальон из добровольцев-моряков Беломорской флотилии, а их комбатом Жуков стал три дня назад. До этого он являлся заместителем командира 3-го батальона по строевой части. Батраков знал, что моряки — отважный, храбрый, сплоченный народ, беззаветно и горячо любящий Родину, ненавидящий ее врагов. Без страха ходили они в атаку, дружно, напористо, метко били врага. Фашисты их смертельно боялись, называли черными комиссарами. Но был у моряков весьма существенный недостаток — за неимением времени они плохо были обучены тактике пехотинцев, тактике ведения боя на земле. Они не успели отработать как следует ползание по-пластунски, действие рассыпным строем и цепью, наступление вперебежку. Все это в бою могло вызвать лишние потери. Это-то и волновало комбрига. И тяжело было ему снимать с прикрытия тылов бригады и вводить в бой этот еще не совсем обученный народ. Но обстановка вынуждала сделать это.

Комиссар бригады С. Н. Шапин и М. С. Батраков вручили мне пакет и приказали срочно доставить его комбату Жукову. В нем был приказ о контратаке. Мне поручалось провести митинг, разъяснить боевую задачу командирам и политработникам, коммунистам и комсомольцам, по лесочкам и логам незаметно провести 4-й батальон на исходный рубеж для контратаки: в противотанковый ров, недалеко от восточных скатов Дубовой балки. Размещался же батальон Жукова в двух километрах, в дубовых рощицах рядом с Царицей, у окраин города. В приказе содержалась схема сосредоточения, было указано направление главного удара — высота 133,4. Начало атаки — в 18 часов.

Командир роты связи В. И. Тройко выделил мне связного. И уже через 20 минут Жуков читал приказ. Он пригласил командиров и политработников, объяснил им задание. Подняли по тревоге бойцов, построили их на узкой поляне в лесочке. Был проведен короткий митинг, зачитан приказ, определены задачи каждого. На сборы было отведено 20 минут. Проверили оружие. Набрали с собою гранат, патронов, автоматных дисков. Выбрасывали из сумок противогазы и укладывали туда боеприпасы. Гранатами и дисками обвешивались сверх всякой меры. Лица бойцов были суровы, решительны.

Морякам-беломорцам предстоял первый бой за Сталинград. Не за тот клочок его земли с озорным названием Тоськин пупок, изрытой оврагами, окопами, блиндажами, снарядами, бомбовыми воронками, начиненной осколками металла. Позади они видели умирающий город, город легенды и русской славы. Но не только за Сталинград шло сражение. На этой земле, на этом самом главном сегодня рубеже, на этом истерзанном клочке земли решалась судьба Родины, судьба войны, судьба советского народа. Каждый моряк понимал, что этот первый бой может стать для него и последним. Плотным кольцом окружили бойцы своих политруков рот, парторгов, комиссара батальона, комсorghов. У каждого в руках — лист бумаги, а на нем просьба — перед уходом в бой принять в ряды коммунистов, в партию Ленина. Разговаривая со многими, узнаю, что эти заявления написаны за несколько дней до боя, что они хранились у каждого на правах «строго секретных» документов. У большинства в комсомольские билеты были вложены фотографии Ленина и Сталина. И вот настал момент подачи заявлений в партию. Смысл и содержание их были не стандартными, но

в каждом выражалась беззаветная любовь к Родине, к партии. Заявления были приняты. После боя они подлежали рассмотрению на собрании и в парткомиссии.

Закончились сборы. Неимоверно сложно было провести более 500 человек на исходные рубежи незамеченными с воздуха. Именно в эти часы, когда захлебнулась очередная атака противника, свирепствовала авиация врага. Поэтому комбриг установил строгий порядок движения, особенно по открытой местности. Рассредоточенный по взводно, мелкими группами, батальон скрытно выходит на определенный ему рубеж для атаки. Солнце склонялось к закату. Позиции батальону были отведены в полуоткрытой местности. Авиация противника, как мы ни береглись, обнаружила передвижение батальона, а укрыться от нее негде. Началась бомбежка с воздуха, ярость которой все нарастала.

В небольшом окопе был оборудован пункт управления боем, к нему подведены линии связи. Там и встретились майор Шумило и комбат Жуков, обсудили предстоящие действия.

Моряки рассредоточиваются мелкими группами. Все они одеты в гимнастерки цвета хаки и пилотки. Но что это? словно по команде, сбрасываются гимнастерки — и моряки оказываются в полосатых тельняшках, бескозырках и морских ремнях. Это все, что осталось у них на память о море. Привычный взгляду образ пехотинца исчез. Каждый взвод аккуратно сложил в кучу гимнастерки и пилотки.

При любой контратаке, тем более, когда она начинается не с занимаемых рубежей, а с ходу, сосредоточение для броска необходимо. И хотя у Жукова оставалось в запасе полчаса, ждать было невозможно. Над батальоном повисла армада воздушных пиратов, с переднего края вел непрерывный артобстрел противник. Появились убитые и раненые.

Оценив обстановку, комбриг приказал батальону еще больше рассредоточиться и начинать атаку. Только сближение с противником избавит от бомбежки.

И батальон стремительно пошел на сближение. По сигналу красной ракеты началась атака по фронту шириной более чем в километр. Из оврагов и лесочков раздались грозное морское «Полундра!» и «Ура!» Под грохот, визг бомб и снарядов все сильнее накатывается на вражеские окопы «По-лун-дра!», «За Родину!», «За победу!». И поле, и вся долина, по которой мчались стремительно

в атаку братишки, расцветилась бескозырками, черными ленточками, полосатыми тельняшками. Еще бросок, еще. «Полундра» не умолкает. От яростной и массивной бомбежки всю степь заволокло столбами взрывов и пыли. Стояла безветренная погода, лучи заходящего солнца окрасили степь в тревожные бурый и оранжевый цвета. И было очень заметно, как на этом фоне несется, словно морской прибой к берегу, неудержимая лавина моряков. Она уже так близка к неприятельским окопам, что прекратилась бомбежка с воздуха, затихла артиллерийская канонада.

Моряки проскочили зону смерти. Теперь «полундра» совсем рядом леденит ужасом слух залегших завоевателей. Вот смяты их первые ряды. Обезумевшие от ярости, стремительности тельняшек, хваленые немецкие вояки не устояли: они выскакивали из окопов и, повернувшись спинами к морякам, неслись подальше от места боя. Их косили автоматные очереди.

Среди полосатых тельняшек и черных бескозырок изредка появлялись люди в форме цвета хаки — командиры и политработники рот, взводов. Впереди атакующих находились командир батальона Ф. С. Жуков, командир и политрук 1-й роты Г. С. Филимонов и А. П. Золотиков.

Вспомнилось в эти минуты: когда принимали в бригаду моряков и потребовали от них заменить морскую одежду на форму пехотинцев, моряки со слезами на глазах просили оставить им их форму. Моральное состояние североморцев было настолько подавлено, что невозможно было проводить с ними политическую работу. Я доложил об этом начальнику политотдела и комбригу. Те с глубоким пониманием восприняли эту информацию и, посоветовавшись, в обход интендантских законов отдали приказ оставить всем морякам тельняшки, бескозырки и ремни с правом ношения в вещевых мешках. Когда им объявили об этом, радость и ликование моряков были неопишуты. Сразу заметно поднялся моральный дух всего личного состава. И вот сегодня, теперь этот моральный дух проявил себя. Он ошеломил не только врагов, но и нас всех, кто наблюдал за их атакой. Нет моряка без тельняшки. Тельняшка словно умножает его силы. Немцы прозвали моряков черными комиссарами. И в этом они оказались правы.

В самом деле, что такое комиссар? Это представитель партии и правительства на ответственных участках, где решается судьба Родины. С кораблей на сушу шли в пер-

вую очередь добровольцы — коммунисты и комсомольцы. Все они были полпредами партии и комсомола на поле боя. Они исполняли роль комиссаров. Одной своей морской формой, своим поведением на поле боя они наводили страх и ужас на солдат противника, а ведь те не были слабонервными. Но они не могли устоять перед тельняшками и бескозырками, перед «полундрой».

Моряки блестяще выполнили задание, штурмом овладели высотой 133,4. Всего четыре часа занимали ее немцы. А в завершение этой нелегкой контратаки гвардейские минометы «катюши» устроили впечатляющий залп по выбитому с высоты противнику. «Проиграли» его уже с наступлением темноты. Как бы предупреждая немцев, чтобы не совались впредь на город русской славы.

Высоту 133,4 штурмовала 1-я рота командира Филимонова, политрука Золотикова. Впереди атакующих шел комбат Федор Жуков. Связь с ним весь период штурма отсутствовала, как и с другими руководителями батальона. Обстановка к ночи была настолько неясной, что командование бригады было склонно считать погибшими и батальон, и его руководство. Уж очень сильна была бомбежка с воздуха.

С наступлением темноты и прекращением боевых действий в район высоты и переднего края были посланы разведрота старшего лейтенанта Д. В. Хлыбова и три группы связистов-телефонистов. Командир взвода Е. П. Машкевич первым достиг высоты 133,4, встретился с Ф. С. Жуковым и связал его с комбригом. М. С. Батраков был счастлив узнать, что Жуков жив, да еще захватил высоту. Выяснив обстановку, Матвей Степанович дал четкие указания Жукову и Трунцеву о дальнейших действиях, и в первую очередь — закрепиться на отвоеванных рубежах, использовать ночь для укрепления обороны и обеспечения себя продовольствием и боеприпасами, решить проблему с водой.

Итак, 1-я рота Г. С. Филимонова штурмом овладела высотой 133,4 и на самой ее вершине заняла немецкие окопы, добавила к ним свои укрепления, расположив их по системе круговой обороны. В роте осталось 17 отважных моряков, остальные погибли или выбыли по ранению.

Осмотревшись на местности, Жуков и Филимонов расставили свои немногочисленные силы, соорудили дополнительные огневые точки. Взвод огнеметчиков младшего лейтенанта Николая Быстрова за ночь доставил необходимое количество боеприпасов и продовольствия. Подо-

Д. Г. Горшин.

В. М. Берзин.

брали на поле боя целые автоматы, ручные пулеметы, гранаты. Недоставало лишь противотанковых ружей, их позднее доставил Иван Федорович Медведев.

Предвидя жаркий и длительный бой, решили иметь по несколько автоматов на каждого бойца. Нередко их забивало песком, в разгар же боя чистить или ремонтировать некогда. Да и перегреется один — отложи его, дай остынуть, возьми другой. Так что надежнее себя чувствуешь, когда под рукой несколько заряженных автоматов.

Жуков и Филимонов были тактически грамотными, волевыми командирами. Под стать им и политрук Золотиков. Всех трех любили моряки, полагались на них. Командиры собрали всех семнадцать бойцов, разобрались, кто что умеет делать, каким владеет оружием. Выяснилось, что не все умеют стрелять из противотанкового ружья, пользоваться противотанковой гранатой. Были созданы расчеты, распределены обязанности. Всех расставили по огненным точкам. На 17 человек было два станковых, пять ручных пулеметов. Четко определили взаимозаменяемость, условились, как прикрывать друг друга, как менять огневые позиции. Жуков поставил задачу: все должны уметь стрелять из любого вида оружия, которое имелось сейчас на высоте, держать его под рукой.

Бойцы приняли клятву комсомольской верности и дружбы: «Умрем, а взятую с боем высоту врагу не отдадим!»

И они своей стойкостью вписали в историю обороны Сталинграда яркие страницы бессмертного подвига. Вот имена всех семнадцати и их командира: Геннадий Степанович Филимонов — командир 1-й роты 4-го батальона, старший лейтенант; Алексей Павлович Золотиков — политрук роты, младший политрук; Владимир Павлович Варава — старшина роты, главстаршина; Валентин Михайлович Березин — командир взвода, старшина второй статьи; Илья Лукьянович Зинченко — командир отделения, старшина второй статьи; стрелки 1-й роты старшины второй статьи Николай Григорьевич Игнатенко, Иосиф Яковлевич Данилов, Венедикт Владимирович Борисоглебский, краснофлотцы Михаил Семенович Исаков, Василий Николаевич Балацин, Вениамин Константинович Скрозников, рядовые красноармейцы Александр Львович Кудреватый, Степан Федорович Никитин, Михаил Перфильевич Порошин, Павел Андреевич Савин, Степан Егорович Турыгин, пулеметчик краснофлотец Иван Васильевич Репин и командир 4-го стрелкового батальона Федор Степанович Жуков.

Помимо 4-го батальона, для поддержания контратаки на правом фланге были подключены пулеметный батальон Крючкова и батальон автоматчиков (комиссар старший политрук Николай Дмитриевич Штанько, имя командира мне неизвестно), созданные также из моряков. Эти батальоны базировались на восточных и северо-восточных скатах Дубовой балки. На передовой находилось по одной роте, остальные — в резерве. В момент атаки им была поставлена задача поддержать батальон Жукова, выделив по одной роте. Батраков всегда придерживал свои резервы, он знал им цену, рассчитывал потребности не одного дня.

Когда перед вечером 7 сентября в атаку пошел 4-й стрелковый батальон в тельняшках и бескозырках, действовавшая на правом фланге группа моряков (на стыке с 6-й танковой бригадой) встретила замаскированный советский танк. В нем находился лишь один молодой водитель. Все остальные члены его экипажа были ранены, в танке не осталось ни патронов, ни снарядов. Моряки упростили танкиста поддержать их атаку. Облепив танк, они устремились вперед.

Танковый десант отважных далеко оторвался от своих

и на большой скорости, внезапно, из-за лесочка, едва про-
сматриваясь в сумерках, окутанный пылью и дымом, ока-
зался в центре немецкой части, ведущей бой с жуковца-
ми. Немцы, увидя танк с моряками, решили, что прорвал-
ся большой танковый десант моряков, и в панике ринулись
наутек. Их вдогонку расстреливали моряки-автомат-
чики.

Гитлеровцам стоило больших трудов ликвидировать
панику. Опомившись, они открыли минометный огонь.
Тогда моряки, соскочив с танка, заняли круговую оборону
и продолжили бой в стане врага. Попытки немцев окру-
жить десант несли им лишь смерть. Тогда они усилили
минометный обстрел.

Танкист в тот же вечер рассказывал, что просил их
быстро сесть на танк и вернуться обратно, пока это мож-
но было сделать без труда. Они ему ответили: «Убирайся,
пока танк не пленили, и передай Родине-матери, что мор-
яки никогда назад не оглядываются и не отступают». Они
покаялись отомстить за смерть своих друзей и би-
лись до самого последнего человека.

Уже стемнело. Стрельба со стороны моряков совсем
затихла. Оставшись один, танкист развернулся и увел
танк. Рассказав об этом эпизоде встретившимся ему мор-
рякам, он отбыл в расположение своей танковой бригады.
Назавтра вновь ожесточились бои. Найти неизвестного
танкиста не удалось. Раненые моряки также были эвакуи-
рованы и не смогли назвать имена своих товарищей. Дру-
гие свидетели погибли, в том числе и комиссар Штанько.
Так и остался этот подвиг безымянным. Лишь на встречах
однопольчане вспоминают о нем. Было тех моряков девят-
надцать. Их подвигом восторгались мы все. И чувствую
себя виноватым в том, что не удалось установить до сих
пор имена героев.

Невозможно не рассказать и о подвиге комиссара Пав-
ла Ивановича Денисенко. Артиллерийский дивизион
45-миллиметровых пушек, где он был комиссаром, сокра-
щенно назывался ИПТД — истребительный противотан-
ковый. В нем было четыре батареи, в каждой — свой ко-
мандир и комиссар.

В этом дивизионе была самая высокая партийно-комсо-
мольская прослойка, в нем были и самые грамотные вои-
ны-артиллеристы. В дивизион отбирались стойкие, муже-
ственные, храбрые и преданные бойцы. В отличие от дру-
гих подразделений, его всегда направляли на передний
край, на танкоопасные участки. Никто не стоял так близ-

ко к смерти, как артиллеристы сорокапятки. Они всегда были рядом с пехотой — придавались стрелковым батальонам. Их назначение — прямой наводкой на открытой местности вести огонь по танкам противника, подвергаться их ответному огню из всех видов оружия, будучи совсем незащищенными. Зачастую после таких схваток с врагом в строю оставалось очень мало артиллеристов. Вот и прозвали солдаты этот дивизион — «прощай, жизнь». Зная все эти обстоятельства, комбриг строго требовал маскировать сорокапятки и вводить их в бой только по приказу, а его он отдавал лишь в самые критические моменты.

За 2-м стрелковым батальоном на танкоопасных местах избрала позиции и удачно замаскировалась 3-я батарея ИПТД. Три дня артиллеристы укрепляли оборону, накапливали боеприпасы.

Предвидя, что 7 сентября предстоят тяжелые бои, комиссар Денисенко ночью прибыл в батарею и к своему удивлению не обнаружил там комиссара батареи Сергеева, отлучившегося в город. Такое случалось с ним и раньше. Денисенко остался в батарее, стараясь предусмотреть все детали предстоящего боя, подготовить к нему бойцов. После жестокой бомбежки, артиллерийского и минометного обстрела появились убитые и раненые. А когда противник ворвался на позиции 2-го батальона и настал час сорокапятки, Денисенко, заменив выбывшего бойца, сам встал к орудию и вел огонь по танкам врага. Со второго выстрела запылали один немецкий танк, с пятого — второй. Другие расчеты тоже подбили две машины. В течение 12—15 минут загорелись шесть вражеских танков, подбитых артиллеристами. Остальные повернули назад.

Этот удар ошеломил противника, он не ожидал такой меткой стрельбы. Обнаружив батарею, гитлеровцы обрушили на нее мощный артиллерийско-минометный огонь, который вызвал большие потери. Собрав группу уцелевших бойцов, похоронив погибших товарищей, комиссар принял меры к эвакуации раненых. Он сам помогал нести тех, кто не мог передвигаться самостоятельно, до сборного пункта. Оттуда с двумя бойцами Денисенко появился у нас в политотделе. Перед нами стоял весь в пыли и грязи, со следами ссадин на лице, без головного убора, изнуренный и усталый человек. Здесь Денисенко узнал, что остатки 2-го батальона отводятся в тыл. А раз так, то пушки остаются на ничейной территории. Едва умыв-

шись и перекусив, Павел Иванович заторопился к оставленным орудиям. Ведь они могут попасть в руки врага, и тогда их повернут против нас. Найдя еще трех бойцов, он в темноте ушел с ними к батарее, предварительно согласовав с начальником штаба Сазоновым место ее новой установки. Всю ночь шестерка отважных, во главе с комиссаром, перекатывала своими силами четыре орудия на новые огневые позиции, перенесла на своих плечах все ящики со снарядами. Более того, по схеме, разработанной дивизионным комиссаром, пушки были расставлены, окопаны, замаскированы. И все это проделали безмерно уставшие люди в крошечной сентябрьской ночной тьме. Пять бойцов и комиссар распределили свои обязанности: наводчика, заряжающего, подносчика. Третья батарея вновь встала в строй действующих. И вновь комиссар П. И. Денисенко управлял боем, отбивая все атаки врага. Это было уже 8 сентября. Второй день не уходил с поля боя комиссар дивизиона, умножая счет подбитых немецких танков.

За мужество, храбрость во время боя и отвагу, за то, что в критическую минуту не растерялся, спас орудия, он был награжден орденом Красного Знамени. Это была первая награда в бригаде за Сталинград.

Поистине с первых же дней сражения за город на Волге героизм стал массовым, повсеместным, ежечасным.

Всю ночь до утра работала разведрота Дмитрия Васильевича Хлыбова. Бойцы все по тому же ложку пробрались в тыл противника. Они обследовали весь передний край, все поле боя и обнаружили на левом фланге от высоты 133,4, на ничейной территории, четыре 45-миллиметровых пушки, подобрали несколько пулеметов и противотанковых ружей. На переднем крае, где стоял 2-й батальон, хоронили погибших. В одном из логов разведчики обнаружили более 25 немецких танков, отбуксированных с поля боя, подбитых и сожженных. Те самые, что уютжили наши окопы. Разведчики слышали у немцев гул моторов, лязг гусениц. Не до сна было ни тем, ни другим. В темноте шла огромная работа многих тысяч людей. Они ликвидировали последствия боев уходящего дня и готовились к новой смертельной схватке, которая, возможно, уже завтра решит, кто кого.

Двенадцать атак сегодня совершили гитлеровцы. Двенадцать раз они захлебнулись в собственной крови. Дважды их контратаковали — утром и вечером — батраковцы. Выстояли, не пропустили врага в Сталинград, не дрогну-

ли. Но много дорогих жизней отдали за эту стойкость. Еще полмесяца назад ехал с ними, говорил по душам, слушал их рассказы, анекдоты, пел с ними песни, аплодировал плясунам. И вдруг за один день скольких их не стало. Легко ли?! Или тяжело раненные моряки, перед которыми выступал днем на митинге. Они геройски вели себя в бою. Сейчас их собрали в залесенном ложочке, на поляне. Многие стонут. Иные без сознания. Идет многоголосый разговор. Здесь врачи, санинструкторы и просто бойцы, назначенные для эвакуации раненых, командиры. Формируются группы: кто может — идет пешком, других укладывают на носилки. Зрелище, прямо скажем, горькое. Сформированные группы исчезают в темноте.

Возвратилась рота разведчиков Хлыбова. Она привела двух пленных.

Так закончилось 7 сентября — день массового героизма, день многих подвигов. Уже в течение трех дней дивизия Гартмана, несмотря на тяжелые потери, продолжала топтаться на месте.

Через 37 лет мы прочтем высокую оценку этому подвигу в книге маршала Н. И. Крылова «Сталинградский рубеж» (с. 91): «В руках немцев оказалась высота, давшая им на этом участке ощутимые преимущества. Вернуть высоту было трудно. Если у бригады и существовала такая возможность, то лишь до тех пор, пока враг не успел закрепиться на высоте. Батраков верил в эту возможность и не упустил ее. Расчетливо выбрав время для контратаки, он ввел в бой свой резерв — батальон под командованием старшего лейтенанта Федора Жукова.

...Дерзкая контратака удалась, высоту батальон отбил. Это само по себе являлось подвигом — моряки отбросили противника, имевшего значительный численный перевес. Но главное было впереди».

Этим «главным впереди» были десятидневные — с 8 по 17 сентября — жесточайшие бои бригады. Она приняла на себя удары 71-й дивизии, а на флангах — натиск подразделений 76-й пехотной и 24-й танковой дивизий противника.

8 сентября. В этот день с рассветом на нашем правом фланге и против нашего соседа — 6-й танковой бригады по главному шоссе Гумрак—Сталинград в атаку пошла 76-я пехотная дивизия врага. По силе ее ударов сразу было заметно, что это полнокровная дивизия, с большим количеством танков, артиллерии, минометов. Она явно намеревалась прорвать линию обороны 6-й танковой

бригады на ее стыке с 42-й бригадой, смять их. Тогда бы она могла ворваться в центр города через железнодорожный вокзал и Мамаев курган, обойти и отрезать 42-ю бригаду, расчленив боевые порядки обороняющихся частей нашей армии. Командование бригады, сопоставляя бои последних дней, обнаружило в тактике немцев своеобразный шаблон — в наступлении участвуют не все дивизии врага. «Первые два дня, — размышлял М. С. Батраков, — немцы против нас вели отвлекающие атаки, а главный удар они наносили по нашему соседу слева. Вчера главный удар был обрушен против нашей бригады, а отвлекающие удары направлялись по нашим соседям слева и справа, причем справа был занят разъезд Разгуляевка. Сегодня немцы еще более мощно атакуют нашего соседа справа, чувствуется, что это не дивизия Гартмана, а другая, более свежая часть. Следовательно, против нас будет действовать Гартман, и активно отвлекая нас от правого фланга и тем способствуя успеху наступающих».

Тем временем авиация противника, вся его огневая мощь долбили передний край танковой бригады, а заодно и наш правый фланг, огневые позиции и тылы бригады. Широким фронтом пошли в атаку танки и пехота врага. Их принял наш сосед справа. Тогда часть танков повернула на наш передний край против пулеметного батальона И. И. Крючкова и 272-го полка НКВД. Вслед за этим начался яростный артиллерийский обстрел всего переднего края обороны бригады, а затем обрушилась новая волна атак — лобовых и фланговых. В этот день 71-я дивизия Гартмана шесть раз атаковала нас, стремясь к высоте 133,4. И все шесть раз разбивались ее атаки о стойкое сопротивление отважных моряков батальона Жукова. Два раза наступали немцы на 3-й стрелковый батальон и оба раза поворачивали назад. Три раза с танками бросалась 76-я пехотная дивизия на батальон пулеметчиков и 272-й полк НКВД и неизменно откатывалась назад, оставляя на поле боя подбитые танки, сотни убитых и раненых.

Передо мной копии наградных листов, полученные из Архива Министерства обороны СССР. Их восемнадцать. Это награды восемнадцати отважным морякам, отличившимся 8 сентября 1942 года. В наградных листах говорится: «8 сентября 1942 года во время ожесточенного боя в окрестностях Сталинграда на участок обороны, занятый группой из 17 человек, противник повел ожесточенное наступление силой до двух батальонов при поддержке тан-

ков. В течение дня противник предпринял 6 атак. Все атаки, благодаря стойкости и мужеству 17 бойцов, были отбиты с большими для противника потерями.

Товарищ Г. С. Филимонов, участвуя в отражении атак, проявив мужество и отвагу, лично уничтожил 20 фашистов. Личным примером воодушевлял бойцов на отражение атак противника. Представлялся к ордену Красной Звезды — награжден медалью «За отвагу».

Товарищ А. П. Золотиков, участвуя в отражении атак, проявив мужество и отвагу, лично уничтожил 22 фашиста, личным примером воодушевлял бойцов на отражение атак противника. Представлялся к ордену Красной Звезды — награжден медалью «За отвагу».

В наградных листах сообщается, что по 15 фашистов уничтожили А. Л. Кудреватый, И. Л. Зинченко, В. М. Березин, В. П. Варава, С. Е. Турыгин, П. А. Савин. Они награждены медалями «За отвагу». Старшина В. В. Борисоглебский со своим противотанковым ружьем подпускал танки на расстояние 50—80 метров и открывал по ним огонь. В результате проявленной выдержки и мужества Борисоглебский огнем из ПТР подбил три танка противника. Награжден орденом Красного Знамени.

Рядовой В. Н. Балацин подпустил танки противника на близкое расстояние и несколькими выстрелами из ПТР вывел из строя два танка противника, чем содействовал отражению вражеской атаки. Награжден орденом Красной Звезды. Остальные семь человек уничтожили по 10—12 гитлеровцев и были награждены медалями «За отвагу». Такую же награду получил командир батальона Ф. С. Жуков. Так завершился второй день битвы за высоту 133,4, день легендарного подвига 17 краснофлотцев-батраковцев. Впереди у них было еще девять дней героических подвигов.

9 сентября в политдонесении о событиях последних дней рассказывалось: «Доношу о том, что 42-я осбр. перешла к обороне и третий день непрерывно ведет тяжелые оборонительные бои с наступающим противником, прочно удерживая рубеж обороны в северо-восточном направлении от реки Царица до участка больницы. Линия обороны проходит у отметки 133,4, участок № 5. Авиация противника два дня непрерывно бомбила наши части. Противник яростно наступает, стремится вклиниться в нашу оборону. Его многократные атаки, предпринимаемые то в одном, то в другом месте, стойко отбивают наши подразделения, нанося ему серьезный урон».

Ценой огромных потерь, многократных яростных атак противнику силами 76-й пехотной дивизии удалось лишь частично потеснить 6-ю танковую бригаду и овладеть пригородной детской больницей с немногими деревянными домами. А на левом фланге, где сражалась 244-я стрелковая дивизия, противнику удалось захватить высоту 147,5. Эти обстоятельства поставили 42-ю бригаду в невыгодное положение. Ее фронт теперь удлинился на один километр. Потребовалось обеспечивать свою безопасность справа, частично развернуться фронтом на север, создавать и укреплять новый рубеж обороны. И все это делать, принимая на себя новые атаки врага. Причем локтевая связь с 6-й танковой бригадой была нарушена и практически больше не восстанавливалась, так как та находилась в критическом положении, была обескровлена, ее прикрывали другие части, а через несколько дней ее остатки были отведены для пополнения.

Захват немцами больницы поставил под угрозу огневые позиции дивизиона 76-миллиметровых пушек, минометного дивизиона, тылы бригады. Потребовались дополнительные силы, чтобы обезопасить себя справа. В последующие дни в ежедневных оперативных сводках 62-й армии будет употребляться одна и та же фраза: «42-я бригада ведет бои с противником на прежних рубежах, обеспечивая себя справа». Это значило, что ее позиции оставались неприступными для врага. И достигалось это невиданной стойкостью, непоколебимым мужеством, беспримерным героизмом.

Сложившаяся к вечеру 8 сентября на нашем участке фронта обстановка оставалась неизменной до утра 13 сентября.

9 сентября. Ярость немецких атак не стихала. Четыре раза штурмовали враги высоту 133,4 — танками и пехотой, и каждый раз были биты мощным огнем артиллерийского дивизиона Бондаренко и минометного дивизиона Розовика. Вдохновленные подмогой, семнадцать отважных моряков довершали разгром атакующих.

Западнее кладбища, недалеко от НП артиллеристов и минометчиков, гитлеровцы силами подразделений 76-й пехотной дивизии предприняли тоже четыре яростных атаки с танками против 272-го полка НКВД и пулеметного батальона. И здесь славно поработали артиллеристы и минометчики. Еще две вражеских атаки отбил 3-й стрелковый батальон. В этот день бригада вновь стойко выдержала и сорвала десять атак противника.

В политдонесении за 10 сентября формулировка несколько изменилась: «Бригада продолжает вести оборонительные бои с противником, ярость наступления которого сбита стойким сопротивлением наших частей. Сейчас он проявляет слабую активность своего наступления. Линия обороны осталась та же, что была на первый день». В политдонесении за 11 и 12 сентября аналогичный текст: «В течение дня 11 сентября противник наступления не вел, происходила ружейно-пулеметная перестрелка, велся артиллерийский и минометный огонь по скоплениям пехоты и танкам противника. Сегодня противник предпринял атаку на 3-й стрелковый батальон, которая была отбита».

После предшествующих пятидневных яростных атак на всем нашем участке фронта наступило некоторое затишье. Оно продолжалось три дня. Лишь наш сосед слева — 244-я стрелковая дивизия вела тяжелые кровопролитные бои. Трудно приходилось и 35-й гвардейской дивизии, замыкавшей левый фланг армии. Командующий армией генерал Крылов приказал 11 сентября оказать помощь 244-й дивизии, передать 1-й стрелковый батальон в ее подчинение. В ночь на 12 сентября батальон Петра Ефимовича Белозерова вошел в состав 911-го стрелкового полка и находился там до 17 сентября. Это была крепкая поддержка 244-й дивизии, но передача батальона ослабила боевую мощь бригады.

В эти три дня относительного затишья батраковцы продолжали совершенствоваться и укреплять свою оборону, накапливали боеприпасы, проводили различные организационные мероприятия.

В этот период нам удалось наконец побывать в подразделениях и в относительно спокойной обстановке поговорить с комиссарами, командирами, рядовыми и зафиксировать факты массового героизма воинов бригады, собрать политдонесения. Так, 10 сентября мы впервые описали подвиг моряков на высоте 133,4.

Прошли годы. О подвиге семнадцати только мне известно более двадцати публикаций — в книгах, журналах, газетах. Уж больно он типичен для Сталинграда тех дней и месяцев. Подобные подвиги совершали многие стоявшие насмерть в этой битве воины всех частей и соединений. Для нас, батраковцев, этот подвиг — не из ряда вон выходящий случай. Это концентрированное выражение подвига всей бригады.

ПРАВЫЙ ФЛАНГ

До 7 сентября оборону правого фланга держал 2-й стрелковый батальон. На северных скатах Дубовой балки он был соседом 6-й танковой бригады. Левым флангом батальона являлась высота 133,4. Его позиции надежно прикрывали батарея сорокапятков и пулеметная рота Поднебеснова из пулеметного батальона Крючкова. Остальные две роты пулеметного батальона и рота ПТР находились в резерве командира бригады, он их берег для самых трудных боев. Однако располагался этот резерв на восточных скатах Дубовой балки, был как бы вторым эшелоном с развернутыми боевыми порядками, способными вести дальний обстрел обозреваемого противника на обоих флангах. Все пулеметы являлись действующими огневыми точками.

Благодаря продуманным мерам правый фланг бригады стал неприступным для врага. Когда 76-я пехотная дивизия противника овладела больницей, правый фланг вошел в соприкосновение с нею, развернул свои боевые порядки на север совместно с остатками сводного полка, приданного бригаде. Весь правый фланг стал считаться хозяйством И. И. Крючкова — пулеметного батальона. За пять первых дней боев счет убитых бойцами пулеметного батальона гитлеровцев превысил тысячу.

Пулеметный батальон родился за пять дней до первых сталинградских боев и растаял за 25 дней великого сражения. Описать его подвиг было некому — ни во время боев, ни по их окончании, а теперь — тем более. Лишь скупые строчки политдонесений сохранили для нас отдельные героические дела этого батальона, где слилась воедино отвага сибиряков и моряков.

В политдонесении за 10 сентября говорится: «По содействию с батальоном моряков прочно держит оборону пулеметный батальон, тоже из моряков, и героически истребляет врага. Расчет противотанкового ружья сержанта коммуниста Бондаренко сбил вражеский бомбардировщик Ю-88, самолет загорелся и сразу же рухнул. Комсомолец пулеметчик Чурсин (краснофлотец) пулеметным огнем в смотровую щель танка уничтожил экипаж, а потом бронбойщики сожгли этот танк. Пулеметным огнем он отразил также атаку роты автоматчиков, половина которых нашла себе верную смерть. Комсомолец пулеметчик Рябов-Демидов Сергей Дмитриевич гранатой уничтожил броневик, а вместе с младшим сержантом Рындиным Ни-

колаем Афанасьевичем уничтожили из пулемета до 50 фашистов, тем самым обратили в бегство две роты автоматчиков. Пулеметчики сержант Герасимов Федор Алексеевич и младший сержант комсомолец Харламов Андрей Петрович истребили 60 фашистов из наступающей роты противника, остальные обратились в бегство».

В политдонесении за 11 и 12 сентября читаем: «Воодушевленный приказом № 5, весь личный состав горит одним стремлением — истребить ненавистного врага, не пустить к стенам Сталинграда. Несмотря на яростные атаки, противнику не удалось потеснить нас. Красноармеец наблюдатель-пулеметчик Шешуков Александр Васильевич, беспартийный, рождения 1913 года, русский, житель Вологодской области, подобрал на поле боя противотанковое ружье и держит у своего пулемета. Он прекрасно овладел им и на поле боя за три дня — 9, 10, 11 сентября — уничтожил три танка противника.

Сержант пулеметчик комсомолец Ленков выпустил из пулемета 50 бронебойных зажигательных патронов и поджег вражеский самолет Ю-88, бомбивший наши позиции. Стервятник загорелся и рухнул.

Командир пулеметного взвода мл. лейтенант член ВКП(б) Новичков Семен Пименович отважно действует в бою. Умело выбирает огневые позиции. В разгар боя выбыло из строя три пулемета. Новичков на ходу сумел организовать замену деталей и отремонтировать два пулемета, они снова начали отражать атаку противника».

Приказом командующего 62-й армией Чуйкова 28 сентября награждены медалью «За отвагу» младший лейтенант Семен Пименович Новичков, командир взвода, и краснофлотец Иван Петрович Окомелков, пулеметчик пулеметного батальона. А 30 октября 1942 года медали «За отвагу» удостоен краснофлотец Андрей Иванович Усачев, стрелок пулеметной роты.

За скупыми строками политдонесений остался нераскрытым и нерассказанным героический подвиг пулеметного батальона — лидера обороны правого фланга бригады.

Лишь отдельными воспоминаниями можно было бы дополнить летопись сражения тех сентябрьских дней, но теперь и это сделать некому. Лишь два раза тогда мне удалось побывать в этом батальоне и дважды описать в политдонесениях отважные дела пулеметчиков. Я и до сих пор считаю их солдатами роты ПТР. Именно сюда, на сталинградскую землю, они перенесли славные боевые

традиции роты противотанковых ружей. Вновь земля, которую они защищали, давала врагу суровый отпор. Я помню белокурого красавца — высокого, стройного сержанта коммуниста Бондаренко. Всего лишь один патрон ПТР потребовался ему, чтобы сбить пикировавший на позиции бомбардировщик. Экипажи этих чудовищ распоясались, летали низко, наводили страх. Бондаренко не стал прятаться в щель, а избрал старый прием роты: подвесил на сук дерева противотанковое ружье и ударил из него в лоб налетавшему бомбардировщику. Тот рухнул. На второй день такой же подвиг совершил комсомолец Ленков. А двумя днями раньше красноармеец минометного дивизиона коммунист Андрей Михайлович Гнедой выстрелами из винтовки бронебойно-зажигательными пулями сбил Юнкерс-88, пикировавший на их батарею.

Три дня подряд бригада уничтожала вражеские самолеты выстрелами с земли. Это заставило немцев летать выше и бомбить с больших высот, что значительно снижало эффективность их огня.

В пулеметном батальоне последний раз я был вместе с секретарем партийной комиссии Марком Иосифовичем Каштаном утром 12 сентября. Провели заседание партийной комиссии, на котором оформили прием в партию отличившихся воинов. Затем состоялось совещание с руководством и активом батальона. Главная тема разговора — обстановка на Сталинградском фронте и наши задачи. Таких совещаний за все время боев бригады удалось провести не более двух-трех в масштабе батальона. Общебригадных не было ни одного. Запомнилось принципиальное, критическое выступление командира роты П. И. Поднебеснова в адрес командования батальона, которое недостаточно четко организовало работу по обеспечению боеприпасами и продовольствием. На нем выступил с обменом опытом по ремонту и восстановлению выбывшей из строя техники Семен Пименович Новичков. По возрасту он был самый старший и почтенный человек лет сорока пяти. Он сражался еще под Перекопом в годы гражданской войны, его все уважали за добрый, отзывчивый характер, находчивость и звали просто дядя Семен. Был он широкоплечий, среднего роста, с круглым, темным лицом, на котором часто появлялась добрая, сердечная улыбка. Он был добрым, но и требовательным ко всем, замечательным наставником, мудрым советчиком.

На совещании Семен Пименович показал присутствующим маленький сверток с набором инструментов: отверт-

ка, молоток, нож, разводной ключ, плоскогубцы, наждачная бумага... Его он носит с собою в вещевом мешке. В любом бою выходит из строя техника. Во время жестоких боев 7 и 8 сентября, например, во взводе Новичкова были повреждены три пулемета. А во время стрельбы в бою пулеметы настолько перегревались, что в них невозможно было вставить новую ленту. Портились и отдельные части пулемета. Такое же положение было во всех взводах роты. А враг наседал, нужно стрелять. Как быть? Вот тут-то и пригодились инструменты Новичкова — из трех поврежденных пулеметов удалось собрать два действующих.

12 сентября. Относительное спокойствие на участке бригады сменялось отвлекающими атаками противника. Был атакован 3-й стрелковый батальон на реке Царица. Враг был отбит с большими для него потерями. Весь день то тут, то там шла ружейно-пулеметная перестрелка.

А на левом фланге от Царицы до Купоросного ведут тяжелые кровопролитные бои наши соседи — 244-я стрелковая и 35-я гвардейская стрелковая дивизии, в центре — 10-я стрелковая бригада.

Южная ударная группировка врага начала новый мощный натиск. Наш 1-й стрелковый батальон, вошедший в подчинение 911-го стрелкового полка 244-й дивизии, сегодня сражается с танками и пехотой противника в районе Дар-горы за Царицей.

13 сентября. Началось новое немецкое наступление. Его повели три пехотные дивизии — 71-я, 76-я и 295-я, мощно усиленные авиацией, танками, артиллерией. Они рвались смять наши боевые порядки, овладеть Мамаевым курганом и вокзалом в центре города. 71-я пехотная дивизия Гартмана противостояла 42-й бригаде. На нашем левом фланге продолжались ожесточенные бои, там вторые сутки сражался 1-й стрелковый батальон.

К вечеру немцы многократно превосходящими силами потеснили на нашем правом фланге 6-ю танковую бригаду и заняли аэродромный поселок. На левом фланге, который держала 244-я стрелковая дивизия, противник овладел МТС. «В результате этого, — писал Н. И. Крылов, — бригаде полковника Батракова, удерживавшей свои позиции на левом крыле центрального участка, пришлось частично развернуться фронтом на север».

13 сентября произошел любопытный случай, чуть не

окончившийся трагедией. Утром, когда немцы еще не угрожали артдивизиону 76-миллиметровых пушек, комиссар батареи собрал взвод в подвал здания на политинформацию. Рассказал о положении на нашем участке фронта, призвал людей к мужеству, стойкости и бдительности. После этих слов, словно по иронии судьбы, как гром, прогремела команда Шмакова: «Тревога! Взвод, к бою!» Все повскакали, ринулись на свои боевые места. На батарею просочилась группа немецких автоматчиков — до 25 человек. Шмаков подбежал к первой пушке, развернул ее в сторону немцев и в упор выстрелил по ним. Оставшиеся в живых гитлеровцы бросились врассыпную, их одного за другим настигали выстрелы. Непрошенные гости навсегда остались лежать в сталинградской земле.

Уже за Волгой мы расспросили Шмакова, как это произошло, как он смог заметить группу гитлеровцев. Он рассказал: «Если бы комиссар не призвал к бдительности, я бы в эту минуту не проявил ее. Я находился у двери, откуда обзоревалась вся батарея. Вижу, у развилки, у дома, сосредоточилась группа чужаков. Да это же немцы! Автоматчики! И слово комиссара «бдительность», словно выстрел, побудило к действию».

Так помогли вовремя сказанные слова комиссара. Призыв к бдительности был подкреплён делом. Таким наглядным оказался урок политграмоты.

14 сентября. О фронтовой обстановке того дня в Сталинграде читаем в «Сталинградском рубеже» Н. И. Крылова: «В 3.30 на центральном участке фронта, справа от нас, войска 62-й армии перешли в контратаку после мощной артподготовки. 42-й бригаде Батракова предстояло действовать контратаке с фланга». Целью контратаки командарм В. И. Чуйков считал сорвать предстоящее утреннее наступление немцев, хотя бы на несколько часов. И хотя контратака захлебнулась, ее цель была частично достигнута. До 12 часов дня противник не наступал, перестраивался. Лишь после полудня начался общий штурм центра Сталинграда.

И дальше у Н. И. Крылова: «Фашистское командование двинуло на прорыв к Волге мощные группировки пехоты и танков, сосредоточенных на нешироких участках в центре и за Царицей. Прокладывая себе путь бомбовыми ударами, наносимыми сотнями самолетов, и огнем не меньше чем тысячи орудий, враг, уверившийся, должно быть, что теперь-то уж цель близка, полез, как говорится, напролом.

Четырнадцатое сентября стало днем, когда битва за Сталинград перенеслась на улицы города».

К вечеру гитлеровцы ворвались на Мамаев курган и на железнодорожный вокзал Сталинград-1, недалеко от центральной пристани захватили дома специалистов. На нашем левом фланге гитлеровцы вошли в Купоросное, врезались в кварталы пригорода Минина.

В этот день 42-я бригада оказалась перед фактом окружения. Она ожесточенно сражалась с противником на всех участках, и особенно на правом фланге. Второй день наши артиллеристы дивизиона Бондаренко и минометчики дивизиона Розовика вели тяжелые оборонительные бои против гитлеровцев, штурмующих центр города. Для прикрытия своих позиций с ПТР, автоматами, пулеметами залегли минометчики и артиллеристы. Своеобразными волнами наступали гитлеровцы. Их в упор расстреливали из пушек и минометов. Заняв круговую оборону, артиллеристы и минометчики не подпустили врага даже на близкое расстояние.

Весь день бригада выдерживала сокрушительный натиск атакующей в лоб и с флангов дивизии Гартмана. Атаки были жестокие, яростные, превосходящими силами, но не могли пробить брешь в обороне бригады, не могли сдвинуть ее ни на пядь. И так в течение десяти дней! Лишь самому Гартману известно, какие потери понесла его дивизия, сколько было искорежено танков. Можно представить, сколько упреков выслушал этот немецкий генерал за топтание на месте.

В этот день сменился КП штаба армии: с Мамаева кургана он был перенесен в подземелье. И посланный искать его связной бригады с политдонесением, видимо, погиб, так как отправленные с ним бумаги в штаб так и не попали, сам он не вернулся.

Прорвавшийся на других участках в центр города противник захватывал все новые кварталы Сталинграда. Наша 42-я бригада была для него болезненной занозой на пути к городу. И он старался охватить бригаду с флангов, окружить и уничтожить. Командование 62-й армии срочно, ночью, приказало снять с позиций минометчиков и артиллеристов и переправить их за Волгу, так как они двое суток вели бои без прикрытия пехотой. Им угрожал неминуемый разгром и пленение. Операцией по эвакуации руководил генерал Пожарский (начальник артиллерии 62-й армии) и майор Юров. Дивизионы были подняты по тревоге и в ночь переправились за Волгу. И хотя бригада

оказалась без такого надежного огневого заслона, комбриг и посейчас считает, что эта мера, предпринятая генералом Пожарским, была необходимой и своевременной.

ЧЕСТЬ СОЛДАТСКАЯ

В ночь на 14 сентября, согласовав по телефону с командиром дивизиона Бондаренко все детали отправки батареи в помощь 35-й гвардейской дивизии, майор Юров с группой работников штаба и политотдела скрылись в ночной мгле. Их путь лежал на огневые позиции артдивизиона 76-миллиметровых пушек.

Бондаренко доложил, что вторая батарея старшего лейтенанта Михаила Павловича Казаковцева заканчивает сборы и скоро будет готова выехать на выполнение боевого задания. Перед отправкой провели краткий митинг. Командир и комиссар дивизиона объяснили артиллеристам, что 35-я гвардейская дивизия вот уже несколько дней, истекая кровью, ведет ожесточенные бои с танками и пехотой противника, делает неприступным наш левый фланг, не пускает немцев в центр Сталинграда. Священный долг и честь солдатская — помочь соседу в бою.

— Преданности и стойкости нам не занимать, боевое задание будет выполнено! — заверили воины батареи.

Командир дивизиона в деталях проинструктировал бойцов, как проехать на новые позиции, провезти орудия и боеприпасы в ночной мгле. Этот маршрут был знаком — ведь всего десяток дней назад по нему провезли пушкарни свое хозяйство в Верх-Ельшанку и обратно. Только теперь маршрут удлинился на 4—5 километров. Лошади в батарее всегда были сытые, крепкие. «Накорми лошадь, а уж потом ешь сам» — таким был неписанный закон у артиллеристов и кавалеристов. У Казаковцева этот порядок соблюдался строго.

Старший по батарее младший лейтенант Т. А. Дронов, обеспечивая батарею боепитанием, часто бывал в городе, знал каждый ложок, холмик на этом пути, подъемы и спуски. Поэтому М. П. Казаковцев поручил ему возглавить колонну, на себя же взял роль замыкающего. Несколько впереди ехали разведчики. У тоннеля, уходившего под железнодорожное полотно, их нагнал командир дивизиона Ф. Ф. Бондаренко — он был на лошади. Выбрались на улицу Пушкинскую, затем по мосту через Царицу направились к Ельшанке. Дорога была мощеная, удоб-

ная. Теперь впереди колонны находился командир, по бокам — комиссар и комбат. После жаркого солнечного дня, когда воздух был насыщен пылью, гарью, особенно приятной показалась ночная прохлада. С Волги дул влажный ветер. К полуночи стихли звуки боя, прекратилась бомбежка.

У КП армии на Пушкинской артиллеристов остановил патруль: «Кто? Откуда? Куда?» — «Едем на передовую». — «Бросьте заливать, с передовой драпаете!» — «Мы выполняем важное задание Пожарского». К счастью, в это время подошел сам генерал Пожарский. Узнав, что это батраковцы, он обрадовался: «Молодцы, благодарю за оперативность! На проспекте свернете вправо через Царицу, по главной улице одна дорога. Через речку Ельшанку не переезжайте. Вас встретят».

Генерал Пожарский не раз бывал на огневых позициях дивизиона. И тут в темноте он узнал: «Да это, кажется, сам Бондаренко? Ну, как настроение — стоять на смерть?» — «Бить гадов по-сибирски!» — «За понимание задачи — спасибо. Действуйте! Успею — перед светом побываю у вас. Вы, Федор Федорович, там не задерживайтесь. У вас обстановка сложная. Сегодня будем эвакуировать вас за Волгу. День продержитесь, к ночи, наверное, переедем. Снаряды есть?» — «Остался один боекомплект». — «Маловато. Ну, двигайте».

Не слышно артиллерийской стрельбы, ружейно-пуле-метного треска. Тишина, лишь нарушаемая цоканьем копыт, грохотом колес, разговором, окриками. Ехали-то по своим тылам, в темноте, так что не таились.

Казачковцев тревожился: как встретиться с дивизией, не попасть в лапы к гитлеровцам, как успеть расставить и замаскировать огневые точки?

У въезда в Ельшанку батарею встретили три представителя 35-й дивизии. Они и проводили на позиции, которые подобрало командование дивизии. Батарея расположилась в районе элеватора, что стоял на берегу Волги. Разместив ее, отдав необходимые распоряжения, Ф. Ф. Бондаренко вернулся в свой дивизион, условившись о связи — с помощью рации и связного.

До рассвета оставалось более четырех часов. Быстро окопались, установили пушки, замаскировались, выставили часовых. Поодаль, на горке, откуда хорошо были видны Минино, Ельшанка и Купоросное, оборудовали наблюдательный пункт. Попеременно там находились то Казаковцев, то Дронов. Некоторым удалось подремать.

К рассвету все были на отведенных местах. Позавтракали. Комиссар Николай Иванович Моисеев и командир батареи Казаковцев провели собрание с артиллеристами. Рассказали о положении на участке, который они заняли: сюда рвется армада немецких танков, оборона здесь держится только за счет заволжской артиллерии и «катюш» — они открывают огонь по противнику с пяти часов утра и ведут его весь день. Батарея вступит в бой только по сигналу командира дивизии в самую критическую, трудную минуту. Позиции ее очень уязвимы: если вражеская авиация обнаружит — тут же уничтожит.

В лесах за Волгой тем временем накапливались все новые артполки, дивизионы гвардейских минометов. Там безраздельно господствовал «бог войны». Артиллеристы получали заявки по радио от частей, находившихся на сталинградском берегу, и оказывали им огневую поддержку. Сами же они были неуязвимы для противника, хорошо снабжались боеприпасами.

С рассветом батарея Казаковцева была готова к бою. Артиллеристы внимательно изучали новую для них панораму. Недалеко от огневых позиций, под горкой, простирался естественный ров, через него был перекинут высокий мост. Казаковцев с комиссаром Моисеевым и Дроновым как бы вели пристрелку своих орудий по окружающей местности.

В воздухе загудели вражеские самолеты. Загрохотала артиллерия. Выпустили свой заряд «катюши». Время ночной передышки кончилось.

Дивизия Дубянского вела многодневные тяжелые бои, понесла большие потери. Она держала четырехкилометровую полосу обороны. Бойцов объединяли в группы сопротивления, иногда до взвода, насыщали их всеми средствами борьбы, расставляли одну от другой в 150—200 метрах — и четырехкилометровый участок был надежно прикрыт.

Используя порывистый попутный ветер, гитлеровцы подожгли Минино и Ельшанку, где преобладали деревянные строения. Начался сильный пожар. Огонь и дым достигли позиций гвардейцев Дубянского, те вынуждены были отойти в безопасное место. Под прикрытием этого пожара немцы начали свою массированную атаку на правом фланге 35-й дивизии и против 244-й.

Ожесточенный бой длился весь день. В этих сложных условиях получить сигналы, заявки, приказы было не от кого. Казаковцев, поняв это, стал действовать самостоя-

тельно. Настал час, когда немцы прорвали оборону на правом фланге, в узкий проход устремились фашистские танки. Их было более трех десятков. Чувствуя себя в безопасности, они ползли на близком расстоянии друг от друга. И держали путь прямо на батарею. Вот до передней машины осталось около полутора километров. Следом за танками во весь рост цепью шли гитлеровцы. Вот-вот они разойдутся в разные стороны и тогда их труднее будет уничтожить.

Холмистая гряда, спускавшаяся к Волге, прикрыла батарею от немцев. Вражеская авиация бомбила 244-ю дивизию, 42-ю бригаду, центр города.

— Ну, что, рискнем, братцы? — обратился Казаковцев к артиллеристам и скомандовал: — Батарея, по скоплению немецких танков и пехоте — огонь!

Расчет был точным, снаряды ложились прямо в цель. Вот подбиты головные танки. Другие пытаются прорваться вперед, уйти на фланги. Но меткий огонь батареи Казаковцева поражает один танк за другим. Застигнутые врасплох, попав под губительный огонь отважной батареи, гитлеровцы не смогли ей ничем ответить и повернули назад, оставив подбитые и горящие машины, убитых и раненых.

Атака противника была сорвана. Разгром ее довершили гвардейцы Дубянского.

Казаковцев понимал, что гитлеровцы не простят батареям срыв их атаки и приказал быстрее замаскировать орудия, склады, окопы, а бойцам рассредоточиться и поглубже спрятаться в землю. Сам же остался на своем наблюдательном пункте, тщательно замаскировав его. С ним находились комиссар Моисеев и старший лейтенант Дронов. Посоветовавшись, что делать дальше, Казаковцев приказал и им уйти в надежные укрытия.

Над батареей сгущались тучи: появились немецкие самолеты, выскивая батарею, открыв массированную бомбежку. Начался интенсивный артобстрел. Побросав вслепую бомбы по всему району, самолеты ушли на заправку. Стихла и артиллерийская стрельба. Казаковцев осмотрел батарею. Появилось много бомбовых воронок. В одной из них на боку лежала пушка. Ее уже осматривал Дронов. Около Моисеева хлопотал санинструктор: он разрезал ему сапог — комиссар был ранен в ногу ниже колена. «Кости целы?» — «Целы, товарищ командир батареи! Икры и сухожилия повреждены, сильно кровоточат». Перевязали ногу жгутом и бинтами. Моисеев попробовал встать, опи-

раясь на палку, и снова опустился на землю. Казаковцев посоветовал ему отлежаться, остановить кровотечение. Моисеев, раздосадованный, прилег. Они с командиром батареи взаимно уважали и хорошо дополняли друг друга, комиссара любили в батарее и в дивизионе. Осмотрев батарею вместе с Дроновым, Казаковцев расстроился: есть убитые и раненые. Десять человек тут же эвакуировали, тяжело раненных сопровождали тоже раненые. Некоторые, сославшись на остающегося комиссара, отказались покинуть позиции. Убитыми оказались лошади одного расчета. Подсчитав потери, перераспределили обязанности.

Использував кратковременное затишье, немцы вновь обрушили огонь на 35-ю дивизию. Опять пошли в атаку танки с пехотой. Только на сей раз они были осторожнее — шли с интервалами, рассредоточились по фронту и в глубину.

— Подпустить поближе и расстрелять! — скомандовал Казаковцев.

Одно орудие — старшего сержанта Мальнева и наводчика Маньковского — выкатили на прямую наводку и замаскировали, используя щель блиндажа. В блиндаж упрятали снаряды, бойцов. Объяснив боевую задачу, командир батареи подал команду:

— Огонь по танкам, одному орудию бить шрапнелью по пехоте, бить бегло, часто! Батарея, огонь! Огонь!

И начался беглый ураганный огонь по наступающим. И вновь замешательство в стане врага. И вновь батарея вне поля зрения вражеской авиации. А пока противник спохватился, Мальнев и Маньковский подбили прямой наводкой два головных танка. Не было спасения от шрапнели пехотинцам. Помог удар заволжских батарей.

Немцы откатились, но ненадолго. Стоило авиации пробомбить весь передний край обороны и огневые позиции батареи, как гитлеровцы вновь устремились в атаку. И вновь заработала батарея Казаковцева. Прямым попаданием на наблюдательный пункт немецкий снаряд сразил насмерть героя обороны, отважного командира батареи старшего лейтенанта коммуниста с Алтая Михаила Павловича Казаковцева. Он упал на обожженную сталинградскую землю и обильно пропитал ее своей кровью.

Меж тем накал вражеской атаки нарастал.

— Батарея, слушай мою команду! — прозвучал властный голос комиссара Моисеева. Теперь он занял место Казаковцева. Руководил боем, корректировал огонь.

Небольшая горсточка батарейцев продолжала таять. Дронов успевал наводить орудие, стрелять из уцелевших пушек. Ему помогали раненые бойцы: они подносили снаряды и заряжали. Неуловимыми для врага оказались Мальнев и Маньковский. Своим метким огнем они в упор, прямой наводкой поражали танки, в хвост вражеским машинам били другие пушки.

Но вот ранен в правую руку Дронов. Заметив это, комиссар быстро приказал: «Дронов, на НП! Управляй боем, корректируй огонь!» А сам скатился вниз и начал вести огонь по атакующим, переползая на одной ноге от пушки к пушке. Он наводил прицел, стрелял и тут же быстро полз к другой пушке. Выстрел из нее — и к следующей. Бойцы, кто мог, подносили снаряды и заряжали пушки.

Разъяренный противник обрушил на батарею Казаковцева всю мощь своего огня, а она все стреляла и стреляла. Выдохлись атакующие — очень многих уничтожили шрапнельные снаряды. Остальных добивали гвардейцы 35-й дивизии. К концу дня они восстановили свои рубежи, утраченные во время пожара.

К вечеру на батарее не осталось ни одного человека без ран. Некоторые были в тяжелом состоянии. Как могли, оказали им помощь. Те, кто мог еще сражаться, вместе с комиссаром Моисеевым постановили: уважительной причиной оставления позиций может быть только смерть!

Ночью на батарею прибыл командир дивизиона Бондаренко с группой верховых бойцов. По приказу генерала Пожарского весь дивизион, включая батарею Казаковцева, должен был переправиться за Волгу и продолжать бой с заволжских огневых позиций. Приказ был выполнен.

Комиссар Н. И. Моисеев за свой подвиг был награжден орденом Красной Звезды. Наград удостоены и другие бойцы батарей.

15 сентября. Обстановка осложнилась до предела. Бригаду бомбили с воздуха, обстреливали артиллерия и минометы. Бесперывно ее позиции поливали из пулеметов. Невозможно было поднять голову. Слева и справа от нас немцы продолжали штурмовать город. Ожесточенные бои шли за центральный вокзал, Мамаев курган. При тех силах, которыми располагала армия, центр удержать было просто нечем.

Утром до нас дошла радостная весть: ночью переправилась 13-я гвардейская дивизия Родимцева. Она тотчас

же вступила в бой и отбила у фашистов вокзал, преградила им путь к Волге. Однако противник был во много раз сильнее нас и продолжал давить на защитников города.

В тяжелых боях таяли силы бригады. И не только за счет потерь, но и за счет увеличения полосы обороны в три раза, оказания помощи соседям, перевода артиллерии и минометов за Волгу. Большие трудности испытывала бригада с обеспечением боеприпасами и продовольствием. А немецкая петля затягивалась вокруг нее все туже. Бойцы и командиры хорошо понимали это. И мало было только железной дисциплины и железной воли к победе. Требовалось глубокое понимание каждым воином своего долга стоящего насмерть. И такое понимание было.

По установившемуся, неизменному правилу в любых условиях, даже в самой напряженной боевой обстановке, М. С. Батраков по ночам в сопровождении связных и адъютантов обходил все хозяйства бригады, а иногда и днем удосуживался побывать на переднем крае. При этом он всегда был невозмутимо спокоен, общался с широким кругом защитников Сталинграда, на все вопросы отвечал уверенно и правдиво, учинял спрос за беспечность и ротозейство. Каждому командиру давал четкие указания. И внушал: нас ждут еще более суровые испытания, и мы их обязаны выдержать, выстоять, чтобы победить! А если уж умереть, то честной смертью, смертью героя, взять дорогую плату за свою жизнь. Он воспитывал ненависть к врагу, презрение к трусости. Недаром в эти дни работник штаба Аверичев написал в своем дневнике: «Я не верю в смерть, я ее презираю».

Комбриг шутил: «Когда мы пришли сюда, в Дубовую балку, наша полоса обороны по фронту не превышала четырех километров, а сейчас полюбуйтесь: справа — десять, слева — десять, сколько это будет километров? Вся долина Царицы за нами, во какое обширное поле!»

— Матвей Степанович, так мы же окружены!

— Кто сказал? Где? Всех вас, мои боевые товарищи, предупреждаю, чтобы такое слово — окружение — было забыто. Его нет для бригады. За употребление этого слова в трудные минуты будет одно наказание — смерть. Наша бригада отвлекла на себя всю дивизию Гартмана. Распыляют свои силы штурмующие город, выставляя заслоны для прикрытия и ежедневно атакуя нас. Поэтому будем сражаться до последнего! История узнает, какой весомый вклад в спасение города вносим мы на этом рубеже.

И снова одна немецкая атака за другой — то на левом, то на правом фланге, а то на обоих сразу. Их ярость все возрастала. Сегодня мы впервые остались без артиллерийской и минометной поддержки. Переправившиеся за Волгу дивизионы Бондаренко и Розовика еще не были установлены, не пристрелялись.

Свои позиции бригада и в этот день не оставила, отбивая атаки противника, удерживая в своих руках высоту.

Комбриг приказал штабу за ночь провести рекогносцировку местности, подготовить более выгодные рубежи, на правом фланге использовать естественные препятствия, чтобы сократить растянувшуюся линию фронта. На танкоопасных местах поставить сорокапятки. Собрать всех способных держать оружие, охрану штаба поручить работникам штаба и политотдела. Минометному батальону отводилась особая роль ударной силы. На него возлагалась большая надежда. Комиссар Савчинский держал под своим повседневным контролем боепитание, его накопление. К этим труднейшим для бригады дням запас мин в батальоне доходил до трех боекомплектов. Кроме того, все ночи взвод Катунцева умело переправлялся через Волгу и доставлял на наш берег ящики с минами, приносили их на своих плечах. Этот подвиг минометчиков во многом определял стойкость бригады.

16 сентября. Немцы вновь повторили массированные атаки при поддержке десятков танков на всех главных участках обороны бригады. Прорвавшиеся танки утюжили наши окопы, но немногим из них удалось уйти: в бригаде была хорошо отработана взаимовыручка.

На окоп старшего сержанта Дмитрия Торшина прорвался танк и принялся его утюжить. Его сосед командир роты ПТР Юрьев одним выстрелом из противотанкового ружья поджег танк. Танкисты пытались выползти через нижний люк, но их кинжалом прикончил Торшин. Осмотревшись, Торшин стал вести огонь из-под танка, неожиданно для немцев.

В этом бою перестало биться сердце командира роты пэтэровцев старшего лейтенанта коммуниста с Алтая Павла Антоновича Юрьева.

Рассредоточенные на высоких берегах Царицы, на высотах Дубовой балки, постоянно кочуя, хорошо маскируясь, действовали минометчики Веселова. Тактику лейтенанта Андреева, примененную на Северо-Западном фронте, перенесли на поля сражения в Сталинград. Только теперь кочевал не один миномет, а целые роты. Пока немцы

засекут минометную точку, она, расстреляв ящик-другой мин, быстро меняет позицию и уже с нового места ведет огонь по врагу, а немцы тем временем уничтожают несущую огневую точку.

К середине дня противник начал вводить в бой все новые и новые резервы, наращивать силы атакующих. На поле боя пылают танки, а на окопы бригады лезут новые, следом накатывается еще одна железная лавина. Кажется — все кончено. Уже не хватит сил остановить эту армаду. И в это время последовала команда по радио. На противника обрушился невиданной еще силы ливень снарядов и мин. Это подарки наших земляков с заволжских батарей. Противник и на этот раз откатился назад.

1-й стрелковый батальон Белозерова—Мартынова пришел на помощь 244-й дивизии полнокровным, укомплектованным. Наряду со стрелковыми, в нем были роты противотанковых ружей, пулеметная, минометная, автоматчиков. Батальон этот мы называли кадровым, закаленным в боях на Северо-Западном фронте. Он состоял исключительно из сибиряков. Его командирами были также сибиряки, тактически грамотные, волевые, отважные.

Более пяти суток сибиряки плечом к плечу сражались вместе со сталинградцами, проявляя героизм, мужество и отвагу. Комбат Белозеров своим поведением на поле боя, в момент принятия важных решений во многом подражал Батракову. Будучи политинформатором, я часто встречался с командирами разных рангов и всегда отмечал их стремление быть во всем похожими на своего командира бригады. Так высок и безупречен был авторитет коммуниста Матвея Степановича Батракова. Ну, а характер Петра Ефимовича Белозерова во многом был схож с батраковским — твердый, скромный, выдержанный, строгий, несуетливый, рассудительный. Он пользовался огромным авторитетом в батальоне. Вместе с комиссаром Белозеров всегда находился там, где решалась судьба боя. И уже их присутствие вселяло в бойцов веру в успех. Батальон Белозерова стал ударной силой 244-й дивизии, ее главной опорой. Ведя жестокие бои, за шесть суток батальон уничтожил до 1500 солдат и офицеров противника, 19 танков, 4 станковых и 11 ручных пулеметов.

Но и батальон понес в этих боях существенные потери, хотя и не утратил своей боеспособности. Смертью героев погибли политруки стрелковых рот старший политрук Аникин, политрук Надеяев и другие.

К вечеру 16 сентября обстановка сложилась неясная.

Боевые действия прекратились. Прервалась связь с правым флангом и высотой 133,4. Ночью на командный пункт потянулись уцелевшие командиры и политработники, они шли без вызова, шли, чтобы доложить обстановку, получить новые приказания. Они шли, чтобы рассказать, сколько осталось живых, сколько в наличии патронов, гранат. В среднем оказалось по 5 патронов на человека, по 1—2 мины на миномет, очень мало гранат. Были уточнены позиции бригады. А они, вопреки ожиданиям командования, остались прежними. Но защищать их было нечем.

17 сентября. Это зловещее утро началось так, как и предвидел Батраков. Над Дубовой балкой, над всей долиной Царицы нависла армада из сотен самолетов. Они бомбили бывший наш передний край — высоту 133,4. Одновременно противник обрушил на наши позиции жесточайший массированный артиллерийский и минометный огонь. Заревели моторы танков, пошла пехота. Справа обрушила такую же мощь 76-я пехотная дивизия врага.

Когда гитлеровцы приблизились к высоте 133,4, на них обрушился шквальный огонь заволжских батарей. Заполыхали немецкие танки, заметались в ужасе ретивые завоеватели, а пытавшихся просочиться мелкими группами немцев накрывали кочующие минометы В. М. Савчинского. Такая же участь настигла атакующих гитлеровцев и в районе кладбища.

Наблюдавшие за ходом немецкой атаки со своего командного пункта М. С. Батраков, С. Н. Щапин, Г. Е. Сазонов улыбались: «Значит, немцы еще верят в неприступность высоты 133,4». Долго еще работали заволжские батареи. Они расстроили боевые порядки атакующих, повернули их вспять. До обеда 71-я дивизия не смогла больше наступать.

Хуже сложилась обстановка на правом фланге в районе кладбища. Здесь плотности нашего огня из-за Волги оказалось недостаточно. Все его защитники вышли из строя по ранению или погибли.

Лишь после обеда гитлеровцы наконец обнаружили, что на высоте 133,4 нет наших солдат. С наблюдательного пункта было видно, как с нее развернутым строем по открытой местности вражеские танки, облепленные автоматчиками, пошли в атаку. Немцы приободрились, сочтя, что бригады уже не существует, поверив, что они на этих железных конях теперь беспрепятственно ворвутся в центр Сталинграда.

И вдруг в этот самый критический момент, когда, каза-

лось, ничто уже не сможет остановить стальную лавину, через наши головы хлынуло море огня. Все подступы к высоте, ее склоны, по которым ползли танки, моментально покрылись фонтанами взрывов «катюш». Грохот от них был такой чудовищной силы, что даже нам за два километра от разрыва трудно было его выдержать. Гитлеровцев всех, как ветром, сдуло с танков, многие машины были подбиты. Так сорвали последнюю атаку 71-й пехотной дивизии Гартмана на 42-ю отдельную стрелковую бригаду в районе Дубовой балки. «Бог войны» сработал «божественно». Это облегчило положение бригады, спасло ее от разгрома.

Однако в 16 часов, прорвавшись через заградительный огонь заволжских батарей, смяв полностью наш правый фланг, части 76-й пехотной дивизии проникли с тыла в расположение бригады и при поддержке танков начали штурмовать наши боевые порядки. Здесь уже помощь заволжских батарей была ограничена. Противник с большим перевесом сил вошел в соприкосновение с нашими батальонами и подразделениями. Большинство их оказалось отрезанными друг от друга, в окружении. Бои приняли ожесточенный, драматический характер. Всю свою огневую мощь обрушил на противника минометный батальон, который бил по скоплениям противника, спасая положение. Удачно выбранные ночью позиции сыграли свою роль. Батраковцы удержались на них. И в этом была немалая заслуга минометного батальона Веселова—Савчинского.

Прорвавшаяся группа автоматчиков попыталась окружить и захватить штаб бригады. Майор Шумило, собрав вокруг себя всех работников штаба, политотдела, связных, возглавил оборону. Многих гитлеровцев уложили гранатами, огнем из ручного пулемета. Вражеская группировка была ликвидирована. В этом бою был тяжело ранен в ноги разорвавшейся рядом авиабомбой общий любимец, умнейший и добрейший человек, душа бригады полковой комиссар Сергей Николаевич Шапин. Не могу не рассказать о нем. Поможет мне в этом газетная публикация волгоградского журналиста Н. Попова, которую он возглавил «Комиссар».

«Сергей Николаевич Шапин родился в селе Петровка Ярославской области в 1906 году в семье стрелочника. Учился в девятилетке в Ростове-Ярославском и работал на железной дороге. Был пионервожатым. Службу начал в Москве в Сталинской кавбригаде. После окончания

курсов политруков — комиссар отдельного кавэскадрона. В 1939 году — начальник политотдела стрелковой дивизии в Киевском военном округе.

Война застала Сергея Николаевича недалеко от румынской границы в должности начальника политотдела стрелковой дивизии. На рассвете 22 июня войны этой дивизии вместе с пограничниками первыми померялись силами с врагами и оказали им упорное сопротивление.

Первые неудачи на фронте, вынужденный отход под натиском превосходящих сил противника в глубь страны, полученное ранение, а потом еще одно в боях под Москвой — все это не сломило мужественного духа комиссара-ленинца.

В 42-ю отдельную стрелковую бригаду комиссар Щапин был направлен во время зимнего наступления Советской Армии под Москвой. С ней же участвовал в боях на Калининском и Северо-Западном фронтах. Когда бригада прибыла под Сталинград, С. Н. Щапин умело отбирал среди прибывшего пополнения моряков-североморцев политработников-коммунистов и комсомольцев, способных поднять людей на подвиг».

М. С. Батраков тепло вспоминает своего комиссара:

— Я с ним подружился, и у нас не было ни одного случая недоразумений. Хороший был политработник и человек. Таким я его помню и поныне.

С. Н. Щапин писал своим родным летом 1942 года:

«...Настали горячие дни. Враг снова бросил на нас стальную лавину. Но разве мы можем допустить даже мысль о том, чтобы фашисты одолели нас, завоевали нашу великую Отчизну? Этого не будет никогда!»

А вот выдержки из других писем тех дней:

«...Победа достанется нелегко. Нам до нее еще долгий и тяжелый путь. Но будьте уверены, какие бы ни были трудности, мы одолеем их. Мы вымотаем душу у врага, обрежем когти фашистского зверя, поставим его на колени и подведем итоги за все страдания нашего народа, за слезы и горе наших вдов, детей, за искалеченных людей, за море крови, которую пролил наш народ.

...Дорогая Олечка, прочитай сыновьям нашим это письмо, пусть запомнят, что писал их отец, который уже второй год сражается на фронте. Целую тебя и детей. Крепись, расти детей, воспитай их честными патриотами Родины. Ваш Сергей».

И еще одно письмо:

«Дорогая моя Оленька и детки. Вы зовете приехать к

вам в гости. Знаю, что соскучились, но сейчас не об этом должен идти разговор. Война есть война — кровавая, упорная и беспощадная. Поставлен вопрос: «Кто кого?». И мы должны, обязаны и обязательно выйдем победителями, каких бы сил, жертв это ни стоило. Так требует советский народ. Вчера был на передовой. В одной из частей даже русскую-кавалерийскую «отбил». Вспомнили много хорошего, прожитого всем народом и нами. Но ничего, будет конец гитлеризму, и страна снова заживет замечательной жизнью».

Натиск противника к вечеру 17-го ослаб, во многих местах его отбросили. И вновь на командный пункт стали собираться остатки воинских подразделений. Несли с собой раненых, материальную часть. Патронов и гранат ни у кого не осталось. Разведрота прошла по всему переднему краю и передала оставшимся в живых указание Батракова всем явиться на сборный пункт в районе лесочка МТС.

К этому времени вернулся из штаба армии майор Юров. Он доставил распоряжение комбригу вывести бригаду из окружения, занять оборону от вокзала до железнодорожного моста через Царицу, принять меры по ликвидации просочившихся в городские кварталы немцев.

Лишь в 1965 году, будучи в Ленинграде у Марка Иосифовича Каштана, я услышал рассказ Н. М. Юрова о его пребывании 17 сентября в штабе армии: «Вначале Чуйков отказался меня принять. Увидев меня в коридоре царицинского подземелья, он счел меня за дезертира, оставившего свою часть. Я обратился к нему вторично, он мне заявил: «Слушай, майор, не темни, если ты не удалишься в свою часть, тебя расстреляют». — «Товарищ командующий! Я выполз из окружения от комбрига Батракова с поручением доложить вам, что в бригаде более 1000 раненых. Совершенно нет боеприпасов. Комбриг просит разрешения вывести из окружения бригаду и поставить нам новую задачу». К разговору подключился генерал Крылов. Последнему Чуйков поручил решение вопроса. Тот пояснил Чуйкову, что три дня нет связи с бригадой, что ее уже сочли погибшей. Вручили мне приказ Батракову, исполнить его нужно было в сегодняшнюю ночь. Командный пункт армии эвакуировался из царицинского подземелья в заводские районы».

В отчете бригады значилось: «Только за сутки 17 сентября 1942 года части бригады вывели из строя 1665 солдат и офицеров противника, 13 танков, 2 автомашины, за-

хватили пленных». Уже позднее стало известно, что фактически танков было уничтожено значительно больше.

В политдонесении 19 сентября сказано: «В течение 14, 15, 16, 17 сентября бригада вела напряженные бои с противником, прочно удерживая занимаемые рубежи. Будучи окруженной, она продолжала сражаться до тех пор, пока не вышли боеприпасы и продовольствие. Были разбиты все противотанковые пушки, почти все станковые пулеметы».

В то самое трудное время, когда на командный пункт шли командиры и комиссары с уцелевшими бойцами и с тяжело ранеными, с остатками боевой техники, они не рассчитывали на выход из окружения, просто ждали новое задание. У многих созревали дерзкие замыслы: сделать ночной налет на немецкие подразделения, обезоружить врага, обеспечить себя боепитанием или пойти ночью в долину у высоты 133,4, собрать немецкое оружие, оставшееся на поле боя после залпов «катюш», прорваться в центр города, вывести раненых и доставить боеприпасы. О пище никто не заикался, не проронил ни слова, хотя трое суток люди не ели, да и воду-то делили по глотку, отдавая ее в основном раненым. Ни у кого и мысли не было выйти из окружения и оставить плацдарм — огромный район, который героически удерживала бригада в своих руках в течение полумесяца.

По злым, небритым, чумазым, осунувшимся лицам М. С. Батраков читал решимость снова ринуться в бой, готовность стоять насмерть, продолжать истреблять гитлеровцев. Удивительно, как после всего пережитого они могли шутить, поддразнивать друг друга, вспоминая сражения сегодняшнего дня.

После боя, тяжелых потрясений требуется нервная разрядка. И в эти минуты ожидания новых приказов дали волю языку бойцы: кто анекдот травит, кто со смехом вспоминает эпизоды боя, кто «козью ногу» сосет, замаривает голодного червячка табаком, а кто просто в дремоте коротает время. Ведь все эти дни и ночи не смыкали очей, слишком много было дел и ночных, и дневных, какой уж тут сон.

Наконец комбриг вызвал к себе всех командиров и политработников. И как гром среди ясного дня прозвучали его слова:

— На основании распоряжения штаба армии приказываю: ровно в 24 часа начать организованный выход из окружения. Общее руководство возлагаю на майора Шумило. Даю три часа на сборы. Майору Шумило, совместно

с командирами подразделений, сформировать мелкие группы во главе с командирами, двигаться, строго соблюдая дистанцию и маршруты, подготовленные командиром роты разведки Хлыбовым. Всех тяжело раненных — до одного человека — выносить на носилках, тщательно замаскировав. Старшему лейтенанту Хлыбову послать взвод для повторной разведки всей трассы. Всю технику забрать с собой. Наша главная задача — пройти в город тихо, скрытно от противника, чтобы он не знал, что бригада покинула свои позиции.

— Сейчас, когда мы ведем с вами этот разговор, — продолжал комбриг, — немцы разрабатывают детальный план утреннего наступления, чтобы окончательно уничтожить нас. Пусть атакуют несуществующего противника, как делали это на пустой высоте 133,4.

Чтобы спутать противнику карты, ввести его в заблуждение, майор Юров перед рассветом должен был организовать обстрел заволжскими батареями, причем не пожалеть огня, пусть немцы думают, что мы даем заградительный огонь для своих позиций. Тогда они вынуждены будут прорываться через артиллерийский обстрел и штурмовать нас. Этим мы отвлечем противника на целых полдня, ослабим активность его наступления на центр города, на 13-ю гвардейскую дивизию, на Мамаев курган.

— Надо оставить мелкие группы прикрытия, пулеметный взвод из 3—5 человек, — продолжал М. С. Батраков. — Пойдем двумя путями: по водосточному оврагу слева от гвоздильного завода, справа — по-над рекой Царицей под Кулибинский железнодорожный мост. Ни одной группе не отклоняться от заданных маршрутов, чтобы не попасть в лапы врага. При встрече с противником огня не открывать, его посты убирать без шума. Выйдя из окружения, каждому батальону занять позиции вдоль железной дороги от вокзала до реки Царицы и в городском саду, где уже проходит линия фронта.

Каждый батальон, перейдя линию фронта, должен был очистить указанный ему участок от просочившихся вражеских солдат, затаившихся в подвальных помещениях. Действовать предстояло только холодным оружием: штыком, кинжалом, прикладом, внутри помещения — гранатой. Создавались специальные группы истребителей. В них отбирали самых стойких и отважных людей.

В условленный час начался выход бригады из окружения по двум маршрутам. Впереди шли проводники-разведчики. Мне пришлось идти левым маршрутом, через

гвоздильный завод, по глубокому рву. Ночь была темным-темна. Гвоздильный завод был разрушен, на его территории валялось много железа, жести и т. д. Люди спотыкались, гремели металлом. Слышим рядом: «Хальт!» Выстрел из ракетницы осветил территорию. Но больше «хальт» не произносилось — часовому заткнули глотку. Бойцы притихли, притаились в тени зданий. На помощь своему прибежали четыре гитлеровца. Они начали искать и звать часового. Их быстро оглушили разведчики. Пришлось ускорить движение, спуститься в крутой ров. И опять разведчики Хлыбова сработали отлично.

Путь был невероятно трудным. Представьте себе, что в кромешной темноте надо спуститься в крутой, глубокий ров. Спуститься не одному, а целой колонной, неся на руках раненых, минометы, пулеметы, ПТР, всю материальную часть. Причем в близком соседстве с врагом, на которого можно наткнуться в любую минуту, на каждом шагу.

Идем на ощупь, подчас держась друг за друга, у многих оказались ремни, за которые держатся целые группы. Идем топким водосточным оврагом, в темноте, вязнем в грязи, но стараемся двигаться тихо, беззвучно. Внизу, на дне оврага, скрытно передвигаются голодные, обессиленные, без боеприпасов солдаты 42-й бригады. Вверху, на кромке оврага, слышна нерусская переключка патрулей, нерусская речь, стрельба из-за страха, топот ботинок. Овраг подступает к полотну железной дороги. На ее высокой насыпи, на отдельных участках закрепились и патрулируют немцы. На углу улицы, на пригорке стоит немецкий танк. Непрерывно стучит его пулемет, поливая очередями подступы к железнодорожному полотну. В воздух то и дело взлетают осветительные ракеты. В укрытии бойцы переговариваются: «Два выстрела ПТР — танку капут, патрули можно снять». — «Этого делать нельзя. Нужно сохранить в тайне наш выход из окружения».

Высокое полотно железной дороги простреливается и освещается. Как быть? Ров продолжается под полотном железной дороги, насыпь над ним еще выше. Но под нею проложена водосточная труба диаметром чуть более метра, длиною 15—20 метров. Это единственный путь через линию фронта. По ней можно только ползти. По трубе когда-то текли нечистоты, и сейчас в ней отдает зловонием. Но делать нечего — пришлось испытать неприятные ощущения, проползая по этой трубе, протаскивая по ней раненых, пулеметы и минометы. И все это под носом у врага. Тайна выхода бригады из окружения была сохранена.

Всю эту тревожную ночь бригада не спала. Всю ночь в ходу были штык, кинжал, приклад и редко — граната. Наши истребительные группы были постоянно начеку, действовали внезапно, быстро, ловко, без шума. Все здания и подвалы в районе вокзала и площади Павших борцов были очищены от немцев ночным рейдом батраковцев. Было взято немало пленных. По ним установили противника — 76-я пехотная дивизия.

А 71-я дивизия, обескровленная в боях с 42-й бригадой, наступать на центр уже не смогла, осталась в тылу «поправлять свое здоровье». Большинство солдат из дивизии Гартмана остались навечно в земле Сталинграда. Счастливики попали в плен. Сам Гартман, почувствовав приближение конца и струсив, бросил своих солдат и офицеров на произвол судьбы, вышел на передовую с автоматом и при первых же выстрелах получил ответную очередь. И пусть судьба Гартмана-завоевателя послужит предостережением для всех поджигателей войны.

В эту ночь впервые за трое суток мы имели на завтрак горячую пищу — заваренную кипятком муку. Других продуктов не было.

К утру все подразделения получили боеприпасы, пополнились вооружением, были перегруппированы, так как понесли большие потери.

Об этом дне и ночи напишет позднее Н. И. Крылов: «Последние часы на царицинском КП проходили тревожно. Еще в середине дня создалась тяжелая обстановка. Выше, по долине Царицы, на северном ее берегу, обойдя с флангов 42-ю стрелковую бригаду полковника Батракова, гитлеровцы зашли ей в тыл. Поскольку восстановить здесь положение было нечем, стал неизбежным отвод бригады на новый рубеж. Однако связь с Батраковым прервалась».

Только в начале ночи, получив, наконец, приказ, бригада с боем вышла из окружения. Батраков доложил, что вынесены все раненые. В их числе был умирающий военком бригады полковой комиссар С. Н. Шапин».

Врач А. Д. Мезенцева, сопровождавшая С. Н. Шапина, вспоминала: «...Комиссар был ранен тяжело. Решили нести его к хирургу на переправу, пробиваясь через заслоны автоматчиков врага. В городе некоторые улицы были загромождены техникой. Раненого перетаскивали через пушки и машины...

Переправа оказалась под бомбежкой, и только на следующую ночь удалось доставить С. Н. Шапина на левый

берег в медсанроту. Левую ногу хирург оставил, правую отнял выше колена... Операцию комиссар перенес мужественно».

На следующий день раненому стало хуже. Главный хирург дополнительную операцию делать не разрешил: «Это ему уже не поможет».

«...И вдруг он запел, — пишет А. Д. Мезенцева. — Запел тихо, хриловатым голосом: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой».

Голос раненого затих, некоторые слова песни можно было расслышать с трудом, а потом голос опять окреп: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна...» И вдруг он неожиданно попросил:

— Я очень люблю свою мать. Напишите, что я погиб за нашу чудесную Родину, за нашу партию!

Раненые, приподнимаясь на койках и носилках, прислушались к словам песни. Комиссар скорее почувствовал, чем увидел это внимание, обратился к врачу:

— Скажите им, доктор, что все равно победа останется за нами. Потому что на защиту Отчизны поднялся весь наш народ. А его победить нельзя.

Несколько минут длилось молчание. Потом к больному снова вернулось сознание, и он опять тихо запел: «Идет война народная, священная война!»

Есть в Волгограде, на вершине Мамаева кургана, зал Воинской славы. На четвертом мозаичном знамени, во второй колонке снизу, надпись: «Полковой комиссар Щапин С. Н.».

Это имя бывшего военкома 42-й стрелковой бригады, законом которой был священный призыв: «Стоять на смерть!».

Возвращаясь к словам Н. И. Крылова, хочу пояснить, что означала его фраза: «Последние часы на царицинском КП проходили тревожно». Обширный район центра города от вокзала до реки Царицы, включая привокзальную площадь, центр, пристань, оставался беззащитным. Из-за Царицы рвались немцы. Центр города прикрывали работники штаба армии, сводные подразделения из дивизии Сараева, наши боевые группы, отрезанные от бригады, во главе со старшим лейтенантом И. И. Крючковым — командиром батальона пулеметчиков, одна батарея сорокапяток, а также тыловые подразделения бригады, базировавшиеся в подвальных помещениях центра города. Справа вела жестокие бои за железнодорожный вокзал, за Мамаев курган и обширный район центра города между

вокзалом и Мамаевым курганом 13-я гвардейская дивизия Родимцева. Весь день 17 сентября эта горстка подразделений выдерживала яростные атаки 76-й пехотной дивизии противника.

КП 62-й армии находился в знаменитом царицинском подземелье, менее чем в километре от вокзала, подвергался опасности, был под постоянным обстрелом.

В эту ночь на 18 сентября 1942 года произошли три важных события, которые определили судьбу центра города.

Во-первых, командный пункт армии перебазировался на берег Волги в район между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады».

Во-вторых, в эту ночь для защиты левого фланга армии, то есть города, его центра, в помощь истекающей кровью 35-й гвардейской дивизии переправилась 92-я бригада морской пехоты, которая сразу же пошла в атаку и продвинулась от устья реки Царицы, ее правого берега, до железнодорожного вокзала Сталинград-II и элеватора на Волге. Она очистила этот район от немцев и приняла на себя главные удары гитлеровцев, штурмовавших Сталинград с юга.

В-третьих, в эту ночь вышла из окружения наша 42-я бригада и заняла оборону от железнодорожного вокзала до центральной пристани. Свой КП М. С. Батраков разместил в царицинском подземелье, где был штаб армии. И хотя это был самый безопасный уголок в кромешном аду Сталинградской битвы, жить в нем было невозможно: жуткая темнота, множество ходов, духота. Свет нужен был круглые сутки. А давал его горящий подвешенный кабельный шнур, испускавший обильный едкий дым, отравлявший и без того спертый воздух. Комбриг подобрал новое помещение для КП бригады — в подвале разрушенного трехэтажного здания бывшей библиотеки имени Горького на углу Набережной, против центральной пристани, по соседству с городским Домом пионеров. Теперь это — угол Аллеи Героев и набережной. «Выкуривая» немцев, просочившихся в центральные кварталы города, в первую же ночь каждый батальон установил свою систему обороны.

18 сентября. С утра штаб бригады, его оперативный отдел, Шумило, Мишанчук, Струлев, начальники штабов и командиры подразделений детально отработали разделение зон обороны каждого батальона и подразделения, в том числе остатков 244-й дивизии и полка НКВД.

Начиная от вокзала до реки Царицы железнодорожное полотно проходит по высокой насыпи. Проездом через нее служит и до сих пор тоннель, причем почти без углубления. Эта насыпь стала отличным рубежом нашей обороны. Здесь совершенно не в состоянии пройти танки, не так-то просто одолеть ее и пехоте. Танкоопасным местом являлся сам вокзал, его перроны и привокзальная площадь. Отсюда и стремились немцы протаранить танками нашу оборону и по прямой улице Гоголя через площадь Павших борцов прорваться к центральной пристани.

Немцы с утра начали активно бомбить весь город, в том числе и его центр. Повторили они бомбежку в два часа дня. Воспользовавшись затишьем между обстрелами, комбриг и его штаб сумели произвести тщательную рекогносцировку всего района обороны, начиная от железнодорожного моста через Царицу вдоль полотна железной дороги до вокзала Сталинград-1, от вокзала по улице Гоголя до центральной пристани на Волге. Нашим соседом справа, между пристанью и вокзалом, была 13-я гвардейская дивизия. Разграничительной линией между нами стала улица Гоголя, ныне Аллея Героев. На нашем левом фланге, на правом берегу Царицы, начала вести активные атаки 92-я бригада морской пехоты. В этот день впервые мы poznали благо локтевой связи со своими соседями.

Начиная от городского и Комсомольского садов и полотна железной дороги южнее вокзала, по улице Гоголя оборону держал 3-й стрелковый батальон П. А. Унжакова и комиссара Козырева. Командный пункт батальона размещался в здании гостиницы (ныне на этом месте стоит гостиница «Волгоград»). Для усиления ему была придана пулеметная рота Поднебеснова и рота ПТР. Пулеметы разместили на различных этажах на уцелевших перекрытиях в здании гостиницы, в драмтеатре имени Горького. Здесь же сражались остатки 272-го стрелкового полка чекистов — их было менее ста человек, возглавлял их батальонный комиссар И. М. Щербина. КП пулеметчиков и чекистов размещался в здании драмтеатра, а позднее переместился в Комсомольский сад.

Была поставлена и замаскирована батарея противотанковых пушек, которая при необходимости могла бить прямой наводкой для отражения танковой атаки.

В центре расположился 4-й батальон комбата Жукова. Его позиции протянулись по кромке городского сада и в сторону полотна железной дороги до тоннеля. Батальон имел пулеметы, противотанковые ружья, автоматы.

На левом фланге от тоннеля до Царицы вдоль полотна железной дороги разместился 1-й стрелковый батальон. Ему были приданы остатки 244-й стрелковой дивизии, той самой, в которой сражался до этих дней батальон Белозерова.

Вся огневая мощь минометчиков предназначалась для поддержки всех трех батальонов, и в первую очередь она была пристреляна в направлении главного удара противника — по привокзальной площади. На зданиях драмтеатра и гостиницы размещались НП артиллеристов и минометчиков заволжских батарей Бондаренко—Розовика, Юрова. Здесь же находился НП штаба бригады.

Используя развалины зданий, сохранившиеся в них межэтажные лестничные площадки и другие нагромождения, минометчики батальона Веселова со своими стволами превратились в кочующие, а поэтому неуязвимые огневые точки. Выстрелят из миномета несколько раз и тотчас меняют позицию. Немцы засекают такую точку и открывают по ней огонь, а расчет уже с другого места стреляет по противнику. Захватив вокзал вечером 18 сентября, гитлеровцы не смогли вплоть до 24 сентября развить свой успех. Ареной жесточайших боев стали площадь Павших бойцов, городской и Комсомольский сады.

Воины 3-го стрелкового батальона, пулеметного батальона и чекисты 272-го стрелкового полка, воины 4-го батальона морской пехоты стояли насмерть, со своих рубежей не сходили. У каждого бойца была своя собственная позиция — одиночный окоп или ячейка, оборудованная в руинах здания. В них они жили, сражались, бывали ранены или погибали. Зачастую здесь же их хоронили.

Городской и Комсомольский сады были изрыты окопами и блиндажами, ходами сообщений. И все это было открыто за первую же ночь. Потом работа по совершенствованию обороны велась каждую ночь. Саперная рота старшего лейтенанта Зуева, комиссара Батова, когда наши возможности контратаковать были исчерпаны, в ночь на 20 сентября в танкоопасном направлении установила противотанковое минное заграждение. Оно сыграло большую роль в обороне и сделало ее неприступной...

19 и 20 сентября. Гитлеровцы с особым ожесточением, непрерывно атаковали передние позиции бригады, в первую очередь 3-го и 4-го батальонов. Лезли напролом, одну из атак поддержали танки. Они вылезли с южной стороны перрона внезапно и шли на большой скорости, пытаясь развернутым строем пробиться на улицы, ведущие к Вол-

ге, к пристани. Но тотчас на них обрушился огонь заволжских артиллерийских и минометных батарей, защелкали выстрелы из противотанковых ружей, с которыми бойцы залегли в ограде и в соседних домах. Танки начали гореть. Плотность нашего оружейного огня сорвала атаку противника. Не дойдя до наших минных полей, фашистские танки повернули вспять, а пехота залегла.

И вновь из-за угла на большой скорости вылетели танки, стремясь прорваться и охватить нашу оборону со всех сторон. За ними бежали и горланили песни пьяные немцы. И вновь атакующих встретили сокрушительные залпы, ружейно-пулеметный огонь, прижавший пехоту к земле. Танки же спрятались за домами.

Немцы устроили дымовую завесу, принялись бомбить с воздуха наши позиции. Под прикрытием дымовой завесы вырвалась группа танков и ринулась вперед, стремясь во что бы то ни стало прорваться через наш заградительный огонь заволжской артиллерии. Густота дыма увеличивалась. Невидимые в нем, за танками во весь рост шли немцы. Но вот один, другой танк взлетают на воздух. Это в дыму немцы напоролись на наше минное поле. И третья атака захлебнулась.

Во второй половине дня немцы обрушили свой удар на городской сад, там оборону держали моряки 4-го батальона. Они организованно встретили вражескую атаку. На сей раз гитлеровцы шли без танков — не позволяло высокое железнодорожное полотно. Зато территория городского и Комсомольского садов подверглась жесточайшей бомбежке с воздуха и артиллерийско-минометному обстрелу. Под прикрытием этого огня, дыма и пыли лезли через насыпь пехотинцы. Их спокойно и метко уничтожали пулеметчики, минометчики, автоматчики, стрелки из карабинов, летели противотанковые гранаты. Дважды лезли в атаку гитлеровцы и дважды откатывались назад. Больше в этот день они не осмелились наступать. Оборона бригады оказалась для них не по зубам — твердым орешком.

Большую роль в обороне центра Сталинграда сыграло минирование нашего правого фланга — по улице Гоголя и прилегающим к ней улицам были сплошные минные поля, которые каждую ночь совершенствовались нашей саперной ротой (командир Зуев), а днем рота держала оборону на этом участке.

Весь день 20 сентября немцы еще яростнее атаковали бригаду. Лезли они на наши позиции, в городской сад, накатываясь волна за волной. Досталось в этот день и ба-

тальону Белозерова, занимавшему территорию от улицы Краснознаменной до реки Царицы. Но бригада держалась стойко. Как и в Дубовой балке, немцы не смогли прорвать нашу оборону. Семь атак отбили батраковцы в этот день. Десять танков, сотни убитых оставил противник на поле боя. За два дня непрерывных атак гитлеровцы не смогли отвоевать у бригады ни одного сантиметра территории. Это было накануне тяжелейших, драматических, даже трагических событий в жизни бригады.

21 сентября. Уже более сорока лет отделяет нас от событий того дня, а помнятся они в мельчайших деталях, как будто происходили вчера. Так и представляю себе командный пункт 42-й бригады. Центральная набережная, на углу улицы Гоголя разрушенное трехэтажное здание библиотеки имени Горького. Половина его стен разрушена, все перекрытия верхних этажей рухнули. Сохранилась межэтажная маршевая лестница, перекрытия ее площадок, наружная дверь, крыльцо и навесик. Уцелел коридорчик — сюда приходили покурить, поговорить работники штаба. Территория библиотеки была огорожена кирпичной стеной полутораметровой высоты. В ограде, с разрывом от здания в десяток метров, располагалось хранилище библиотеки, своеобразный склад. Это помещение не было разрушено. Его приспособил для себя радиовзвод Сквородникова: там была установлена радиостанция. Служебным помещением, где разместились штаб бригады и политотдел, служил подвал из трех уцелевших отсеков. Полуовальные своды потолка имели особую прочность. И только прямым попаданием бомбы в один из четырех отсеков еще до нас потолок был пробит и через эту пробоину просматривалось небо, через нее хорошо циркулировал воздух. Из ограды был вход в подвал — он служил входом в наш штаб.

Каждый отсек был размером пять на десять метров. В первом из них размещались все отделы бригады (рота связи, комендантский взвод, политотдел), во втором расположились начальник штаба бригады, оперативный отдел, телефонная связь. Два квадратных подвальных окна выходили на улицу Набережную, служили хорошим источником света. Под одним окном в углу стояла железная койка с заправленной постелью — на ней изредка отдыхал начальник штаба бригады подполковник Г. Е. Сазонов. Всю ночь не спал Георгий Емельянович. К утру прилег, уснул. Пришел связной из штаба армии. Среди других документов был и приказ о присвоении очередного

воинского звания «полковник» Г. Е. Сазонову. Во время завтрака работники штаба и мы, политотдельцы, поздравили Георгия Емельяновича с новым званием, полученным в ожесточенных боях за Родину. Ему соответствовали четыре шпалы в петлицах. Эти знаки тут же прикрепили друзья Сазонова.

После завтрака Георгий Емельянович анализировал и думал, что еще предпринять для усиления обороны бригады, чем усилить правый фланг. Его взгляд останавливался то на ящиках со штабными документами, стоявших в левом углу, то на склонившейся над картой фигуре капитана Мишанчука, сидевшего за столом у телефона. То и дело звонили из подразделений, и Мишанчук отвечал, давал указания, уточнял обстановку, звонил сам.

Комбриг вышел на улицу, проверял, как исполняют его приказание саперы — отрыть щели внутри ограды для укрытия при бомбежке. В этот момент началась интенсивная артиллерийская и минометная канонада, массированная бомбежка с воздуха. Над командным пунктом повисли 25 немецких самолетов. Один за другим заходили немецкие стервятники, сбрасывая свой смертоносный груз. Отбомбив, они улетали для заправки и вновь появлялись.

Более двух часов продолжалась эта бомбовая карусель. Первым, осколком вражеской бомбы, был ранен Матвей Степанович Батраков. Начальник политотдела Ф. М. Лукин и секретарь парткомиссии М. И. Каштан решили эвакуировать комбрига. Выделили людей, сопровождающим послали Марка Иосифовича Каштана. В период затишья доставили Батракова на сборный пункт к памятнику Хальзунову, вызвали катер, но перевезти через Волгу смогли только с наступлением темноты.

Вскоре при бомбежке рядом со стеной, со стороны Набережной, взорвалась бомба. От стены и потолка отвалило огромную бетонную глыбу, рухнувшую на грудь полковнику Г. Е. Сазонову. Это был удар страшной силы. Георгий Емельянович потерял сознание. По распоряжению исполняющего обязанности комиссара бригады Ф. И. Лукина четыре бойца во главе с инструктором политотдела старшим политруком Александровым начали эвакуацию Сазонова. Хотели перевезти его за Волгу на лодке. Выяснили, что средства переправы находятся севернее пристани, вверх по течению, пошли туда. Но успели пройти лишь метров двести, как на группу обрушился шквальный огонь из автоматов. Двое из сопровождающих были ранены. Много пуль попало в Георгия Емельяновича.

Л. А. Мишанчук.

С. Н. Костенко, командир комендантского взвода.

ча. Здесь он и скончался. Тело Сазонова укрыли внизу — под откосом железной дороги. Всего пять часов носил звание полковника Г. Е. Сазонов.

Ожесточенная бомбежка штаба продолжалась. Все здание содрогалось от прямого попадания бомб. Вот одна из них взорвалась у дверей при входе в штаб. Было убито и ранено много людей, в их числе — командир роты связи В. И. Тройко, повара и другие. От прямого попадания одной из больших бомб в здание библиотеки своды потолка выдержали, не рухнули, но поднялась страшная пыль, нечем стало дышать, люди начали задыхаться и неминуемо погибли бы от удушья, но, к счастью, через отверстие, пробитое в четвертом отсеке раньше, стал поступать свежий воздух. Это и спасло людей, находившихся в подвале.

Когда бомбежка наконец закончилась, оказалось, что на командном пункте осталось в живых всего двое командиров: из работников штаба — капитан Л. А. Мишанчук, из работников политотдела — автор этих строк. Мы быстро навели элементарный порядок. Л. А. Мишанчук продолжал управлять боем бригады. Уцелевшие помогали раненым, эвакуировали их, хоронили убитых.

А накал боя тем временем нарастал по всему нашему замкнутому кругу обороны. В этой трудной обстановке капитан Мишанчук принял всю полноту власти в бригаде, показав себя волевым командиром. Он заменил и выбывшего из строя начальника оперативного отдела штаба майора Шумило, проявив и здесь, на этой особенно ответственной работе, знания, уверенность, умение. Благодаря его энергичным, правильным действиям в эти чрезмерно критические для обороны центра, для бригады часы не было допущено ни паники, ни замешательства в боевых делах подразделений. Мишанчук отлично знал оперативную обстановку на каждом метре обороны бригады. Он, не выпуская из рук телефонной трубки, держал связь со всеми подразделениями, со всеми наблюдательными пунктами, в критические минуты яростных вражеских атак давал указания начальнику артиллерии майору Юрову поддержать бригаду хорошим огнем заволжских батарей. Не покидали своих наблюдательных пунктов командиры дивизионов Бондаренко, Розовик, Веселов. В большинстве случаев они самостоятельно корректировали огонь, били атакующих гитлеровцев. Оборона по-прежнему оставалась стойкой, неприступной. Большую помощь в управлении боем оказывали начальник связи майор Волков, командир разведроты Хлыбов.

Будучи раненным, Матвей Степанович Батраков командование бригадой возложил на комбата 3-го стрелкового батальона Унжакова. Батальон же этот вел невероятно тяжелые бои с многократно превосходящими силами противника, и Унжаков не смог взять на себя управление боем всей бригады. Он просто не мог покинуть батальон. По этим причинам штаб бригады оставался на месте, главным лицом волею обстоятельств оказался Леонид Андреевич Мишанчук. Он информировал Унжакова о всех крупных событиях, согласовывал с ним особо важные распоряжения. Так постепенно отлаживалась работа штаба бригады. В помощь себе Мишанчук привлек работников штабов из батальонов и отдельных командиров.

В этот трагический для бригады день счет вражеским атакам не вели, они практически не прекращались. Перекрыв все улицы на правом фланге, большинство которых было заминировано, противник не смог прорваться через наши позиции. На защиту правого фланга были выставлены саперная рота, которая ночами продолжала минировать улицы, а днем отражала атаки противника огнестрельным оружием, гранатами, минометчики Веселова,

тоже взявшие в руки винтовки и автоматы, воины из подразделений обслуживания.

22, 23, 24 сентября немцы продолжали яростные атаки по тому же сценарию, что и 21 сентября. Причем 22 и 23 сентября на всех участках обороны бригады они не смогли продвинуться ни на метр, линия наших позиций осталась неизменной.

В. И. Чуйков в книге «Начало пути» писал: «Ценой больших потерь противник достиг только частичного успеха. План Паулюса выйти к Волге, а затем атаковать армию во фланг и тыл ударом вдоль Волги — сорвался. Этот план рухнул при столкновении со стойкостью дивизий Родимцева, Батюка, Горишного, бригады Батракова и других частей».

Эти слова относятся к обстановке именно 21—23 сентября, когда гитлеровцы прорвались к Волге, отрезали 42-ю бригаду в центре города, но своей цели не достигли. И в эти драматические дни оставшаяся без руководства бригада продолжала стоять насмерть на своих рубежах.

Но таяли силы бригады, ожесточенность же вражеских атак нарастала. 24 сентября противник особенно усилил натиск на бригаду и на отдельных участках, где не осталось в живых ни одного воина, стал просачиваться в глубь нашей обороны. В конце дня гитлеровцы прорвались в городской сад.

Матрос Денисов остался один в своем окопе, но не дрогнул. Рядом лежали убитые друзья. У Денисова под рукой был ручной пулемет, два автомата, куча гранат. И когда на него лезли гитлеровцы, беломорский моряк короткими очередями уничтожал всех, кто поднимался в атаку. За день он уложил более пятидесяти фашистов, а они все лезли. И вдруг Денисов замолчал. Высовываются фашисты — один, другой, а выстрелов нет. Они тоже перестали стрелять. Поднялись шесть человек, машут моряку, кричат: «Камрад, иди плен». И Денисов поднялся, заложил руки за спину и, улыбаясь, пошел на зов немцев. На голове — бескозырка, а под распахнутой на груди гимнастеркой видна тельняшка. Идет вразвалку. Немцы ликуют: берут живым! черного комиссара в плен! Ему навстречу ринулись сразу шесть человек. Между моряком и фашистами осталось пять шагов. И тут Денисов выдернул предохранительную чеку лимонки и бросил гранату под ноги окружавшим его гитлеровцам. Миг — и шесть поверженных врагов у его ног. Довольный, с улыбкой на лице, упал на сталинградскую землю и сам герой моряк-

батраковец. Его подвиг вписан на вечные времена в летопись великой Сталинградской эпопеи. Очень жаль, что ни тогда, ни теперь мы не смогли узнать имени и отчества Денисова.

К концу дня 24 сентября гитлеровцы прорвались через ослабленные рубежи 3-го стрелкового батальона, ворвались в городской сад, к морякам батальона Жукова и в расположение батальона Белозерова. Лишь артиллеристы и минометчики заволжских батарей сдерживали атакующих немцев. Когда наступила ночь, то впервые невозможно было нанести на карту линию фронта, ее уже не было. Наши бойцы закреплялись в кварталах и в отдельных домах, там, где застала их ночь. Случалось так, что в одной половине дома были наши, в другой — немцы. С рассветом начинали вести огненный «диалог» с противником, «выяснять отношения». Уступал тот, кого сражала пуля.

Об одном из эпизодов тех дней позднее рассказывал волгоградский журналист Н. Попов:

«Рано утром 23 сентября в подвал дома по Краснознаменной улице, где находился штаб батальона 42-й бригады, пробрался пехотный старшина. С ним были две собаки с укрепленными на спинах приспособлениями, похожими на седла.

— Разрешите к вам, товарищ старший лейтенант, — обратился он к начальнику штаба Д. С. Трунцеву. — Своих не найду.

Получив разрешение, он, придерживая поводки, отошел в угол. Это был крепко сбитый солдат среднего роста. Расположился он в подвале со своим имуществом по-хозяйски: скинул скатку шинели, сумку с боеприпасами, аккуратно расправил гимнастерку под ремнем и, опустившись на обломки камня, стал деловито сворачивать сигарку. Собаки послушно улеглись у стены и застыли, положив морды на вытянутые вперед лапы.

— А бобиков на мясо привел? — иронически бросил чубатый краснофлотец. — Или ученые, может быть? Номера будут выкидывать? Вчера к нам слон приходил, говорят, из зоологического сада.

— Сам ты из зоологического, — шутливо одернул его товарищ. — Эти песики могут такой номер выкинуть, что Гитлеру тошно будет. Так ведь, старшина?

Проводник не успел ответить. Сверху донесся голос наблюдателя:

— Танки!

Из-за угла соседнего дома, хорошо видимая через про-

лом в стене, показалась вражеская машина в сопровождении группы автоматчиков.

— Пятый раз уже сегодня лезут, гады, — проговорил красноармеец Богданов. — Разрешите щелкнуть и этого. — Богданов при отходе подобрал противотанковое ружье с запасом зарядов. И уже дважды использовал его в единоборстве с вражескими танками.

— Разрешите уж мне, — поднялся старшина, — коли к вам попал. Марс, — окликнул он одну из собак. — Давай-ка к делу. — Он опустился на колено, проверил крепление седла. Все движения старшины были неторопливы и точны. Закрепляя на седле взрывчатку, он прижал к себе голову Марса и что-то шепнул ему. А потом, указывая рукой на выход, построжав, приказал: — Марсик, пошел! — и отстегнул поводок.

Пригибаясь среди куч битого кирпича, лавируя между развалинами, собака, несмотря на нарастающий грохот танка и участвующую стрельбу, бесстрашно направилась к ползущему навстречу стальному чудовищу.

Через несколько минут раздался взрыв. Танк, развернувшись на одной гусенице, врезался в стену дома.

— Есть один! — раздался сверху голос наблюдателя.

Старшина, следивший за поединком, снял пилотку и отер ею вдруг вспотевшие лицо и шею. Потом он отошел к стене подвала, где лежала шинель и сумка, тяжело опустился на камень и, положив руку на голову оставшейся собаки, стал опрашивать на ней сбрую.

Вскоре и второй «подрывник», посланный властным «Вперед!», выполнил приказ старшины.

— В течение еще нескольких дней старшина-собаковод 272-го полка 10-й дивизии НКВД находился с нами, принимая активное участие в обороне штаба батальона, — вспоминал бывший начальник штаба 4-го батальона 42-й бригады Д. С. Трунцев. — А потом где-то затерялся при отходе нашей группы к берегу. К сожалению, у меня не сохранилось в памяти его имя, и я ничего не могу сказать о его дальнейшей судьбе».

Драматизм положения бригады усугублялся тем, что доставка боеприпасов с левого берега практически прекратилась. Посылаемые на лодках мины, снаряды, гранаты, патроны не достигали центра города. Прорвавшись к берегу Волги в районе обороны 13-й гвардейской дивизии, немцы взяли под прицельный огонь наши средства переправы, не подпускали их к берегу ни днем, ни ночью. Это еще больше ослабило наши возможности к сопротивлению.

Каждый патрон, мина, граната были на строгом учете. Били только наверняка и по цели. Отсутствовала и еда, это тоже ослабляло физические силы бойцов.

25 сентября. 3-й стрелковый и пулеметный батальоны, 272-й стрелковый полк НКВД продолжали сражаться, занимая Комсомольский сад, драмтеатр и прилегающие к нему кварталы. А в тылу у них по Краснознаменной немцы штурмовали дом за домом, которые отстаивали батальоны Жукова и Белозерова. В большинстве зданий этой части города сражались небольшие группы батраковцев.

Невозможно не рассказать и о таком примечательном факте: с 18 по 26 сентября вместе с нашими воинами находился слон из зоопарка. Он шел от тоннеля по Краснознаменной в сторону Волги и не раз был ранен, из его ран сочилась кровь. Слон же спокойно отходил вместе с нашей линией фронта, прячась от обстрела за стенами уцелевших зданий. Моряки Жукова полюбили слона как своего верного братишку и не оставляли его одного. Его кормили, чем могли, давали воды, делая это, как правило, ночью, ночью же отводили его на новые рубежи. Так дошел он с моряками почти до самой Волги. Но все его друзья постепенно вышли из строя — кто погиб, кто был ранен. К 26 сентября никого из них не осталось в строю, слон оказался в одиночестве. Последующая судьба его мне неизвестна. «Пробираюсь, бывало, к своим по Краснознаменной, — вспоминает бывалый моряк, начальник штаба 4-го батальона Дмитрий Трунцев, — и порой сомневаюсь, кто же впереди — свои или фашисты? А когда увижу слона, стоящего где-нибудь у стены, сразу определяю, что здесь в домах наши моряки. Для всех нас слон был незаменимым ориентиром».

А немцы все штурмуют. Уже 24 сентября они пытались отрезать в Комсомольском саду группу бойцов 272-го стрелкового полка, окружили его штаб. На следующий день, 25-го, противник при поддержке танков начал атаку на штаб полка. В нем находилось около тридцати человек во главе с батальонным комиссаром И. М. Щербиной. Положение осложнилось, когда враг применил дымовые шашки. Однако чекисты не дрогнули. Забросав гитлеровцев гранатами, поддержанная пулеметным огнем из роты Поднебеснова, которая занимала здание драмтеатра, группа Щербины прорвалась из плотного вражеского кольца окружения к драмтеатру и вместе с воинами бригады продолжала оказывать сопротивление гитлеровцам. При про-

рые из окружения погиб комиссар Щербина. Его похоронили в центре города.

25 сентября стало одним из самых кровавых дней для бригады. Нарушены боевые порядки. Отсутствует связь со штабом. В изоляции оказались и батальоны, и отдельные небольшие гарнизоны внутри батальонов. Но и в этот день 3-й стрелковый и пулеметный батальоны удерживали свои позиции. Душой обороны был комиссар Қозырев, своим личным примером, своим хладнокровием и спокойствием увлекавший бойцов на подвиг. Драмтеатр, окружавшие его здания гостиницы и другие стали осажденной, но не сдающейся крепостью.

— Петр Поднебеснов, к комиссару! — передается по цепочке.

Поднебеснов, закончив осмотр и чистку пулемета, отправляется к комиссару.

— Петр Иосифович, что случилось? Почему на правом фланге замолчал пулемет? Может, боеприпасы вышли или что с пулеметчиком? — встревожился комиссар.

— Там Бондаренко. Этот не подведет.

— А ты видишь: немцы накапливаются, чувствуют свою безнаказанность. Что будем делать?

— Товарищ комиссар, я сейчас проберусь туда сам. Меня прикроет пулемет, который я только что отремонтировал. А Торшин поведет огонь по скоплению немцев со своего фланга. Они под пули не полезут, боятся. Видите, сколько валяется там их убитых.

— Желаю удачи, дорогой!

И Поднебеснов скрытно направился на правый фланг.

Блиндаж, оборудованный в развалинах углового здания, молчал. У пулемета копался второй номер. Рядом лежал накрытый плащ-палаткой убитый пулеметчик. Петр снял пилотку, утер ею слезы, поцеловал погибшего и быстро — к пулемету. Особой поломки не произошло, просто заклинило ленту. Восстановив пулемет, Поднебеснов осмотрел боеприпасы. С вечера на эту точку было доставлено достаточное количество патронов. Осмотром Петр Иосифович остался удовлетворен. И проговорив: «Ну, что же, Васек, воевать можно, приступим», — лег за пулемет.

Перед ним в ста метрах ползли немцы. «Ишь ты, что придумали. А ну-ка, «максимушка», не подведи, родненький!» И как бы в ответ застрочил «максим» короткими очередями свою любимую песню. Заметались немцы, попав неожиданно для себя под губительный огонь пулемета Петра Поднебеснова. Тот настолько увлекся боем, что за-

был о себе и необходимых мерах предосторожности. Ему нужно было для безопасности укрыться в подвале. Забыв это правило, которому сам учил своих солдат, он подверг себя смертельной опасности. Эта пулеметная точка была самой активной в обороне, ее не раз засекали и подавляли, но она продолжала действовать. Четыре пулеметных расчета за все эти дни обороны были выведены из строя, а пулемет продолжал извергать свой смертоносный огонь. И на сей раз противник устроил охоту на Поднебеснова. На угол здания обрушился шквальный артиллерийский и минометный огонь. Прорвавшийся фашистский танк начал бить прямой наводкой по амбразуре. Метким выстрелом из противотанкового ружья он был подбит, загорелся. А когда экипаж выскочил из машины, вновь точно сработала короткая очередь пулемета Поднебеснова, танкисты были уничтожены.

Противник усилил удар по огневой точке Поднебеснова. И наступила развязка — от прямого попадания снаряда в амбразуру погибли Петр Иосифович Поднебеснов и его второй номер, был разбит и пулемет. В довершение прямым попаданием тяжелого снаряда была обрушена кирпичная стена, защищавшая огневую точку. Тяжелая каменная глыба накрыла героев. Перестали биться еще два горячих сердца патриотов Родины, верных сынов Алтая. На земле Сталинграда закончил свою жизнь пламенный коммунист, который родился, жил, мужал, формировался как советский гражданин в горной Кольвани на Алтае, на знаменитом камнерезном заводе. В Кольванской средней школе, в экспозиции музея боевой славы, на стендах, посвященных 42-й бригаде, имя Петра Иосифовича Поднебеснова стоит в первых строках. На небольшой площадке у проходной камнерезного завода, прижатой к скалистой горе, встал образ Алеши — русского солдата в Болгарии. Копию этого всемирно известного монумента сделали русские камнерезы с Алтая — в память о павших в Великую Отечественную войну кольванцах. Их имена высечены на мемориальной плите.

В канун 30-летия Победы мне довелось быть гостем кольванских школьников, увидеть неопишуемой красоты монумент павшим односельчанам — так и хотелось назвать его не Алешей, а Петрушей, вспомнить человека, о котором идет речь. Памятный эпизод произошел здесь. Ребятам я много рассказывал о подвиге и личности Петра Поднебеснова. Пожилые люди, его сверстники, решили проверить, помню ли я его в лицо. Мы стояли на крыльце

поселкового Совета. Председатель, увидев подходивших к нам трех женщин, сказал мне: «Одна среди них — сестра Петра Иосифовича. Угадаешь?» Я внимательно посмотрел на каждую и уверенно показал на одну из них — уж очень сестра походила на брата. Мы обнялись, расцеловались. Разговор получился душевный, доверительный.

Но вернемся в Сталинград 25 сентября 1942 года. В смертельном бою потеря огневой точки Поднебеснова поставила под удар весь малочисленный гарнизон у драмтеатра. «Продержаться бы до ночи, иначе нас сомнут», — отчетливо понимал комиссар Козырев. И как бы проникнув в его мысли, в эти тягчайшие минуты проявил исключительную находчивость и отвагу командир пулеметного взвода Дмитрий Торшин. С риском для жизни он с группой бойцов занес на второй этаж драмтеатра два пулемета, установил их на бывших огневых точках, где уже погибли два расчета. За один пулемет лег сам. И вновь в наступающих врагов полетели короткие убийственные очереди. И вновь была остановлена атака врага. Время выиграно, хотя бы немного, но выиграно. Чертовски медленно движется оно. Где ты, спасительная ночка? Вот солнце склонилось к закату. Темнеет. Но не выдохлись еще гитлеровцы. Они лезут напролом. Боеприпасов больше нет, остался лишь неприкосновенный запас. Комиссар Козырев принимает смелое решение: вырваться из осажденной крепости, незаметно уйти — пусть немцы продолжают штурмовать драмтеатр. Уйти, чтобы соединиться с батальонами Жукова и Белозерова. Ведь они уже числились в сводном батальоне Жукова.

Под покровом наконец-то сгустившейся темноты остатки гарнизона Козырева покинули драмтеатр, прорвались на улицу Краснознаменскую. Здесь сражались батальоны Жукова, Белозерова, разведрота Хлыбова, рота связи и другие. Прибытие группы Козырева усилило остатки бригады. Поделили оставшиеся боеприпасы, чем могли, покормили бойцов.

26 сентября. Утром бригада занимала прилегающие к Волге кварталы в районе Краснознаменской улицы от проспекта Ленина. Оставшиеся в живых батраковцы, заняв отведенные им здания или участки, образовав новые небольшие гарнизоны, продолжали удерживать их до последнего, защищая каждый дом, каждый подъезд, каждый перекресток. Своих позиций они не оставляли, лишь смерть или тяжелое ранение снимали их с боевых постов. И вновь душой обороны оставались комиссары Козырев,

Мартынов, парторг 4-го батальона Савва Пикуль, командир разведроты Хлыбов, возглавлявший роту связи Коньшин.

Распоряжением штаба 62-й армии остатки 42-й бригады были объединены в сводный батальон под командованием старшего лейтенанта Жукова и в оперативном порядке переподчинены 92-й бригаде. Однако ожесточенный натиск гитлеровцев не позволил претворить в жизнь это распоряжение. Да не лучшим было положение и 92-й бригады. Поэтому переподчинение фактически не осуществилось. До последнего часа бригада сражалась самостоятельно на этом сталинградском «пяточке». По той же причине — из-за боевой обстановки — бригада не была сведена в один батальон. Малочисленные остатки подразделений бригады продолжали сражаться, возглавляемые своими командирами и комиссарами. А те, в минуты смертельной опасности, вдохновляли бойцов на подвиг и личным примером, и зажигательным словом, совершали вместе с ними героические поступки. В моменты яростных атак врага они умело управляли боем, а требовалось — вступали в рукопашную схватку с гитлеровцами. Козырев, Мартынов, Хлыбов и другие лично сами истребили не один десяток фашистов. Командуя, поддерживая порядок и дисциплину, принимая в быстро меняющейся обстановке единственно верные решения, они и сами вели огонь, метали гранаты. В этот день политрук 3-й роты Костриков, например, умело руководил боем, сам уничтожил свыше тридцати гитлеровцев.

С утра до темной ночи шла смертельная схватка за каждую пядь сталинградской земли, за каждый квартал, примыкающий к Волге и Царице.

Вот передается по цепи: «На берегу Волги, у памятника Хальзунову, на сборном пункте ждут эвакуации более четырехсот тяжелораненых. Не допустите врага, защитите товарищей, спасите их от глумления». Эвакуация ведется только ночью. А днем враг армадой танков, самолетов, людей штурмует весь район, защищаемый бригадой. Но и при многократном перевесе сил он не может сломить наше сопротивление. Фашисты захватывают лишь те места и здания, где не осталось в живых ни одного бойца-батраковца. Практически каждый дом был окружен гитлеровцами, каждый стал крепостью, гарнизон которой стойко сражался в течение всего дня. Бойцы понимали: отступить нельзя — позади масса раненых, отступить некуда — позади Волга. «За Волгой для нас земли

нет!» — так решили защитники Сталинграда. Эту клятву сделали для себя законом и батраковцы. И стояли на смерть.

Ни тогда, ни позже, тем более теперь никому не удалось подробно описать подвиги батраковцев в тот день, массовый героизм осажденных гарнизонов. Это они остановили врага, отвлекли его на себя и держали его весь день до ночи, не допустили к Волге в районе устья реки Царицы, дали возможность переправить раненых.

Уже к обеду немцы прорвались к командному пункту 4-го батальона Жукова, окружили его. Управление боем прекратилось. Шел жестокий бой за командный пункт до самой поздней ночи. На набережной Волги сохранилось старое здание Дома пионеров. Здесь размещался штаб батальона Жукова. Это был последний бастион защитников центра Сталинграда.

Вот так написал я в политдонесении 27 сентября 1942 года: «КП батальона был окружен. В течение пяти часов отбивались от наседавшего противника. Бились гранатами, прикладами и ружейным огнем. В этом бою с изумительной отвагой действовали начальник штаба батальона, член ВКП(б) старший лейтенант тов. Трунцев, секретарь комсомольского бюро младший политрук тов. Пучков, комбат старший лейтенант Жуков. Они в упор расстреливали лезших немцев. Тов. Трунцев лично бросил 7 гранат по группам фашистов. Связной комбата комсомолец Богданов разыскал противотанковое ружье, застрелил танкиста, звавшего сдаться в плен, а танк поджег первым же выстрелом из ПТР.

В результате боя за КП тяжело ранен секретарь партбюро старший политрук Савва Пикуль (скончался) и секретарь бюро ВЛКСМ младший политрук Костя Пучков. В этих боях батальон уничтожил пять танков, истребил несколько сот фашистов...»

Обратимся еще к одной публикации журналиста Н. Попова «Краснофлотский бастион»:

«На углу улицы Ленина и набережной стоит новый пятиэтажный дом. Пожалуй, только у старожилов сохранилось в памяти здание, которое стояло на этом месте до войны: двухэтажный особняк царицинского миллионера, купца первой гильдии Воронина. Вскоре после революции здание было переоборудовано для нужд самых юных граждан города — пионеров.

Не раз здесь бывал в детстве и пионер Федя Жуков. Он помнит, когда их, ребят, привозили из Ленинска на

Д. С. Трунцев.

С. М. Пикуль.

торжественные линейки и сборы. В такие дни перед ними широко открывались массивные двери Дворца.

...Когда к зданию подошла группа моряков Федора Жукова, командира 4-го батальона 42-й бригады, дверные полотна, раскиданные взрывной волной, валялись перед входом под обломками кирпича и штукатурки. Вместо крыши над просторным холлом свешивались погнутые металлические балки и арматура. На широкой лестнице были заметны остатки обгоревшей ковровой дорожки и обожженные огнем перила красного дерева. Смотрел комбат на разрушения и вспоминал когда-то залитые электрическим светом залы Дворца.

Сюда, во Дворец пионеров сходились бойцы 4-го батальона. Утром, обойдя здание, пунктуальный старшина доложил:

— На оборонительных рубежах в строю тридцать человек.

Наступало утро 25 сентября 1942 года.

— По набережной справа два танка, — доложил подбежавший моряк.

Выбрав из ящика две гранаты, поднялся Федор Жуков. Приказал: «За мной, товарищи!»

— Отойти, комбат! — это старшина. Сейчас у него

посуровело лицо. Еще глубже запали глаза. На голове вместо пилотки бескозырка. — Ты здесь распорядись, комбат. Поддержи огоньком сверху. А там мы без тебя управимся. — И уходя добавил: — Не бойся, комбат. Будет порядок. Морской порядок. — И позвал друзей: — Николай, Сашка, пошли!

Через несколько минут все трое скрылись в развалинах соседнего дома.

На переднем танке стояла огнеметная установка. Из сопла вырывалась коптящая огненная масса, опаляющая оконные проемы зданий. Другой танк вел огонь из пулемета и пушки.

Один за другим раздалась три взрыва. Наблюдавший с крыши дома моряк крикнул:

— Есть, товарищ комбат! Молодец, старшина, так их! — И приник к пулемету, отсекая автоматчиков.

За стеной раздался еще один глухой взрыв — взорвался горящий танк. Старшина на бастион не вернулся. Раненый Николай принес его окровавленную бескозырку. На черной ленточке светилась короткая надпись: «Северный флот».

Перед вечером, поддерживаемая минометным огнем, началась очередная атака автоматчиков.

— Когда немцы приблизились, я опять хотел возглавить контратаку и дал команду приготовиться, — вспоминает Жуков. — И опять меня остановили. Теперь уже старшина первой статьи Егор Колосов. Он сказал просто: «Комбат, мы все сделаем сами».

Через несколько минут раздалось: «Полундра!». Взорвались гранаты — работала краснофлотская «карманная артиллерия». С задания не вернулись четыре человека. Егор Колосов был ранен.

Вечером 27 сентября комбат послал для связи на левый берег трех человек. Напутствуя их, он сказал: «Любыми средствами добраться на тот берег. Доложить обстановку. Поддержат «огоньком» — продержимся и мы».

За старшего группы пошел Николай Сорокин.

Уже позднее комбат узнал, что один из посланных был убит на воде, судьба второго осталась неизвестна. Сорокина, раненого, снесло течением на остров Голодный, где его подобрала морская бригада из 92-й бригады. «Огонька» жуковцы не получили. И когда их осталось в живых пятеро, они покинули бастион. На всех был один патрон в пистолете командира батальона».

С наступлением ночи было принято решение об эвакуа-

ции остатков бригады. Началось изготовление средств переправы. Из бревен, бочек сколачивали плоты. На них начали переправляться по 4—5 человек. К раненым провалились четыре катера. Началась их погрузка.

До сих пор не могу без содрогания вспомнить тот кошмарный ночной путь через Волгу. Вся река обстреливалась кинжальным пулеметным огнем и артиллерией. Стояла леденящая холодная ночь. Люди на утленьких плотиках плыли по пояс в ледяной воде. А сплошной огонь делал свое дело. Редко на каком плоту обошлось без убитых или раненых, пассажиры многих полностью погибли.

Ни тогда, ни тем более теперь невозможно установить, сколько человек отплыло от устья Царицы. Многих отнесло на десятки километров от Красной Слободы. Их подбирали воины 64-й армии. Словом, это была кошмарная ночь. Всего в эту ночь переправились за Волгу 35 человек. Только 35!

В эту же ночь четыре бронекатера перевезли на другой берег Волги 350 раненых защитников Сталинграда.

В этот памятный и трагический день все небольшие гарнизоны батраковцев во главе с Козыревым, Мартыновым, Хлыбовым пали смертью героев. Они погибли, но своим подвигом спасли беззащитных, тяжело раненных солдат. Умирая, они несли смерть немецким захватчикам, перемалывали живую силу врага, истребляли его танки. Расставаясь с жизнью, защитники Сталинграда верили в жизнь, верили в нашу победу, приближали путь к ней.

За два дня до этих событий мне пришлось побывать на КП 3-го стрелкового батальона, встретиться с комиссаром Николаем Прокопьевичем Козыревым. Я всегда в душе восхищался его интеллигентностью, партийностью, скромностью. Он, бывший редактор газеты «Сельская жизнь» (в Новосибирске), никогда не пытался возвыситься над собеседником, показать свое превосходство в знаниях, уме, эрудированности. А знал он чертовски много, но любой его собеседник чувствовал себя с ним на равных. Николая Прокопьевича любили бойцы, командиры батальона, его уважали все политотдельцы. С большой отцовской теплотой показал он мне тогда фотографии своих сыновей: «Это Лева, 1934 года рождения, мужик, восемь лет. А это Витя, 4 года. Как люблю я своих детей, как хочу повидаться с ними...»

Эта последняя беседа с Козыревым запала мне в душу на всю жизнь. Не суждено было Николаю Прокопьевичу увидеть своих детей. Лишь через тридцать с лишним

лет, будучи у комбрига Матвея Степановича Батракова, повстречался я с сыновьями Козырева — Львом и Виктором. Эту встречу устроила супруга М. С. Батракова — Маргарита Мартыновна. Мне было о чем рассказать им...

24 дня и ночи защищала 42-я бригада Сталинград, из них восемь суток сражалась непосредственно в городе. До последнего дня она держалась стойко, мужественно, отважно, как положено сибирякам и морякам. Здесь, в центре, бригада растаяла, обеспечив себе бессмертие. Каждый дом, каждый квартал и улица, каждый перекресток, каждый клочок земли красивейшего центра сегодняшнего Волгограда пропитаны кровью батраковцев.

ПОСЕЛОК БАРИКАДЫ

Военсовет 62-й армии поставил перед бригадой задачу: переправиться снова на правый берег Волги, в заводской район, и отбить у противника поселок Баррикады.

28 и 29 сентября были днями активной подготовки к выполнению приказа. Новый командир бригады подполковник Зот Кузьмич Горбачев, новый комиссар Андрей Михайлович Цымбал, новый начальник политотдела Мефодий Доценко, новый начальник штаба Илларион Петрович Аверичев знакомились с личным составом на ходу. Каждый стрелковый и пулеметный батальон получил задание сформировать полнокровную сводную стрелковую роту и во главе с комбатом войти в состав сводного батальона бригады, который возглавил старший лейтенант Федор Жуков.

Вместе с двумястами стрелками переправились на правый берег Волги поредевшие силы минометного батальона Веселова, батарея 45-миллиметровых пушек, взвод пулеметчиков, саперная рота, рота связи и другие. Артиллерийский и минометный дивизионы остались за Волгой. Они по-прежнему должны были поддерживать своим огнем боевые действия бригады.

В ночь на 30 сентября сформированная в таком составе бригада вместе со штабом вновь вернулась в горящий город и еще 18 суток сражалась на опаленной сталинградской земле.

Через сутки на наш левый фланг переправилась 308-я стрелковая дивизия сибиряков.

Заняв отведенные позиции, несмотря на малочисленный состав, бригада не только отражала яростные атаки противника, но и сама успешно атаковала его. Так, второго октября она штурмом овладела рабочим поселком Баррикады. В этом бою был ранен комбат Федор Жуков, его заменил комбат-первый П. Е. Белозеров.

Новый рубеж бригады опять стал местом жестоких, кровопролитных боев. Уже 3 октября немцы весь день контратаковали нас. В этот день бригада понесла невосполнимые потери — выбыли из строя сразу 140 человек. Но враг все равно не прошел. А места своих товарищей на передовой заняли немногие оставшиеся в живых работники тылов и служб бригады, охрану штаба взяли на себя его работники.

Четвертого октября на нашем участке фронта произошло неслыханное злодеяние фашистских захватчиков. Начавшаяся с самого утра яростная бомбежка и обстрел наших позиций неожиданно прекратились. Прошло более десяти минут, а над окопами не разорвалось ни одной вражеской мины.

— Товарищ лейтенант, из-за домов показались люди, — доложил наблюдатель командиру роты Андрееву.

Было видно, что за руинами на улице начала собираться толпа безоружных женщин и детей.

— Не стрелять, — приказал лейтенант, а сам был в недоумении: что это за люди? Зачем они выбрались из подвалов? — И доложил комбату Белозерову. Тот быстро пришел в роту.

Народу в толпе становилось все больше. Вот она пришла в движение и двинулась по дороге на наши окопы.

— За толпой — немецкие автоматчики, с полсотни, — доложил наблюдатель. И выругался: — Вот сволочи, что придумали — за баб и ребятишек прятаться!

— Что будем делать? — спросил старший политрук Пилипенко. — Не бить же по своим!

И Белозеров решил устроить засаду — пропустить ближе к переднему краю мирных жителей, а затем с флангов ударить по фашистам, отрезав их от советских людей. На обоих флангах находились наши штурмовые группы. К ним и были направлены связные с приказами Белозерова.

Выглянувшее из-за туч осеннее солнце осветило приближающуюся толпу. Впереди всех шла высокая женщина. Она прижимала к себе ребенка, кутая его в накинутую на плечи шаль. До окопов оставалось метров сто. Уже мож-

но было рассмотреть лица людей. Напряжение нарастало с каждой минутой. Хорошо были слышны голоса гитлеровцев. Грубыми окриками они подгоняли женщин и детей. Изредка сзади раздавалась короткая очередь, и тогда кто-нибудь из идущих падал.

Вот толпа уже в пятидесяти метрах. Идущие впереди поняли, что близко свои. Выбежавшая из толпы девушка, взмахнув платком, крикнула:

— Стреляйте гадов, не жалейте нас! — И запела: — Это есть наш последний и решительный бой...

Песню оборвал выстрел, раздавшийся сзади. Окровавленная девушка упала лицом вниз, обняв широко раскинутыми руками свою родную сталинградскую землю. Это явилось сигналом для нашей засады. Точными выстрелами разил врага комсомолец снайпер Сидельников, укрывшийся на правом фланге. Он прибыл в Сталинград, уже имея на счету 62 истребленных гитлеровца. Удачно замаскировавшись среди завала камней, он спокойно укладывал одного за другим фашистских мерзавцев. В этот день Сидельников довел свой счет уничтоженных гитлеровцев до 87.

Когда слева раздалась пулеметная очередь группы Андреева, главные силы фашистов были отрезаны от мирных жителей и большинство уничтожено. Женщины и дети, услышав выстрелы, бросились врассыпную. Некоторые были убиты гитлеровцами, остальные разбежались.

Обозленные неудачей, фашисты предприняли новые яростные атаки, которые окончились тем же плачевным для них итогом. Враг не прошел.

Об этих новых гнусных методах зверского надругательства над беззащитными мирными жителями мы доложили политотделу армии специальным политдонесением. Бойцы и командиры бригады еще больше возненавидели после случившегося бесчеловечного врага, стали еще более стойкими в отражении его атак.

Пройдут годы, и об этом кровавом и жестоком изуверстве гитлеровцев в Сталинграде расскажет журналист Н. С. Попов на страницах волгоградских газет «Молодой ленинец» и «Строитель» в январе и феврале 1972 года. Он искал живых свидетелей той атаки. И нашел. Ровно через тридцать лет газета «Молодой ленинец» 18 ноября 1972 года опубликовала его статью «Хозяйка белого дома». На призыв журналиста откликнулась жительница Волгограда Анна Тимофеевна Копелец. Вот что она рассказала:

«Мне трудно вспоминать те времена. Я помню довоенный Сталинград цветущим, зеленым городом. А потом охваченные пожарами дома, взрывы бомб и снарядов, искалеченные тела женщин и детей.

Мы жили на Нижегородской улице, в доме № 6. Это было почти рядом с главной переправой. И первые бомбы, сброшенные гитлеровцами, достались нам. 23 августа нам пришлось перебраться к матери, которая жила на Полковой улице. Но и здесь нас настигли фашистские бомбы. Во время очередного налета от прямого попадания погибли мать и сестра.

В первых числах октября 1942 года к нашим домам прорвалась большая группа немецких автоматчиков. Офицер и солдаты стали выгонять жителей из укрытий. Набралось много женщин и детей. Выставив нас перед собой, фашисты погнали перепуганных людей в заводскую сторону. А потом мы заметили впереди красноармейцев.

— Разбегайтесь! — крикнул кто-то.

А куда было бежать? У меня на руках полуторагодовалая дочка Виолетта, рядом — четырнадцатилетняя Валя и двое племяншей от погибшей сестры. Да и около каждой женщины, как цыплята около наседки, по несколько детей — своих и подобранных.

— Стоять смирно! — крикнул по-русски немецкий офицер и, подняв пистолет, выстрелил. В тот момент я только почувствовала, как вдруг обмякло у меня на руках тельце девочки. И только потом, когда наши, окружив немцев, отбили нас, я поняла, что потеряла младшую дочь навсегда. Часто и сейчас, когда кругом становится особенно тихо, я слышу тот одинокий выстрел».

Вскоре Анну Тимофеевну, обремененную детьми, переправили на левый берег. А там, устроив племянников, она вместе с дочерью пошла в штаб бывшей пятой ударной армии и предложила свои услуги. С полевым госпиталем она вместе с дочерью прошла дорогами войны от Сталинграда до Берлина.

В те дни, когда гитлеровцы совершили это злодеяние, во всех подразделениях бригады были проведены летучие митинги. О них узнали и в соседних частях. Народ негодовал. Еще жгучей становилась ненависть к врагу.

Страна готовилась к 25-й годовщине Октября. Затаив дыхание, советские люди следили за исходом Сталинградской битвы. Фронт и тыл горели одним стремлением — как можно быстрее разгромить жестокого врага. И несмотря на тяжелейшие, кровопролитнейшие бои, пар-

Е. А. Косарев.

горим лютой ненавистью к врагу. И не жалея сил и жизни своей, отвечая на призыв гвардейцев части Родимцева, включаясь в предоктябрьское социалистическое соревнование, призываем бойцов, командиров и политработников нашего соединения увеличить свой боевой счет уничтоженных фашистов, умножать традиции героев Сталинграда и дивизиона; каждой нашей миной поражать цель».

Подписали этот документ десять человек: командир дивизиона старший лейтенант Розовик, военком Келехсаев, парторг Долгушин, комсорг Ротаев, командир второй батареи лейтенант Баев, минометчики Петров, Гнедой, Косарев, Ключ, Белоконь. Эта клятва была выполнена всеми воинами бригады — живыми и павшими, минометчиками и артиллеристами, пулеметчиками и стрелками, саперами и разведчиками, медиками и связистами.

Находясь все время за Волгой, минометчики и артиллеристы бригады в течение всей героической Сталинградской битвы вели сокрушительный огонь по врагу, нанося ему ощутимый урон. Они были главной ударной силой в эти дни в защите рубежей бригады в заводском районе. Ведь именно здесь, на переднем крае обороны бригады, иногда действовало всего от 30 до 60 бойцов-пехотинцев, образующих штурмовые группы.

тийные органы бригады вели большую политическую работу. На митингах и собраниях бойцы принимали боевые предпраздничные социалистические обязательства по разгрому врага, подавали заявления с просьбой принять их в партию большевиков. Только в дивизионе 120-миллиметровых минометов в те дни было рассмотрено семь таких заявлений.

К политдонесению за 11 октября 1942 года приложено боевое социалистическое обязательство инициатора предоктябрьского соревнования — минометного дивизиона 120-миллиметровых минометов. Есть в этом документе такие слова: «Мы

«Наступило 14 октября — день начала небывалых по жестокости боев» (В. И. Чуйков «Начало пути»). Гитлеровцы предприняли новое крупномасштабное наступление. Десять дней они неудержимо штурмовали боевые порядки 62-й армии. Неисчислимо превосходя по силам наши соединения, противник значительно потеснил армию, разрезав ее надвое. Но своей цели он так и не достиг — его вновь обескровили защитники волжской твердыни. Он выдохся и не смог дальше наступать.

В ночь на 15 октября получил тяжелое ранение и автор этих воспоминаний.

17 октября приказом командования 62-й армии, как малочисленная, бригада отводилась на переформирование. Штаб бригады, штабы подразделений, различные службы были переправлены за Волгу. Весь рядовой личный состав стрелков и минометчиков вместе с материальной частью были влиты в 308-ю стрелковую дивизию. Бригада начала новый этап своей биографии.

Примечательно, что все 18 дней оборонительных боев в заводской части поселка Баррикады малочисленный коллектив оставался стойким, боевым и сплоченным. Многие офицеры не пожелали уйти из Сталинграда и их просьбы командование армии удовлетворило. Так, начальник штаба майор Аверичев стал начальником штаба 92-й бригады. Это ему принадлежат знаменитые слова: «Я не верю в смерть, я ее презираю!» В своем дневнике он записал 12 ноября: «Подполковник Горбачев — командир 42-й отдельной стрелковой бригады неистовствует, так как командиры его бригады один за другим уходят снова на правый берег Волги».

В дивизию Людникова начальником артиллерии ушел майор Николай Юров, вместо него начальником артиллерии стал капитан Федор Федорович Бондаренко. Штабным работником в эту же дивизию ушел старший лейтенант Александр Иванович Струлев. Еще раньше — 9 октября был отозван прославленный комиссар минометного батальона Владимир Макарович Савчинский и назначен комиссаром полка в 308-ю стрелковую дивизию Гуртьева. С ним ушел связной Федор Шевелев.

Все воины бригады — рядовые и командиры — глубоко верили в нашу победу. С этой верой они шли на смертельную схватку с врагом и не отступали перед его мощью. Эту веру укрепляли ежедневно и партийные организации, политработники находили время для повседневной работы с людьми. Газеты, журналы, листовки, бро-

шюры доходили до каждого бойца. Авторитет партии, коммунистов был так высок, что именно в эти тяжелейшие дни войны стремились вступить в партию. В свободные минуты, в часы затишья шли бурные дискуссии по многим вопросам, волновавшим фронтовиков, проводились политзанятия.

Особенно запала тогда в душу пьеса А. Корнейчука «Фронт». У нас она появилась в начале октября 1942 года. Ее прочитали все бойцы и командиры. По ней состоялись специальные занятия с командирами и политработниками. Их проводили начальник политотдела Доценко, комиссар Цымбал, секретарь парткомиссии Каштан, комиссар минометного дивизиона Келехсаев.

«Бригада Батракова представляла собой великолепный по боевым и человеческим качествам сплав солдат-сибиряков и североморцев. Эта часть уничтожила на подступах к Волге десятки фашистских танков, а каждый ее боец, как считали тогда, не меньше трех фашистов.

С самого начала 42-я бригада зарекомендовала себя исключительно стойкой. Такой она и вошла в историю Сталинградской битвы», — писал маршал Н. И. Крылов в книге «Сталинградский рубеж».

Всего сорок один день участвовала 42-я бригада в Сталинградской битве, но внесла весомую лепту в завоевание победы под Сталинградом. По данным Министерства обороны (ЦАМО, фонд 8-й гвардейской армии, оп. 5502, д. 17), бригада истребила свыше 14 тысяч немецко-фашистских захватчиков, уничтожила свыше 70 танков врага, шесть орудийных и минометных батарей, свыше двухсот автомашин с войсками и грузами, сбила четыре самолета Ю-88, разрушила несколько складов с боеприпасами и продовольствием. В тяжелых и кровопролитных боях и она понесла немалые потери.

Родина высоко оценила подвиг бригады в Сталинграде — наградила ее орденом Красного Знамени.

Однако в тот смертельно опасный период боев не на жизнь, а на смерть, когда битва не утихала ни днем, ни ночью, о наградах думать было некогда. Надо было выстоять, выиграть сражение, а тогда уже претендовать на какие-то знаки отличия. Но каждый день гибли бойцы и командиры. Некому стало представлять к награждению и некого. Вот почему так и остались в Сталинграде беспримерные подвиги батраковцев без наград. Вот почему выжившие говорят: все мы награждены одним орденом — Красного Знамени. Он на всех один!

Отведенная за Волгу 17 октября для нового формирования, бригада, ее штаб, все ее службы, штабы подразделений вплоть до января 1943 года оставались на хуторе, в тылу, а наши артиллерийский и минометный дивизионы так и стояли на своих прежних позициях и продолжали крушить врага, выполняя боевые задания командования 62-й армии.

Примечательно, что в исторический и долгожданный день начала наступления советских войск под Сталинградом — 19 ноября 1942 года — именно батарее лейтенанта Петра Баева из 42-й бригады было предоставлено почетное право первой открыть огонь по скоплениям неприятельской пехоты и тем возвестить о крушении всех планов Гитлера под Сталинградом, о нашей победе в этой грандиозной битве. Батарея Баева вела огонь по фашистам, засевшим на главной высоте города — Мамаевом кургане.

В ОДНОМ СТРОЮ С АТАКУЮЩИМИ

Комсомольская юность 30-х годов, готовившая себя к грядущим боям с фашизмом, готовилась и к санитарной обороне. Но не каждый представлял, какая нагрузка ляжет на плечи медико-санитарной службы. А служба эта, скажем прямо, равная по значимости заслугам атакующих и штурмующих, остается в тени, на заднем плане. И лишь в ожесточенных и кровопролитных боях обнажает себя выпукло, убедительно, становится незаменимой. Своими корнями она, эта мирная служба, выросла в боевые порядки бригады, и в самые тягчайшие моменты проявлялись ее высокие, благородные, героические качества.

А начинается эта служба с индивидуального пакета, находящегося у каждого воина, как правило, в противогазной сумке. Каждый боец должен владеть им по всем правилам медицинского искусства.

Первыми представителями медицины являются санитар и санинструктор. Они назначаются из рядовых солдат отделения или взвода всех родов войск. Это самая представительная по численности группа санитарной службы. Санинструктор — и стрелок-автоматчик, и минометчик-артиллерист, и сапер, и связист. Но у него на поле боя самый видный знак отличия — санитарная сумка. Среди санинструкторов бригады было очень много девушек-добровольцев.

Всю первичную санитарную службу в батальонах, ди-

визионах и отдельных ротах возглавлял врач либо квалифицированный военфельдшер. В их подчинении имелась группа среднего медперсонала. В его обязанности входило: оказание первой помощи раненым, вынос их с поля боя и эвакуация; оказание неотложной помощи больным, обеспечение контроля за пищеблоками, за санитарным состоянием бойцов, за работой бани и т. д.

В состав штаба бригады входил начальник медслужбы. Он, от имени командования, решал все многогранные вопросы этой службы, осуществлял руководство ею. В бригаде эту должность занимал военврач майор Катунский, погибший героической смертью при спасении раненых во время бомбежки первого эшелона под Сталинградом.

Главную нагрузку службы несла отдельная медсанрота бригады. Она обслуживала походный госпиталь. По своему составу это был боевой, сплоченный коллектив высококвалифицированных военных врачей разных рангов, разных специальностей, высококвалифицированного среднего медперсонала военных фельдшеров, а также большого штата старшинского, сержантского и рядового состава, включая водителей санитарных машин.

В разгар жестоких боев, как правило, непосредственно у переднего края развертывал свою работу передовой хирургический отряд. Он размещался в лесу в брезентовых палатках, даже зимой, либо в уцелевших домах, либо в блиндажах и подвалах, как было в Сталинграде. При яростной бомбежке устанавливались хирургические столы и велись неотложные операции или перевязки раненых, зачастую в полумраке.

Героическими усилиями военных хирургов — Павла Яковлевича Мишина (и поныне работающего в Бийском госпитале), барнаульца Лаврентия Капитоновича Афанасьева, новосибирца Анатолия Васильевича Логинова (после войны — зав. кафедрой мединститута), киевлянина Владимира Васильевича Гомоляко, — их мастерством, талантом и человечностью не одна тысяча воинов бригады получили своевременную квалифицированную помощь и возвратились в строй.

В этом отряде снискали себе добрую славу девушки-медики. Рядом со своим мужем стояла ассистентом молодой врач Нина Алексеевна Мишина (Панферова). Бесменными операционными сестрами были военфельдшеры Нина Николаевна Толченицина, Клавдия Тимофеевна Аксенова, Люба Васильченко. Это они в тот страшный бой

Слева направо внизу: Н. А. Мишина (Панферова), А. Д. Мезенцева;
вверху: П. Я. Мишин, А. В. Логинов, Н. Н. Толченицина.

седьмого сентября в Дубовой балке, где скапливалось до пятисот тяжелораненых, по несколько суток не покидали операционную. И великим счастьем было подремать один-два часа где-нибудь в углу операционной. До сих пор при встречах однополчане всегда адресуют самые теплые слова благодарности врачам бригады: Саше Мальштейну, погибшему в сталинградских боях, Маргарите Мартыновне Батраковой, Антониде Давыдовне Мезенцевой, врачам батальонов Хрущалину и Григорьеву, начальнику аптеки Александру Кушениру. Они день и ночь не отходили от раненых бойцов, боролись за их жизнь и здоровье до последнего, делали все возможное и сверхчеловеческое для эвакуации раненых. А бывало, что и погибали вместе с ними, хотя одни, бросив раненых, могли и спастись.

Прошло свыше сорока лет. Периодически нам выпадает счастье повстречаться с боевыми товарищами. И на эти встречи приезжает немало женщин преклонных лет, убежденных сединами, а нам они по-прежнему видятся молодыми девчонками — с двумя-тремя кубарями в петлицах (воинское звание — военфельдшер). Валя Кузьмина, ныне Валентина Васильевна Литвинова, — врач краевого диспансера. Ответственный секретарь совета ветеранов брига-

ды, она проводит большую военно-патриотическую работу среди молодежи города. Это и три барнаульские Марии Михайловны — Войнова, Ена и Шадрина. Это и Маша Курлова из Белокурихи, и Нина Толченицина из Талды-Кургана...

К сожалению, нам до сих пор неизвестна судьба лаборантки Саши Каплан и санитарок Кати Орловой и Вали Суминой.

Это наши медички в суровых условиях Северо-Западного фронта создали художественную самодеятельность и каждый день весной и летом выступали в подразделениях. Душой самодеятельности была Валя Кузьмина — певица, исполнительница лирических песен. Ее фронтовой блокнот лежит передо мной. В нем перечислена увлекательная программа концертов: песни и пляски, стихи, сатира и юмор...

Был в медсанбате эвакуовзвод, его возглавлял молодой лейтенант Трофимов. Семь шоферов санитарных машин — барнаульцев, в любое время суток, в темноте и по бездорожью, при бомбежках и обстрелах пробирались к месту сбора раненых и обеспечивали их эвакуацию. В числе людей, особо отличившихся при защите Сталинграда, одиннадцатым названо имя шофера медсанроты Николая Александровича Цыганкова. Его боевыми друзьями были водители Иван Федяев, Александр Плотников, Петр Ефимов, Александр Кулашев, Дмитрий Пругов и Осипов. Сержант Анатолий Елизарович Куркин, санинструктор медсанроты, каких только дел ни выполнял: выносил с поля боя раненых, перевязывал их, при необходимости превращался в парикмахера... Своей душевной теплотой он поднимал настроение бойцам. Сам он получил на фронте тяжелое ранение в ногу. До сих пор Анатолий Елизарович является активным членом совета ветеранов бригады.

Наша землячка из Троицкого санинструктор первого стрелкового батальона Елизавета Павловна Алфертьева в то время была невысокой молодой девушкой, на вид не обладавшей большой силой. Но ее знала вся бригада. Это она, Лиза Алфертьева, вынесла с поля боя свыше четырехсот раненых бойцов. И по глубокому снегу в жгучий мороз, и в знойное, пыльное бабье лето в Сталинграде Лиза ползала по-пластунски и на своих плечах выносила раненых с поля боя. Откуда бралась у нее такая сила? Она одной из первых стала коммунисткой, награждена правительственными наградами.

Я читаю итоги боев бригады за Сталинград. И в числе двадцати лучших бойцов, проявивших выдающееся муже-

Е. П. Алфертьева.

ние в челюсть и ноги. Когда при разрыве мины блеснул огонь и что-то ударило в голову, у меня промелькнула только одна мысль: «Как легко умирать». И я потерял сознание. Через какое-то время очнулся от страшной боли в ноге и невольно застонал. Была темная ночь. Я понял, что меня кто-то несет на своих плечах. В ответ на стон я услышал грозный женский голос: «Замолчать! Иначе брошу! Нас обоих убьют!» Не подчиниться было нельзя. То была Тася Назарова. Откуда она взялась ночью, так до сих пор для меня остается загадкой. Она доставила меня к берегу Волги, укрыла в безопасном месте, доложила о моем ранении в политотдел. Вскоре появились военфельдшер Саша Наговицин с двумя бойцами и я был эвакуирован за Волгу, в медсанроту. Так Тася спасла мне жизнь. К сожалению, последующая ее судьба для нас осталась неизвестной.

ство и отвагу, девятым в списке вижу имя военфельдшера 3-го стрелкового батальона Таисии Тимофеевны Назаровой. Она отлично стреляла из своего ТТ, готовилась стать сверхметким стрелком. Ее так и прозвали: Тася-ТТ. Под ураганным огнем, при воздушных бомбежках она бесстрашно пробиралась на поле боя, переползая от бойца к бойцу. И если в ком-то хоть чуть теплилась жизнь, она выносила его в безопасное место, оказывала первую помощь.

В ночь на 15 октября, проверяя передний край обороны, при минометном обстреле я получил тяжелое ране-

ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ!

В январе 1943 года бригада отбыла в Саратовскую область для формирования всех воинских подразделений и служб. А затем была направлена на Курскую дугу — западнее Льгова. Там она вела оборонительные бои.

В. М. Переходько.

Емельянович Даниленко и другие — прошли весь ее боевой путь: от дней рождения бригады в Барнауле до конца войны (в составе 226-й дивизии).

226-я стрелковая дивизия полковника Петренко также покрыла свои боевые знамена неувядаемой славой. Двадцать два месяца — почти два года! — с ожесточенными боями шла она к победе. За это время двенадцать раз за взятие городов ей салютовала Москва.

30 августа 1943 года за освобождение города Глухова дивизии объявлена благодарность и присвоено наименование «Глуховская», в честь одержанной ею победы был произведен салют в Москве.

6 ноября 1943 года за форсирование Днепра и освобождение Киева 226-й стрелковой дивизии объявлена благодарность и присвоено наименование Киевская. Она стала именоваться: 226-я Глуховско-Киевская стрелковая дивизия. Отмечая эту победу, Москва вновь салютовала в честь дивизии.

За форсирование Днепра, за штурм Киева свыше двадцати воинов дивизии стали Героями Советского Союза. Среди них — замполит полка Михаил Иванович Читалин. Удостоен боевых наград и Петр Ефимович Белозеров.

В августе 1943 года из двух бригад была сформирована 226-я стрелковая дивизия. Это было накануне великого летнего сражения. Из воинов 42-й бригады был сформирован стрелковый полк под командованием майора Петра Ефимовича Белозерова. Его заместителем стал старший лейтенант Михаил Иванович Читалин. Командиром дивизии был полковник Василий Яковлевич Петренко. В дивизии продолжались и приумножались славные боевые традиции батраковцев из 42-й бригады.

Многие ветераны бригады — Василий Мартынович Переходько, Алексей Григорьевич Кухленко, Василий

17 ноября 1943 года за овладение городом Коростень (первым туда ворвался полк П. Е. Белозерова) 226-ю Глуховско-Киевскую стрелковую дивизию, в третий раз отличившуюся в боях с немецко-фашистскими захватчиками, представили к награждению орденом Красного Знамени и к ее названию добавилось: 226-я ордена Красного Знамени... И новый салют Москвы.

В последующие месяцы дивизия была удостоена благодарностей и салютов в столице Родины за освобождение городов: Шепетовки — 11 февраля 1944 года, Шумска и Ямполья — 4 марта, за овладение городами: Дембица на Краковском направлении — 23 августа 1944 года, Краков — 19 января 1945 года. Еще четыре раза 226-я Краснознаменная Глуховско-Киевская стрелковая дивизия получала благодарности от Верховного Главнокомандующего за взятие городов: Котовице, Реутен, Нейштадт, Нейсе, Ротебор и Бискау.

8 мая 1945 года, после взятия городов Опава (Тропау) и Оломоуц в Чехословакии, дивизия закончила войну. Ей еще раз салютовала Москва, а на ее знамени появился еще один орден — Суворова первой степени. Позднее дивизия была расформирована.

Так закончился почти четырехлетний боевой путь моих однополчан к победе. На этом трудном, тернистом пути они многое пережили: мороз и жару, голод, ранения, смерть дорогих товарищей.

Дорогая цена была отдана за нашу победу. И она пришла, наступил праздник и на нашей улице! Все тяжкие годы войны мы в него верили, приближали его всем, чем могли, даже ценой многих жизней.

ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ

«На Мамаевом кургане тишина. На Мамаевом кургане похоронена война» — эти стихотворные строки широко известны. Слева, у входа в зал воинской славы на Мамаевом кургане, высечены метровой высоты слова: «Железный ветер бил им в лицо, а они все шли и шли. И снова чувство суеверного страха охватывало врага: люди ли идут, смертны ли они?!» А внутри зала воинской славы горит Вечный огонь памяти, звучит траурная мелодия. На куполообразной стене на мозаичных знаменах написаны имена павших. Их очень много — более двадцати тысяч.

На четвертом знамени фамилии воинов 42-й бригады — всего лишь восемь человек:

ст. лейтенант Амельченков

ст. политрук Позолотин П. М.

ст. политрук Рылов В. Ф.

полковник Сазонов

политрук Соцкий И. М.

лейтенант Сидоров

ст. политрук Тарасов

полковой комиссар Шапин С. Н.

А над знаменами по всему куполообразному кругу идет надпись: «Да, мы были простыми смертными. И хотя мало кто из нас уцелел, но все мы выполнили свой священный, патриотический долг перед матерью Родиной!»

Да, мало кто из нас уцелел. Очень мало. А те, кому выпало счастье дожить до победы, всегда будут помнить своих погибших однополчан. И их на Параде Победы в Москве от 42-й бригады представляли полный кавалер орденов Славы разведчик Николай Тарасович Трибунский, кавалеры многих наград Родины подполковник Владимир Макарович Савчинский, пулеметчик Дмитрий Георгиевич Торшин, артиллерист Иван Петрович Нехорошев, подполковник Павел Иванович Денисенко.

Для многих фронтовиков конец войны означал возвращение домой, к мирному труду, к семьям. Как же истосковались они по дому, а их руки — по созидательной работе! И они с жадностью взялись за дела, чтобы скорее наладить жизнь, ликвидировать последствия войны.

Но еще многие годы снились им бомбежки и атаки. И не могли они посмотреть в глаза соседке, оставшейся вдовой, детям-сиротам. Муж ее и их отец погиб в яростной атаке рядом с ними, а жестокость боя даже не позволила похоронить его. И некуда деться от неслабеющей горечи утрат. И хотя они не виноваты, что выжили, а друг погиб, но все равно чувствуют себя виноватыми перед осиротевшей семьей. И чем могут, стараются смягчить боль ее утраты, прячут свои боевые награды, чтобы не мозолить ими глаза. Вырастают сыновья и дочери, появляются внуки. И от поколения к поколению передаются рассказы о подвигах фронтовиков, о памятных вехах войны.

Возрождая Родину, мы жили одной мечтой — скорее залечить раны войны. И эти раны затягивались на наших глазах. Уже через пару лет отменили карточную систему на продукты питания и промышленные товары, провели денежную реформу. Повеселел народ, приободрился.

А войну мы глубоко упрятали в своей памяти. Слишком тяжело было ворошить все ее страшные, черные дни.

Но вот прошли годы: десять, пятнадцать. Появилось новое поколение молодежи, не знавшей войны. И защемило душу от новой песни «Где же вы теперь, друзья-однополчане?»

А в самом деле — где? По всем уголкам Родины разбросала послевоенная судьба батраковцев. Попробуй узнай, найди.

Страна готовилась отмечать двадцатилетие Победы. Печать все чаще стала освещать летопись Великой Отечественной войны. Зарождалось и набирало силу военно-патриотическое движение красных следопытов, взявшихся за восстановление многих малоизвестных страниц народного подвига, за розыск участников войны.

В марте 1961 года ко мне обратился с письмом Волгоградский музей обороны с просьбой помочь в сборе материалов о 42-й бригаде — у них в музее о ней ничего не оказалось, лишь портрет комбрига М. С. Батракова. В этом же письме сообщался адрес Матвея Степановича. Он, оказывается, живет по соседству — в Новосибирске.

Стало ясно, что массовый героизм воинов 42-й бригады в истории Великой Отечественной войны не отражен. И если мы, живые свидетели, не раскроем его, не расскажем о нем, не увековечим, все свершенное уйдет вместе с нами, будет утрачено для последующих поколений, для истории.

Вскоре удалось наладить переписку с М. С. Батраковым, через него — с Н. М. Юровым (Киев), М. И. Каштаном (Ленинград)... Расширилась переписка, росло и число адресов батраковцев.

Начали с Рубцовска. Нашли 150 однополчан из 21-го гвардейского полка и 20 — из 42-й бригады.

В марте 1965 года по инициативе барнаульца генерал-майора в отставке М. Т. Карначева (умер 1 декабря 1984 года), активно взявшегося за поиск героев с Алтая, собиравшего материалы о соединениях, формировавшихся в нашем крае, и политотдела крайвоенкомата мне дали путевку в подмосковный санаторий. Это позволило двадцать дней поработать в Подольском архиве Министерства Обороны СССР. Через двадцать три года мне выпало счастье прикоснуться к историческим документам бригады, увидеть и переписать все политдонесения политотделу армии, составленные мною в окопах Сталинграда, собрать большой документальный материал о 42-й бригаде.

В День Победы 1965 года в Рубцовске состоялась первая незабываемая встреча однополчан 21-го гвардейского полка и 42-й Краснознаменной стрелковой бригады со своим прославленным командиром Героем Советского Союза генерал-майором в отставке М. С. Батраковым. В школах № 4, 2, имени Пушкина прошли встречи с пионерами и комсомольцами. Это положило начало разворачиванию массовой военно-патриотической работы с молодежью, созданию комнат и музеев боевой славы. Узнали мы на той встрече и о судьбах многих своих однополчан, о судьбе нашего комбрига.

Подлечившись, Матвей Степанович попал в число слушателей академии Генерального штаба. По ее окончании работал инспектором Генерального штаба. Участвовал в войне с Японией, командовал 59-й стрелковой дивизией. При захвате города Харбина в числе пленных оказался японский генерал. Потомственный самурай отказался передать нашим офицерам свой почетный генеральский меч и потребовал, чтобы принял его в качестве трофея равный ему по званию. Его привели к генералу М. С. Батракову. Японский генерал взял свой меч в обе руки, поцеловал его и сказал: «Примите на милость победителя». Этот меч стал экспонатом Рубцовского городского краеведческого музея.

Родина высоко оценила героизм и умение воинов 59-й дивизии, она стала Краснознаменной, а грудь комдива украсил еще один орден — Суворова.

После победы над Японией М. С. Батраков встал на охрану государственной границы на Дальнем Востоке. Здесь Матвей Степанович продолжал долгие годы нести почетную службу. Здесь ему была оказана высокая честь — быть депутатом Верховного Совета СССР.

С поста Новосибирского облвоенкома М. С. Батраков ушел на заслуженный отдых. Живет он в Новосибирске. Несмотря на преклонный возраст (в 1985 году ему исполнилось 85 лет) и недомогания, Матвей Степанович до сих пор в строю — среди народа, среди нас, ветеранов, ведет огромную военно-патриотическую работу с молодежью вдохновляя ее на самоотверженный труд, на боевые подвиги. Он частый гость Барнаула, Рубцовска. Его избрали Почетным гражданином городов Сергач, Ельня, Рубцовск. Сердечная теплота и доброта Матвея Степановича Батракова располагают к нему всех, кто с ним общается. Он — живая история армии народа.

В декабре 1981 года в Барнауле состоялась самая

представительная встреча наших однополчан, посвященная сорокалетию формирования и отбытия на фронт 42-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады. Она вылилась в торжественный праздник. На нее пришли многие представители общественности краевого центра, школьники. Самое активное участие в ее подготовке приняли барнаульские горком КПСС и горисполком, крайком и горком комсомола, неутомимые красные следопыты многих школ города и края, которые провели огромную, просто титаническую поисковую работу по раскрытию подвига и увековечению памяти о 42-й бригаде. В ней участвовали комсомольцы и пионеры Алтая и Волгограда. Вместе с ними скрупулезно восстанавливали фронтовую летопись бригады журналисты Дмитрий Горбунцов, Борис Юдаlevич, Борис Брызгин, кинооператор Владимир Мартынов, волгоградец Николай Сергеевич Попов и многие другие.

Неутомимыми организаторами поиска являются Михаил Лукьянович Щепочкин (Барнаул), Александра Сергеевна Алехина (Рубцовск), Нина Ильинична Пыркова (школа № 59 Барнаула), Галина Филипповна Кузнецова (школа № 12 Барнаула), Елена Дмитриевна Астахова (Волгоград), комсомольцы моторного завода Волгограда.

Особую нашу признательность и уважение заслужил ветеран гражданской войны журналист Николай Сергеевич Попов из Волгограда. Вступив уже в преклонный возраст, он продолжает неутомимый поиск, по-молодому энергичен, настойчив, целеустремлен. Около двух десятков лет он собирает материалы о воинах 42-й бригады, восстанавливает их имена, описывает их подвиги в волгоградских газетах. Более тысячи писем отправил он во все концы Советского Союза, разыскивая оставшихся в живых, семьи погибших воинов бригады. Не один десяток его очерков, статей опубликовали волгоградские газеты о боевых делах бригады, ее отличившихся воинах. И в каждом из них он был предельно точен, правдив. На слете мы единодушно присвоили ему звание «Почетный ветеран 42-й бригады».

Таким же титулом отмечены заслуги перед бригадой и журналиста Дмитрия Горбунцова, ныне работающего в газете «Правда».

Итак, наша встреча через сорок лет после отправки бригады на фронт. Зал Дома культуры завода «Трансмаш», где она проходила, переполнен. В первых рядах сидят убеленные сединами мои однополчане, мои сверст-

ники, комсомольцы 30—40-х годов. Нелегкая выпала им доля, но они достойно перенесли все тяготы, все испытания, защитили Родину в смертельно опасный для нее час, а потом много лет трудились, чтобы залечить раны, нанесенные войной, сделать нашу страну могучей, богатой, неприступной для врагов. Несколько поколений юных граждан Отчизны испытали на себе их благотворное влияние, их воспитательное воздействие, учатся у них патриотизму, преданности Родине, ответственности за ее судьбу, трудолюбию.

По всем уголкам страны разбросала моих однополчан послевоенная судьба. Самую представительную делегацию составили киевляне. Среди них с радостью вижу доктора исторических наук, бывшего комиссара артиллерийского дивизиона Павла Ивановича Денисенко, мастера ОТК знаменитого завода «Арсенал» Евгения Петровича Машкевича — бывшего связиста. В звании полковника в отставке прибыл бывший командир роты связи, раненный в Сталинграде, старший лейтенант Тройко. До звания подполковника дослужился бывший ефрейтор связист Олевский. В Киеве проживают бывший комиссар бригады полковник Цымбал и многие другие товарищи.

Из Ленинграда приехал преподаватель политэкономии бывший секретарь парткомиссии 42-й бригады Марк Иосифович Каштан, из Москвы — Дмитрий Сергеевич Трунцев и бывший инструктор политотдела Иосиф Вольфович Коган, из Сочи — бывший командир артбатареи Перескоков, из Саратова — известный читателю Петр Ефимович Белозеров, из Магадана — минометчик Павел Иванович Кулагин, из Фрунзе — тоже бывший минометчик, ныне бухгалтер-ревизор Коршунов, из Талды-Кургана — операционная медсестра и на фронте, и после войны Нина Николаевна Толченицина.

Почти во всех городах и районах Алтая проживают ветераны 42-й бригады. Большинство их прибыло на юбилейную встречу.

Смотрю я на своих однополчан — и сердце наполняется гордостью за их послевоенные судьбы, за их славные дела, беззаветный труд, коммунистическую заботу о молодежи. Многие, не считаясь с возрастом, здоровьем, продолжают нести трудовую вахту, вести военно-патриотическую работу с подрастающими поколениями.

Нам выпало счастье, выйдя живыми из огненных лет, почти четыре десятилетия в обстановке мира вместе со всем народом приумножать могущество нашей державы.

Вот коротко свершения, послевоенная жизнь нескольких моих однополчан, о которых мы узнали на слете.

Николай Тарасович Трибунский, юный минометчик, после ранения в Сталинграде, подлечившись, стал лихим разведчиком и за свои ратные подвиги удостоен трех орденов Славы. После войны стал главным бухгалтером, из них более 25 лет проработал в аппарате краевого комитета партии. Он является председателем совета ветеранов бригады. На доме, в котором он живет, укреплена мемориальная доска с надписью: «В этом доме живет полный кавалер орденов Славы Трибунский Николай Тарасович».

Я много рассказывал о боевых делах, прекрасных человеческих качествах Владимира Макаровича Савчинского. После войны подполковник в отставке, агроном по профессии, он вернулся на Алтай, к так полюбившимся ему на фронте сибирякам. Здесь он становится директором крупнейшего на Алтае Шипуновского зерносовхоза и с присущей ему кипучей энергией берется за экономическое развитие этого хозяйства, с каждым годом увеличивающего сдачу хлеба государству. При Савчинском совхоз быстро вышел в число передовых хозяйств края. Через шесть лет Савчинского избирают секретарем Шипуновского, а затем Славгородского райкома КПСС. В 1956 году он становится директором целинного совхоза «Краснодарский» Усть-Пристанского района. Ему посвящено много теплых слов в повести Виталия Степанова «Под ветрами степными». Здесь к боевым наградам — двум орденам Отечественной войны и двум орденам Красного Знамени — в 1957 году за перевыполнение плана хлебосдачи прибавился орден Трудового Красного Знамени. Четыре раза награжден Савчинский медалями участника ВДНХ СССР. Девять последних лет Владимир Макарович проработал проректором Алтайского сельскохозяйственного института. С 1971 года он, персональный пенсионер, на заслуженном отдыхе: ранения в позвоночник, ногу и контузия дали о себе знать. Но Владимир Макарович не сидел дома сложа руки: он руководил советом ветеранов бригады, вел военно-патриотическую работу в школах, учебных заведениях. Три года был прикован к постели, но и в эти суровые дни испытаний коммунист В. М. Савчинский находил в себе силы и мужество сохранять душевное равновесие, быть полезным людям. В ноябре 1984 года Владимир Макарович умер.

В Барнауле и крае проживает очень много ветеранов из минометного батальона. Федор Иванович Шевелев,

связной комиссара Савчинского, все послевоенные годы проработал железнодорожником на станции Алтайская. Машинистом паровоза в Барнауле стал бывший политрук минометной роты Михаил Григорьевич Роганов. Из-за недуга он лишился обеих ног, но, несмотря на это, участвует во всех походах и мероприятиях совета ветеранов, много внимания уделяет школьникам. Валентина Васильевна Литвинова, военфельдшер батальона, после войны окончила медицинский институт и работает врачом в краевом диспансере. Она активно участвует в работе совета ветеранов бригады, является его секретарем, проводит большую воспитательную работу с молодежью. Бывший офицер Петр Кириллович Данилин после войны стал архитектором, преподает архитектурное дело в Барнаульском строительном техникуме, активный член совета ветеранов. Мария Михайловна Войнова, медицинская сестра на фронте, вернувшись в Барнаул, осталась верна этой профессии, энергичная участница всех дел совета ветеранов. Часовых дел мастером стал Анатолий Елизарович Куркин, активный общественник. Заместителем председателя совета ветеранов бригады избран Михаил Артемьевич Дьяконов, финансист, все послевоенные годы проработавший в банке. Сапер Василий Мартынович Переходько пошел работать вагонным мастером в депо станции Рубцовка, хороший наставник молодежи. Алексей Григорьевич Кухленко, замполитрук, оказался умелым председателем колхоза в Завьяловском районе, воспитал целую династию руководителей из сыновей. Павел Яковлевич Мишин, военврач, хирург, так и продолжает работать в госпитале — в Бийске. В Бийске же проживает бывший комсорг минометного дивизиона, ныне подполковник в отставке Владимир Игнатьевич Ротаев, все послевоенные годы отдавший партийной и профсоюзной работе на химкомбинате.

В селе Титовка Егорьевского района трудится активный наставник молодежи, знатный комбайнер Иван Владимирович Катунцев. Вернувшись по ранению из Сталинграда, он вновь взялся за свое любимое хлеборобское дело. Бывший минометчик Петр Павлович Хмель стал учителем в селе Новый Орлеан Благовещенского района, возглавляет поисковую и военно-патриотическую работу в школе.

Сразу несколько наших ветеранов приехали из Троицкого района: Тимофей Захарович Абдулганеев, Григорий Федорович Анисимов, Григорий Иванович Валентеев, Михаил Иванович Карачанцев, Алексей Федорович Федюкин — все они передовики производства, наставники.

Мне особенно приятно было встретиться со стрелками из противотанковых ружей, что сбивали немецкие самолеты и служили в роте ПТР, в которой я был комиссаром. От той роты нас осталось всего пять человек. Иван Никитич Яковлев, вернувшись с фронта, стал сварщиком в вагонном депо Рубцовка. Это уважаемый шеф-наставник молодежи. К его боевым наградам добавился орден Октябрьской Революции. Филимон Сафронович Шукин до ухода на пенсию работал трактористом в селе Видоново Залесовского района и сейчас опекает молодых механизаторов. Семен Иванович Буздалин проживает в селе Косиха, все годы проработал в органах милиции, воспитывает молодую смену. Дмитрий Игнатьевич Торшин все годы работы в автохозяйстве в селе Курья являлся передовиком производства, сейчас на пенсии.

В Рубцовске проживает бывший лихой разведчик Михаил Иванович Шестаков — наладчик на тракторном заводе, ударник коммунистического труда, шеф-наставник.

Как правило, бывшие фронтовики стали примерными тружениками после войны. Они не поддаются годам, болезням, недугам и стараются по мере сил быть полезными своему производству, партии, людям, много сил и души отдают воспитательной работе с молодым поколением, не знаящим, что такое война.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕДУТ КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

Случилось так, что однополчане срочно вызвали меня в Барнаул и попросили принять участие в походе красных следопытов школы № 59 по местам боев 42-й Краснознаменной отдельной стрелковой бригады. Руководил походом Михаил Лукьянович Щепочкин.

Выехали мы утром 29 декабря 1967 года. Провожали нас руководители школы, родители, друзья. Пришли и однополчане, они вручили нам шкатулку с алтайской землей и поручили доставить ее на поля сражений в Сталинграде.

Знакомлюсь с ребятами. Их двадцать. Какую же радость доставили они мне, позвав с собой туда, куда давно рвалось мое сердце, моя память — в Сталинград! И вновь я почувствовал себя молодым, задорным.

Дорогой детально разработали маршрут похода, его цель, девиз. Избрали командира похода — Сашу Биркле,

комиссарами — Володю Шестакова и Юру Крупина, фотокорреспондентом — Сережу Курченко. Остальным поручили хозяйственные дела, ведение дневников, изучение материалов о 42-й бригаде, переписку и т. д. Эти заботы легли на плечи Зины Тишиной, Вали Кривошеевой, Люды Курбатовой, Тани Торопцевой, Иры Трубициной, Люды Вяткиной, Гали Федоренко, Гали Драчевой, Валерия Быструшкина, Володи Пролетарского, Володи Бубнова, Володи Митюшкина и Алеши Лукьянова.

Отрадно было видеть, с каким огоньком, задором, интересом взялись ребята за работу. Пришлось подробно рассказать им о боевом пути бригады, о подвигах ее воинов, о местах сражений.

Заранее Михаил Лукьянович завязал переписку с Волгоградом, Москвой, а затем сообщил туда о времени нашего приезда, попросил приютить.

В Волгоград прибыли днем 1 января. На вокзале нас встретил заместитель заведующего горно и разместил всех в близлежащей школе. Мы познакомились с журналистом Николаем Сергеевичем Поповым, ведущим, как я уже упоминал, огромную работу по раскрытию подвигов воинов 42-й бригады.

О том, как проходил поход, что сделали, лучше всего расскажут сами ребята. Вот отрывки из их отчета о поезде:

«Девиз похода: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Цель похода: найти и восстановить места подвига 42-й Краснознаменной отдельной стрелковой бригады, защищавшей город Сталинград. Отыскать живых свидетелей и участников этой битвы. Подготовить и провести слет ветеранов 42-й бригады... Для создающегося музея истории ордена Ленина завода «Трансмаш» завязать братские связи с ветеранами Волгоградского тракторного завода, на базе которого в войну в Барнауле создан завод «Трансмаш». Ознакомиться с ВТЗ, его музеем, традициями трудовой славы. Добыть материалы для музея; в Москве посетить важнейшие исторические места революционной славы нашей Родины, связанные с именем великого Ленина.

Поход совершен по маршруту: Барнаул—Волгоград—Москва—Барнаул с 29 декабря 1967 года по 11 января 1968 года.

Первый этап похода — Волгоград. Кровь наших отцов и дедов, наших земляков-алтайцев, обильно пролитая в Сталинградской битве, позвала нас, наши юные сердца в этот необычный патриотический поход. Мы посетили Ма-

маев курган. Шел дождь. Было туманно, сыро, грязно, а мы, презирая усталость, оставались там целый день. И несмотря на зиму, мы набрали много осколков бомб, снарядов, стабилизаторов мин и др.

Но самым трогательным для нас стал осмотр мест, где стояла насмерть наша 42-я отдельная Краснознаменная бригада. Мы установили места, где совершался массовый героизм сибиряков и моряков у стен города и в его центре. Побывали на легендарной высоте 133,4, установили имена всех 17 отважных моряков, защищавших эту высоту под командованием комбата Жукова. Посетили мы и рубежи, где сражался 2-й стрелковый батальон, прошли по всей Дубовой балке и высоте с ее склонами.

Мы любовались красотой центральной части города — Аллеей Героев, Центральной пристанью, набережной Волги, городским садом, драмтеатром, цирком, изумительно красивой архитектурой зданий в этом районе. Здесь сосредоточены все главные областные учреждения. На Аллее Героев стоит обелиск, горит Вечный огонь. Здесь мы увидели почетный караул пионеров с автоматами в руках. Этот трогательный обычай у нас еще не введен...

Мы побывали в цехах Волгоградского тракторного завода имени Дзержинского, его музее. Нас по-дружески приняли члены заводского комитета комсомола, а директор музея Виктор Иванович Першин на второй день вместе с зам. секретаря ВЛКСМ влились в нашу походную группу и помогли отыскать Дубовую балку и высоту 133,4, подарили ценные экспонаты для школьного музея.

В заключение мы были приняты секретарем обкома КПСС товарищем Непокупным. Мы рассказали ему о своем походе, подарили альбом о революционной борьбе сынов Алтая и просили помочь увековечить память о героических подвигах воинов 42-й бригады в Сталинграде. Тов. Непокупный подарил нам альбом с видами города и написал на нем: «Будьте достойны своих отцов и дедов — славных защитников Сталинграда», сфотографировался с нами.

Второй этап похода — Москва. В Москве о нас была проявлена теплая, отеческая забота. Встретили на вокзале, устроили жилье в центре города. Мы посетили Мавзолей В. И. Ленина, Центральный музей Владимира Ильича, его кабинет-квартиру в Кремле, Музей революции, Оружейную палату, Третьяковскую галерею. В МХАТе посмотрели спектакль «Егор Булычев».

На всю жизнь останется в памяти встреча с секретарем В. И. Ленина — Лидией Александровной Фотиевой. В Академии Генерального штаба Вооруженных сил тепло принял генерал-полковник Иван Ильич Людников, сфотографировался с нами. Из города Клин к нам приехал легендарный комбат Жуков.

...Настоящий поход для нас явился величайшим открытием в познании нашей великой Родины. Посетив ленинские места, мы клянемся жить, учиться и бороться за светлое будущее — коммунизм по-ленински!

...Мы гордимся подвигами наших отцов, дедов, героических защитников нашей Родины. Мы клянемся — до конца своей жизни быть достойными этих подвигов;

следуя девизу — «Никто не забыт, ничто не забыто!», мы обращаемся к партийным, комсомольским и советским органам городов Волгограда и Барнаула с предложением увековечить памятные места подвигов воинов 42-й бригады: в Волгограде — у моторного завода, на высоте 133,4, в городском саду, у драмтеатра, Музея обороны, у бывшего Дома пионеров; в Барнауле — сделать мемориальную надпись на здании, где размещался штаб бригады в период ее формирования;

по итогам похода мы проведем слет ветеранов бригады и пригласим на него их всех;

мы предлагаем ввести почетный караул у Вечного огня города;

всем тем, кто поддерживал наш поход морально, материально и делами, наше сердечное комсомольское спасибо!

Командир похода Александр Биркле, комиссары похода Владимир Шестаков, Юрий Крупин».

18 февраля 1968 года в Барнауле состоялся первый слет ветеранов 42-й отдельной Краснознаменной бригады. На него прибыли М. С. Батраков, многие ветераны, а также красные следопыты, в том числе и из школы № 4 Рубцовска, уже создавшие свой музей боевой славы 42-й бригады.

От имени участников похода его командир Александр Биркле отчитался о поездке по местам боев бригады и обратился к М. С. Батракову:

— Товарищ генерал-майор, прошу вас, бывшего комбрига 42-й Краснознаменной, принять наш отчет о походе по местам боев бригады. Заверяем вас, всех участников слета, что ваши боевые традиции, ваши героические подвиги, прославляющие нашу Сибирь, мы принимаем на

свое вооружение, как эстафету своих отцов. Обещаем, что всю свою сознательную жизнь посвятим матери Родине. Клянемся, что по первому зову Родины мы повторим и приумножим подвиги наших отцов! Спасибо вам за то, что вы подарили нам мир, жизнь, счастье!

Комбриг поблагодарил всех участников похода, пожал им руки, дополнил их рассказ о боевом пути бригады. С воспоминаниями выступили и многие ветераны, раскрывшие новые страницы биографии бригады.

Здесь же, на торжественном слете, принимается решение: всех участников похода зачислить в списки юных однополчан воинов 42-й бригады.

В этот день все классы 59-й школы провели урок мужества. В нем участвовали батраковцы. Завязалась крепкая дружба двух поколений. Ветераны 42-й бригады побывали в этот день и в других школах Барнаула.

Подводя итоги похода, крайком ВЛКСМ, краевой штаб красных следопытов решили объединить усилия всех красных следопытов Алтая, стремящихся в год 25-летия Сталинградской битвы в Волгоград и 50-летия Ленинского комсомола — в Москву и Ленинград. Было решено сформировать экспедицию «Подвиг» из комсомольцев — красных следопытов Алтая. Перед нею поставили цели:

1. Изучение героических подвигов сибиряков-алтайцев в Сталинградской битве и в сражениях на Северо-Западном фронте; изучение революционных традиций рабочего класса в ленинских местах; посещение полей сражений; установление мемориальных досок;

2. Пропаганда героизма наших земляков среди населения и молодежи в Волгограде, Старой Руссе, селах Залучье, Шубино;

3. Сбор материалов для написания истории 42-й бригады.

Время работы экспедиции — с 21 июня по 15 июля 1968 года.

Маршрут: Барнаул—Волгоград—Москва—Ленинград—Старая Русса—Залучье—Шубино—Барнаул.

Состав экспедиции: десять ветеранов бригады, один представитель завода «Трансмаш», 25 комсомольцев-следопытов, четверо представителей прессы, всего — 40 человек. Возглавлять экспедицию «Подвиг» было поручено автору этих воспоминаний.

Активное участие в работе экспедиции приняли газеты «Алтайская правда» — журналист Борис Юдалевич, «Молодежь Алтая» — журналист Дмитрий Горбунцов,

«Молодой ленинец», «Строитель» Волгограда — журналист Н. С. Попов. Телевидение представлял оператор Владимир Мартынов. Экспедиция была посвящена 50-летию ленинского комсомола.

В состав экспедиции «Подвиг» входили комсомольцы-школьники Рубцовска, Барнаула, Заринска, Рубцовского, Усть-Пристанского, Волчихинского, Михайловского районов. В Волгограде в состав экспедиции влились пионеры Волгоградского Дворца пионеров, представители комсомола тракторного завода (ВТЗ).

Отправилась экспедиция в путь из Барнаула 20 июня от Вечного огня у памятника Павшим борцам за власть Советов на Алтае. Здесь состоялся торжественный митинг.

В поезде шла интенсивная работа: познакомились, вели дневниковые записи, беседовали с ветеранами.

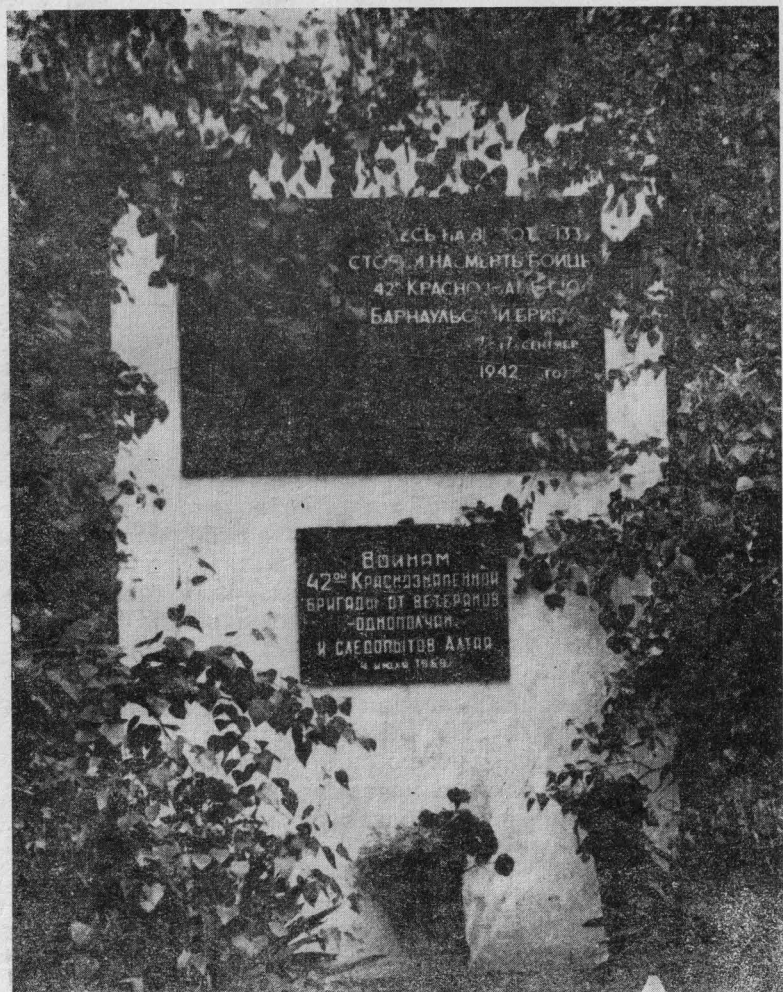
В Волгограде на перроне вокзала нас ожидали пионеры, развернувшие транспарант «Привет ветеранам 42-й бригады и следопытам Алтая!». Юные хозяева повели нас в свой Дворец и устроили нам здесь жилье. И с этой минуты ежедневно с утра до ночи с нами находились пионеры из местного отряда «Поиск», прошли с нами от начала до конца по местам боев бригады, познакомили со своим городом-героем. Здесь в полной мере были установлены места легендарных сражений бригады, названы многие имена ее героев.

Целый день участники экспедиции провели в Дубовой балке и на высоте 133,4. На огромном осколке авиабомбы краской написали слова: «Здесь будет заложен памятник, посвященный подвигу 42-й бригады».

У Дубовой балки теперь расположена экспериментальная станция садоводства.

Сады здесь выросли в затишье,
Как на смотру, стоят в строю.
В налитой соком красной вишне
Я кровь солдата узнаю.

На Аллее Героев, у обелиска, горит Вечный огонь. Здесь девять дней стояли насмерть воины 42-й. У обелиска несут почетный караул комсомольцы города. Волгоградцы доверили комсомольцам Алтая занять место в почетном карауле. Надев форму юнармейцев, прижав к груди автоматы, чеканным, торжественным маршем шли наши парни, чтобы постоять в почетном карауле на месте гибели земляков. Эта высокая честь была оказана Гене Голубчикову, Володе Бессарабову, Грише Фокину из Рубцов-

Памятник воинам 42-й бригады на высоте 133,4.

ска, Сереже Каратун и Саше Биркле из Барнаула, Вите Алерборн из Волчихи и Валере Пестерневу из Заринска.

В последний день нашего пребывания в Волгограде во Дворце пионеров состоялся «Голубой огонек». Его устроили местные красные следопыты отряда «Поиск». Шла задушевная товарищеская беседа единомышленников. Волгоградцы запевают песни — их подхватывают алтайцы,

аккомпанирует на аккордеоне рубцовчанин Миша Альберт. А потом рубцовчане начали свою любимую:

Уральцы поют о Свердловске,
Поют москвичи о Москве.
О городе-нашем Рубцовске
Пропеть захотелось и мне.

Пускай он не лучший на свете,
Пускай он не тонет в садах.
Зато на рабочем рассвете
Растет у людей на глазах...

Тепло попрощались мы с гостеприимными волгоградцами. И снова в путь.

В Москве, Ленинграде ребята зримо прикоснулись к великому Ленину, ко всему, что было связано с его жизнью, прикоснулись к истории нашей Родины. Увидели своими глазами легендарные места, встретились с участниками исторических событий. Ребята жадно рвались к познанию всего, что их окружало, волновало в этих двух городах-героях. Им хотелось как можно больше увидеть и услышать. Здесь они познавали жизнь, формировали себя для будущей большой жизни, избирали свой путь в эту жизнь. То, что годами изучали по книжкам, они увидели наяву.

Старорусский райком партии принял нас радушно: встретили на вокзале, выделили автобус на все время похода по этим местам. Вечером нас ждали в Шубино. Бывшая болотная и лесная глухомань стала крупным селом. В клубе мы встретились с местными жителями. Я им напомнил, как ночью первый батальон ворвался в Шубино, перебил всех немцев и не дал им сжечь деревню, как мы сбивали над их селом самолеты.

Ко мне подошла пожилая женщина:

— Неужели это были вы, те, которые спасли нас?

— Да, мамаша, мы, батраковцы.

— А что вот там за мостом было? — продолжает она испытывать меня.

— Там стоял одинокий пятистенный домик. Его снесло воздушной волной авиабомбы. Находившиеся в нем бойцы ни один не пострадал.

И тут она окончательно поверила, что мы воевали в этих местах.

— Родненькие, да как же вы надумали к нам приехать!

— Память о павших позвала нас в дорогу.

— А мы, миленький, за могилкой ваших солдат — на-

Встреча с учащимися шк. № 97 г. Волгограда. В президиуме слева направо: М. И. Каштан, А. Т. Перескоков, П. И. Денисенко, В. Ф. Большаков, В. В. Литвинова, Е. П. Машкевич, В. М. Савчинский, М. Е. Перескокова.

ших освободителей, ухаживаем всем селом. Этот памятник нам всех дороже.

Утром мы посетили могилу и памятник павшим однополчанам. Оставили на ней шкатулку с алтайской землей. Сфотографировались. А потом пошли по местам боев. Осмотрели сохранившиеся блиндажи и окопы.

Побывали мы и в Залучье. Встретились с бывшими партизанами, с местными жителями, вспомнили с ними, как сражались на этом рубеже.

Поставленные перед собой задачи экспедиция «Подвиг» выполнила. Публикации в газетах «Алтайская правда» и «Молодежь Алтая» подробно осветили подвиги воинов 42-й бригады. Экспедиция открыла много новых адресов, новых фактов. Владимир Мартынов снял фильм о походе. Эта кинолента до сих пор служит делу военно-патриотического воспитания молодежи.

Но на этом экспедиция «Подвиг» не прекратила свою работу. Отраднo, что шефы бригады — барнаульские горком КПСС, горисполком, крайком и горком комсомола уделили большое внимание увековечению героических дел бригады. В 1969 году комсомольцы Барнаула во главе с секретарем горкома Марусенко и генерал-майором в отставке М. Т. Карначевым совершили поездку в Волгоград

После митинга, посвященного присвоению улице имени 42-й бригады. В центре М. С. Батраков.

и установили на высоте 133,4 памятник, посвященный подвигу 42-й бригады.

1 февраля 1975 года, в год 30-летия Победы, жители краевого центра почтили память воинов 42-й бригады. Третья Северо-Западная улица переименована в улицу 42-й бригады. На митинг, посвященный присвоению улице нового имени, пришли ветераны бригады, партийные, советские и комсомольские работники, жители города.

А несколькими часами раньше, в этот же день, прошел митинг по случаю открытия мемориальной доски: «В этом здании с 20. X по 6. XII. 1941 года размещался штаб 42-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады, перестроенной в 1943 году в 226-ю Глуховско-Киевскую Краснознаменную ордена Суворова стрелковую дивизию. Прошла боевой путь: Москва, Северо-Западный фронт, Сталинград, Курская дуга, Киев, Прага».

В 1977 году красные следопыты школы № 56 Барнаула посетили деревню Новая Маревского района Новгородской области и укрепили там мемориальную доску о том, что Новая освобождена 3-м стрелковым батальоном 42-й бригады 30 января 1942 года.

15 октября 1968 года в честь 50-летия ВЛКСМ пионерской дружине школы № 4 Рубцовска присвоено имя 42-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады. Мемори-

А. С. Алехина.

альная доска в честь этого события с соответствующей надписью укреплена при входе в школу.

С 1965 года в этой рубцовской школе работает музей боевой славы 42-й бригады. После похода 1968 года красные следопыты отсюда дважды побывали в Киеве — по местам боев 226-й дивизии. В музее хранится фильм об экспедиции «Подвиг», собрано много материалов, магнитофонных записей и т. д. Руководит школьным музеем ветеран труда Александра Сергеевна Алехина.

Экспедиция «Подвиг», получившая широкую огласку через краевую печать, зазгла в сердцах молодежи

стремление как можно больше узнать о подвигах земляков на фронтах Великой Отечественной войны, пройти их боевым путем, увековечить их подвиги в школьных музеях и уголках боевой славы, воспитывать в себе патриотизм, готовность беззаветно защищать Родину, стать приемниками боевой славы отцов и дедов, отмечать память о них большими свершениями.

Студенты Рубцовского сельхозтехникума, например, устроили весной 1975 года велопробег Рубцовск—Волгоград, посвященный 30-летию Победы. Их путь лежал через Алма-Ату—Фрунзе—Джамбул—Чимкент... 9 мая, в День Победы, рубцовчане финишировали в городе-герое Волгограде, как и намечали.

Через год, в июле 1976 года, от Вечного огня Рубцовска стартовал новый велопробег Рубцовск—Волгоград. Он посвящался 60-летию Великого Октября, 50-летию Рубцовска, немеркнущему подвигу защитников Сталинграда. В нем участвовали комсомольцы и молодежь Рубцовского ГПТУ-9. Было их одиннадцать. Команду возглавлял секретарь комитета ВЛКСМ училища Владимир Свиридов. Ребята взяли в путь символическое знамя 42-й бригады.

Финишировали рубцовские велосипедисты в Волгограде 23 августа, пройдя путь в 3750 километров. Проехали

Участники велопробега 1976 г.

они через Семипалатинск, Павлодар, Кокчетав, Челябинск, Уфу, Куйбышев, Саратов. Встретить их прибыли более тридцати ветеранов бригады. Местом сбора был выбран моторный завод.

За десять дней до прибытия учащихся профтехучилища из Рубцовска молодежь Волгограда узнала об этом велопробеге через газету «Молодой ленинец». Вот что она писала:

«Выбор нашего города для алтайцев неслучаен. Берега великой русской реки в грозные дни сражений защищали их земляки — воины бывшей 42-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады. Но не только суровые дни войны связывают Рубцовск и Волгоград. В тракторах, сделанных руками алтайцев, бьются «стальные сердца», изготовленные в городе-герое. Поэтому первыми, кто встретит участников похода в Волгограде, будут комсомольцы моторного завода, спортсмены этого предприятия».

Утро 23 августа. Идет ливневый дождь. У проходной и заводоуправления масса народу. И через этот ливень к заводу прорываются рубцовчане — забрызганные грязью, мокрые, но с радостными улыбками — показывают сибирский стойкий характер. И, словно поняв свою

неуместность, устыдившись, дождь сразу же прекратился. У проходной состоялся короткий митинг — докладывал командир похода Владимир Свиридов.

Пять дней рубцовские велосипедисты были гостями волгоградских моторостроителей. Они несли почетную вахту у Вечного огня на Аллее Героев.

В следующем, 1977 году, Владимир Свиридов возглавил велопробег комсомольцев ГПТУ-5 и завода «Алтайсельмаш» по маршруту Рубцовск—Москва—Ельня—Бородино. Он тоже посвящался боевым подвигам воинов с Алтая на фронтах Великой Отечественной войны.

Прошло семнадцать лет со времени первого похода по местам боевой славы земляков. И каждый год в путь по таким же маршрутам с Алтая отправляются все новые отряды красных следопытов, движимые благородной целью — лично прикоснуться к подвигу старших поколений, узнать о нем как можно больше, побывать в тех местах, где он совершался, встретиться с его участниками и вписать новые страницы в боевую летопись Алтая.

Узнавали о таких добрых делах школьников, учащихся ветераны, и душа их радовалась тому, как много сделали юные исследователи Алтая. Люди же, которые раскрывали подвиги земляков, и сами, не замечая того, совершали величайший подвиг перед историей, перед своим народом, перед защитниками Родины — живыми и павшими, воскрешая их дела и имена, воспитывая на их примере все новые и новые подрастающие поколения. Земной поклон вам за это, наши юные однополчане!

Поисковая работа для красных следопытов стала школой мужания, школой патриотизма, школой человечности. Самые первые из них теперь уже папы и мамы, провожают своих детей в школу, формируют из них достойную смену. Самых первых тоже можно назвать ветеранами, ветеранами первых боевых походов красных следопытов Алтая, знаменитой экспедиции «Подвиг».

Недавно в Рубцовске состоялся просмотр фильма об экспедиции «Подвиг» комсомольцами школы № 4. На встречу к ребятам пришли герои этого фильма — участники похода, выпускники школы прошлых лет. Следопытская работа в юности, конечно же, не прошла бесследно для них. Она во многом сформировала их характеры, определила пути и цели в жизни, наполнила их дела, помыслы, стремления высоким содержанием. Они почувствовали себя преемниками, наследниками героев-фронтовиков, к истории которых они близко прикоснулись. И школьники,

глядя на своих старших товарищей, видели и понимали, какими могут и должны стать и они.

С каждым годом все меньше остается в живых участников жестокой войны. И теперь на плечи молодых ветеранов поисковой следопытской работы все ошутимее перекладывается вся тяжесть военно-патриотической, идейно-воспитательной работы. Они получили хорошую закалку в походах, встречались с участниками Великой Отечественной войны, сформировали себя для жизни, наполненной высокими идеалами. Им и принимать эстафету уходящего поколения, нести в будущее негасимый факел памяти, подвигов, жизни!

209097

ЦБ	Рубцовская
ЧЗ	ЦБС

Список использованных документов, литературы

1. Слава твоя, Сибирь. Очерк о сибирских героях. Новосибирск, 1964.
2. Письма огненных лет. Барнаул. 1975.
3. П. Кузнецов. Дни боевые. М., Воениздат, 1962.
4. Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., изд-во АПН, 1971.
5. Н. И. Крылов. Сталинградский рубеж. М., Воениздат, 1979.
6. В. И. Чуйков. Начало пути. М., Воениздат, 1957.
7. Бруно Винцер. Солдат трех армий. М., Прогресс, 1971.
8. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны с 23 января 1943 по 3 сентября 1945 годов. М., Воениздат, 1975.
9. Город-герой на Волге. Путеводитель по историческим местам Волгограда. М., Воениздат, 1963.
10. ЦАМО. Фонд 42-й отдельной стрелковой бригады; фонд 8-й гвардейской армии.
11. Газета «Красный гвардеец», № 41, 44, 45, 46, 48, 51, 56, 59, 60, 61, 63, 65, 73, 74, 75, 80 за 1942 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе книги. <i>М. С. Батраков</i>	3
Комсомольцы тридцатых	5
Рождение 42-й бригады	7
Северо-Западный фронт	14
Бои за Молвогицы	17
Бригада идет на север	26
Активная оборона	43
Минометный батальон	52
Второй стрелковый батальон	56
На защиту Сталинграда	67
Дубовая балка	70
Правый фланг	102
Честь солдатская	108
Поселок Баррикады	146
В одном строю с атакующими	153
Вперед, к победе!	157
Друзья-однополчане	159
Наступление ведут красные следопыты	167
Список использованных документов, литературы	181

Василий Федорович
Большаков

42-я ОТДЕЛЬНАЯ

Литературная запись
Л. А. Паршуковой

Редактор
А. Хорошилов
Художник
В. Еврасов
Художественный редактор
В. Еранкин
Технический редактор
М. Сафонова
Корректор
Г. Ульченко

ИБ № 1315

АГ 00098. Сдано в набор 3. 06. 1985 г.
Подписано к печати 29. 07. 1985 г. Фор-
мат 84x108/32. Бумага тип. № 3. Гарни-
тура литературная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л.
10,493. Тираж 5000 экз. Заказ № 1294.
Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государ-
ственного комитета РСФСР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной тор-
говли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полигра-
фист» управления издательств, полигра-
фии и книжной торговли Алтайского
крайисполкома — 656023, Барнаул, Ти-
това, 3.

10²

**К 40-летию Великой Победы
Алтайское книжное издательство
выпустило в свет:**

И. А. ЖОЛОБОВ. ТРОПЫ РАЗВЕДЧИКОВ. Книга 2-я.

Н. Д. КОЗИН. ГВАРДЕЙЦЫ В БОЯХ.

ГОВОРЯТ ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ. Воспоминания, письма, дневники фронтовиков.

НИ СИЛ, НИ ЖИЗНИ НЕ ЩАДЯ... Документы и материалы о комсомольцах и молодежи Алтая в годы Великой Отечественной войны.

ЮРИЙ БОНДАРЕВ. ВЫБОР. Роман.

Дм. МЕДВЕДЕВ. СИЛЬНЫЕ ДУХОМ. Роман.

БОРИС ВАСИЛЬЕВ. В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ. Повесть.

ЮРИЙ КОЗЛОВ. КАЙНОК. Повесть.

ЦЕНА ПОБЕДЫ. Повести, рассказы писателей-фронтовиков.

МИХАИЛ БОРИСОВ. КРАЙ МОЙ ОТЧИЙ. Стихи.

ВИТАЛИЙ ШЕВЧЕНКО. ЗАПОВЕДНИК. Стихи.

**БОЕВОЙ ПУТЬ 42-й ОТДЕЛЬНОЙ
КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ
БРИГАДЫ — 226-й ОРДЕНОВ
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
СУВОРОВА I ст.
ГЛУХОВСКО-КИЕВСКОЙ
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ**

50 коп.